





Mordover

39  
17 10 (2



8

~~999~~ 11834/12







САМОЗВАНЦЫ  
И  
ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

---

ТОМЪ II.

ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.



САМОЗВАНИИ

II

ПОИЗОВАН БОЛПНИИ

ТОМ II

ПОИЗОВАН БОЛПНИИ



Шк 57

# САМОЗВАНЦЫ

И

## ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МОНОГРАФІИ

Д. Мордовцева.

ТОМЪ II.

Атаманъ Ивановъ и эсаулъ Юдинъ. — Атаманъ Кулага. —  
Атаманъ Заметаевъ. — Атаманъ Филиповъ и разбойникъ  
Сучковъ. — Атаманъ Буковъ и Тимофѣевъ. — Атаманъ  
Шагала и Рыжій. — Атаманъ Дегтяренко. — Атаманъ  
Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Гостинный Дворъ, № 18, 19 и 20.

МОСКВА.

Кузнецкій Мостъ, д. Рудакова.

1867.

В.м. 5476





ПРАВИТЕЛЬНО  
ОБМЕННЫЙ ФОНД  
2941  
24

---

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

На углу Могилевской и Канонерской, № 7/2.





9.

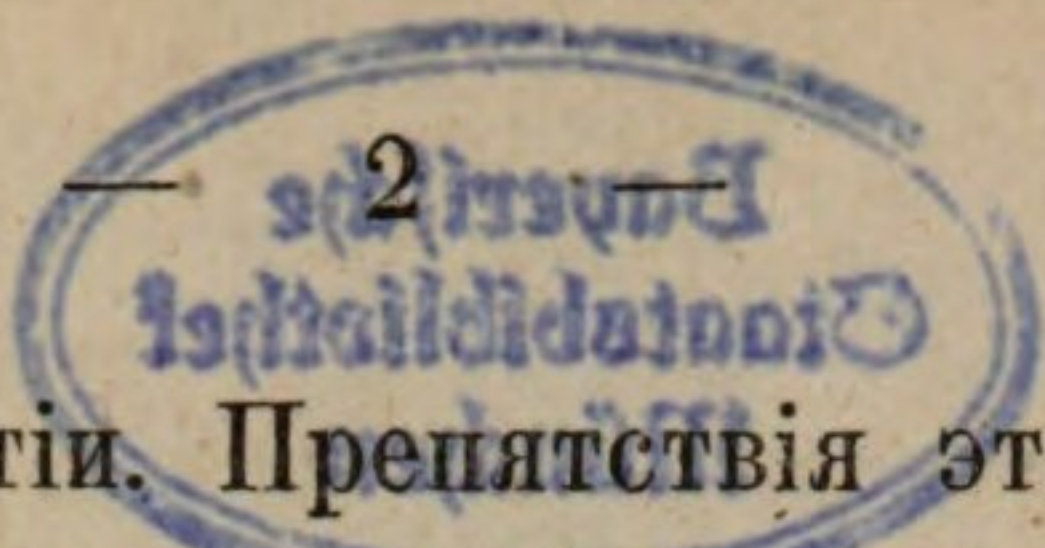
## ПОНИЗОВАЯ ВОЛЬНИЦА.

Атаманъ Ивановъ и эсаулъ Юдинъ.

### I.

Хотя грустно, что до сихъ поръ для исторіи нашего народа мы можемъ представить только не совсѣмъ благовидные факты изъ его исторической жизни, факты, повидимому, набрасывающіе тѣнь на чистоту его побужденій; однако, утѣшимъ себя мыслью, что невольныя заблужденія его вызваны обстоятельствами, отстранить которыя было не въ его волѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что для полнаго пониманія историческаго склада государства необходимо знать и оцѣнить, между прочимъ, и такія явленія, которыя, повидимому, препятствовали успѣшному ходу государственной жизни, останавливали ея развитіе, — однимъ словомъ, — явленія регрессивныя. Такими явленіями, съ извѣстной точки зрѣнія, считаются тѣ препятствія, которыя встрѣчала администрація въ поволжѣ и по всѣмъ украинымъ провинціямъ





въ прошломъ столѣтіи. Препятствія эти правительство встрѣчало въ самомъ населеніи украинныхъ провинцій и особенно въ народѣ, бродячемъ, непривыкшемъ къ мѣсту, и въ бѣглыхъ всякаго рода, а на Волгѣ — въ такъ называемыхъ «сходцахъ» и «понизовой вольницѣ».

Замѣчено, что русскій народъ, не смотря на осѣдлый характеръ, свойственный земледѣльческой странѣ, склоненъ къ бродячей жизни; что безъ видимыхъ причинъ онъ покидаетъ родину и идетъ искать чего-то на чужой сторонѣ. Но эта неуживчивость лежитъ, кажется, не въ характерѣ народа, какъ объясняютъ многіе, а есть слѣдствіе неблагопріятныхъ историческихъ обстоятельствъ. Если замѣчаютъ, что онъ легко покидаетъ родное село и кладбище отцевъ, то слѣдовало бы замѣтить, что, покидая одно, онъ ищетъ другаго, лучшаго: пойманный и уличенный «Иванъ, непомнящій родства», на вопросъ судьи о причинѣ побѣга, всегда отвѣчаетъ, что не «отъ добра бѣгаетъ», что «отъ добра добра не ищутъ». Такъ, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, въ XVIII столѣтіи народъ бѣжалъ въ Польшу и за турецкую границу; въ болѣе позднее время, въ нынѣшнемъ столѣтіи, онъ бѣгалъ на Яикъ, «на сытовые воды и кисельные берега», на «Дарью-рѣку» и на «Новую линію», нѣсколько лѣтъ назадъ цѣлыя села бѣжали въ Анапу: — потому что невѣдомыя страны эти представлялись обѣтованною землею, гдѣ трудъ не тяжель и не неблагодаренъ, гдѣ человѣку живетъ легко и свободно. Передъ самымъ царствованіемъ императрицы Екатерины II, во время крестьянскихъ смутъ, народъ бѣжалъ цѣлыми вотчинами къ Царицыну и Ка-



мышину. Цѣлыя села покидали свои родныя усадьбы, забирая лошадей, скотъ и домашнюю рухлядь. По всѣмъ мѣстамъ разглашалась вѣсть, что бѣгле, переправясь за Волгу, порыли тамъ себѣ землянки и живутъ счастливо. Говорили, что переселенцевъ принимаетъ за Волгой какой-то маіоръ Парубучъ <sup>1)</sup>. Съ трудомъ могли остановить движеніе. Съ давнихъ поръ по всему низовью и за Волгой разсѣяны были вышедшіе изъ разныхъ мѣстъ Россіи «сходцы», которые никуда не приписывались, не обзаводились хозяйствомъ и жили Богъ вѣсть чѣмъ. При заселеніи Петербурга и его окрестностей, сходцевъ требовали на житье въ новую столицу: но эти «подлые люди», какъ назывались они въ указахъ, бѣгали за Кубань, на Куму, за Волгу и Яикъ, въ Бухарскую сторону, въ Персію, гдѣ «босурманились», жили «звѣрски, въ отчаяніи» <sup>2)</sup>. Въ Россію они не хотѣли идти; а если и возвращались, то только за тѣмъ, чтобъ дополнить собой шайки бродягъ. По обнаруженіи извѣстнаго манифеста, которымъ приглашались на житье въ Россію иностранцы и вызывались раскольники, послѣдніе толпами стали переходить польскую границу и являться на русскихъ форпостахъ и въ крѣпостяхъ, для внесенія себя въ списки выходцевъ; съ ними шли и бѣгле помѣщичьи крестьяне. Раскольники, возвращаясь на родину, селились на новоотведенныхъ мѣстахъ, но не могли уже мириться съ новымъ положеніемъ и снова начинали бродячую жизнь.

<sup>1)</sup> Полн. Собр. Зак. XV. 10,791.

<sup>2)</sup> Тамъ же, XVI. 12,093.



Помѣщичьи крестьяне также неласково принимались своими господами: какъ скоро являлись они въ покинутыя вотчины, гдѣ по ревизскимъ сказкамъ значились въ числѣ бѣглыхъ или вовсе были пропущены, помѣщики прямо вели ихъ въ присутствіе и брили<sup>1)</sup>. Встрѣтивъ такой пріемъ, бѣглые опять покидали вотчины и разсыпались по Россіи. Они снова уходили за польскую границу; уводили съ собой родныхъ, знакомыхъ; бунтовали цѣлыя имѣнія и, погулявъ за границей, огромными шайками врывались въ предѣлы Россіи, расходились по всѣмъ дорогамъ, грабили и разоряли все; нападали на крѣпости и форпосты; наводили страхъ на жителей, многихъ брали съ собой и удалялись въ Польшу. За ними посылались отряды; они тайно переходили границу, ловили бѣглыхъ, приводили въ Россію и силою водворяли на прежнихъ мѣстахъ<sup>2)</sup>. Но непрочны были такимъ путемъ добытые подданные.

Во время послѣднихъ смутъ крестьяне толпами убѣгали въ Сибирь и самовольно селились тамъ, не имѣя никакого письменнаго вида. Число бѣглецевъ такъ увеличилось, что ихъ велѣно было переписать и положить въ подушный окладъ<sup>3)</sup>. Къ своимъ помѣщикамъ они не хотѣли возвращаться и скорѣе согласились жить въ Сибири или всю жизнь шататься по міру, чѣмъ быть въ прежней зависимости. Иные убѣгали въ раскольничьи скиты, разсѣянные по лѣсамъ; основывали новыя пустыни; другіе шли въ православные монастыри,

<sup>1)</sup> Полн. Собр. Зак. XVI. 12,266, XIX. 13,517.

<sup>2)</sup> Тамъ же, XVI. 11,894.

<sup>3)</sup> Тамъ же, XVI. 11,860.



посвящались въ монахи <sup>1)</sup> и лучше хотѣли отказаться навсегда отъ міра, чѣмъ воротиться домой. Многіе, особенно послѣ заразы 1770 года, лишившись родныхъ и поддержки, бродили по міру, заходили въ Москву, шатались по выморочнымъ домамъ и грабили <sup>2)</sup>. Переходя изъ села въ село, бѣгле, на вопросъ воеводъ и комендантовъ, что за люди? отвѣчали: выходцы изъ Польши въ силу манифеста 62 года, и пропускались безпрепятственно. Между этими шайками ходили бѣгле солдаты, вездѣ находившіе радушный пріемъ и покойный ночлегъ; самыя войска были не въ блестящемъ положеніи. Отставные солдаты высылались въ казанскую губернію на поселеніе; они ходили безъ конвоя и, разсѣявшись по Россіи, праздно проводили время «къ безславію государства», пускались на воровства и грабежи. Ихъ велѣно было водить съ конвоемъ <sup>3)</sup>. Регулярныя войска, размѣщенные по квартирамъ, продолжали чинить жителямъ «дурно», какъ чинили его при Алексѣѣ Михайловичѣ и при Иванѣ Грозномъ: ихъ постой былъ ничѣмъ не лучше грабежа, и они доводили хозяевъ до того, что тѣ бросали свои дома и убѣгали отъ постояльцевъ. Былъ даже указъ, которымъ вмѣнялось командирамъ войскъ, не допускать хозяевъ къ побѣгу.

Но больше всего бѣгали арестанты и пересыльные въ Сибирь. Колодники, навязанные на длинные канаты, проходили неизмѣримыя пространства: ихъ во-

<sup>1)</sup> Полн. Собр. Зак. XIX. 13, 413.

<sup>2)</sup> Тамъ же, XIX. 13, 767.

<sup>3)</sup> Тамъ же, XVI, 11, 617.



дили изъ Рогервика и болѣе отдаленныхъ мѣстъ до самаго Нерчинска; въ Твери и другихъ поволжскихъ пристаняхъ устроены были особыя суда, на которыхъ везли ссыльныхъ до Казани и Самары <sup>1)</sup>. Дорогой они бѣгали, потому что отправка была плохая и притомъ тяжелая. Всѣхъ сибирскихъ арестантовъ водили для пытки въ Иркутскъ: Нерчинскъ посылалъ пытать своихъ колодниковъ за 946 верстъ, Селенгинскъ—за 402 версты черезъ море, Якутскъ—за 2,266 верстъ, Охотскъ—за 3,037; разстояніе между камчатскимъ Большерѣцкимъ острогомъ и Иркутскомъ даже было вовсе неизвѣстно: въ теченіе года арестанты не доходили до Иркутска, умирали отъ голода и холода; другіе бѣгали съ дороги <sup>2)</sup>. Да и нельзя было не бѣгать даже тѣмъ, которые содержались въ тюрьмахъ внутри Россіи: арестанты помѣщались дурно, въ какихъ-то хлѣвахъ сырыхъ и темныхъ, въ подвалахъ и погребахъ; ихъ набивали въ тѣсныя казематы до послѣдней возможности, хотя и не велѣно было помѣщать болѣе трехъ чело-  
вѣкъ на одной квадратной сажени, гдѣ три чело-  
вѣка могли свободно лечь и умереть; арестантскія дѣла тянулись безконечно-долго; а по прочтеніи пригово-  
ровъ и по наказаніи, преступниковъ долго не высы-  
лали въ Сибирь, а оставляли въ тюрьмахъ, заставляя ихъ ходить по міру для сбора милостыни; милостыня отбиралась тюремнымъ начальствомъ, а колодникамъ изъ этого подаенія выдавалось по копѣйкѣ кормовыхъ

---

<sup>1)</sup> Полн. Собр. Зак. XVI.

<sup>2)</sup> XVII. 12,345.



на сутки. За то бѣгле арестанты дѣлались самыми закоренѣлыми разбойниками. Къ довершенію сумятицы, между толпами бѣглыхъ крестьянъ, раскольниковъ и арестантовъ, бродилъ по всей Россіи вольный мало-россійскій посполитый народъ, цѣлыми массами подвигаясь на востокъ и наводняя собою поволжскія губерніи. Смѣлость бродячаго населенія доходила до того, что они нападали на партіи рекрутъ-новобранцевъ, разбивали конвойные отряды и уводили съ собою будущихъ солдатъ, не допуская до присутствія.

Изъ бѣглыхъ формировались шайки воровъ и разбойниковъ. Съ первыхъ лѣтъ царствованія Петра I, да и вообще съ самаго начала утвержденія общаго гражданскаго порядка въ Россіи, съ призваніемъ на престолъ дома Романовыхъ, ни одна правительственная мѣра не преслѣдовалась съ такимъ постоянствомъ, какъ искорененіе воровъ и разбойниковъ. Это была одна изъ самыхъ чувствительныхъ ранъ стараго русскаго общества, которая постоянно напоминала правительству, что администрація не уложилась еще въ стройныя формы. По всѣмъ концамъ государства ходили правильно-организованныя шайки разбойниковъ, предводительствуемыя избранными изъ себя атаманами и эсаулами; атаманы назывались почетнымъ именемъ *батьюшки* и держали своихъ подчиненныхъ въ непрекословномъ повиновеніи; провинившихся разбойниковъ казнили по приговору собственнаго суда: вѣшали, топили, убивали изъ ружья, кололи или выгоняли изъ артели. Разбойники нападали на обозы, грабили и жгли селенія, вѣшали попадавшихся имъ



въ руки, разбивали караваны по рѣкамъ. Противъ нихъ постоянно издавались указы; учреждены были въ каждомъ уѣздѣ особые сыщики съ военными отрядами, которые завѣдовали судомъ и казнью виновныхъ. Въ 1762 году искорененіе разбойниковъ поручено было губернаторамъ, воеводамъ, комендантамъ крѣпостей, командирамъ войскъ, расположенныхъ по квартирамъ, и самимъ помѣщикамъ. Имъ дана была изъ сената подробная инструкція. Даже при подачѣ ревизскихъ сказокъ велѣно было отмѣчать, что въ вотчинѣ или волости нѣтъ ни становъ, ни разбойниковъ, ни пристанодержателей. Вездѣ учреждены были заставы, караулы и разъѣзды. Способъ, принятый нынѣ на Кавказѣ для стѣсненія черкесовъ, употреблялся тогда въ отношеніи къ разбойникамъ: въ степныхъ и лѣсистыхъ мѣстахъ проводились новыя дороги; по обѣимъ сторонамъ дорогъ широко вырубался лѣсъ для прохода отрядовъ; дѣлались лѣсныя просѣки и учреждались съѣзжіе и сторожевые пункты. При появленіи шаяковъ, изъ городовъ и крѣпостей командировались гарнизонные отряды; противъ большихъ разбойничьихъ партій высылались отряды изъ полковъ дѣйствующей арміи; за неимѣніемъ войскъ собирались и вооружались, чѣмъ могли, отставные унтеръ-офицеры и солдаты, сгонялись вооруженные обыватели и всѣ, кто только могъ владѣть топоромъ или рогатиной<sup>1)</sup>.

Это смутное время, обнимающее цѣлыя два столѣтія, оставило намъ много пѣсенъ, которыя и теперь

---

<sup>1)</sup> Указ. Екат. 1779; 65 — 67.



не забываются народомъ, и въ которыхъ говорится о крѣпкихъ караулахъ и заставахъ, разставленныхъ по дорогамъ.

Впрочемъ, не помогали ни заставы, ни крѣпкіе караулы. Разбойниковъ ловили и сажали въ тюрьмы; но непойманные дѣлались еще жесточе. По судамъ разбойничьи дѣла тянулись безконечно долго, потому что не завершались до тѣхъ поръ, пока не находили всѣхъ оговоренныхъ. Оттого тюрьмы и остроги съ выходами и подземельями, были наполнены до невозможности. «Разбойники, воры, грабители, взяточники, похитители государственной казны и убійцы, говорить сенатъ, сидя по тюрьмамъ, наносили народу страшный вредъ, причиняли ему всевозможныя бѣдствія, истязанія и «невинное кровопролитіе». По прошествіи довольно значительнаго времени послѣ первыхъ допросовъ, арестанты, мстя кому по злобѣ или по наущенію товарищей, оговаривали невинныхъ и доводили до пытокъ; потомъ какъ бы въ насмѣшку надъ закономъ, сговаривали» съ нихъ и показывали на другихъ, ни въ чемъ невиноватыхъ. Сидя цѣлые годы подъ карауломъ, они находили средства къ побѣгу, разбивали тюрьмы и погреба, въ которыхъ содержались; другіе, отправляемые въ Сибирь и Рогервикъ «на связкахъ», перепутанные длиннымъ канатомъ вмѣсто цѣпи, уходили съ дороги отъ приставниковъ, подвергая ихъ тѣмъ же пыткамъ, которыя сами выдержали, и возвращались «на прежнія свои злодѣйства съ вящимъ устремленіемъ къ погубленію бѣдныхъ поселянъ», какъ съ прискорбіемъ выразился сенатъ; особенно доставалось тѣмъ, кто



ихъ приводилъ, или показывалъ на нихъ, или открывалъ ихъ станъ: такихъ они «тирански мучили, жгли, грабили, убивали до смерти и разоряли до основанія», наводя ужасъ на цѣлые уѣзды. Они наводили такой страхъ на жителей, что никто не рѣшался ихъ ловить; притомъ всегда брали самого доказчика, оговаривали и пытали вмѣстѣ съ ворами. Разбойныя дѣла велѣно было производить спѣшно, въ одинъ мѣсяцъ, а иногда, не выходя и въ праздникъ изъ присутствія, тутъ же дѣлались очныя ставки и пытки.

Чтобы поощрить сыщиковъ, имъ выдавали изъ казны деньги за каждого пойманнаго разбойника: за атамана платили тридцать рублей, за простаго разбойника десять, за пристанодержателя — пятьдесятъ, еслибъ даже его представилъ въ судъ самъ разбойникъ <sup>1)</sup>.

Въ случаѣ отысканія гдѣ-либо воровъ или становъ, на все село, къ которому принадлежали разбойники, налагалась *выть* — плата за все пограбленное имущество <sup>2)</sup>. Тогда производились стачки истцевъ съ судьями: обоюдное «похлѣбство», скрѣпляемое взяткой, заставляло судью обвинять разбойниковъ въ большихъ грабежахъ, чѣмъ они произвели на самомъ дѣлѣ; въ случаѣ упорства, виновныхъ пытали и принуждали говорить то, чего добивались истцы и судьи. Потому на цѣлыя волости налагались огромныя выти, и часть собранныхъ денегъ шла въ карманы судей, а другою вознаграждались просители.

<sup>1)</sup> Полн. Собр. Зак. XVI. 11,750.

<sup>2)</sup> Тамъ же, XVII. 12,455.



Разбои были такимъ естественнымъ дѣломъ, что въ самыхъ столицахъ нельзя было разсчитывать на совершенную безопасность. Даже Петербургъ былъ окруженъ шайками воровъ и разбойниковъ, которые грабили пѣшаго и коннаго; въ шести верстахъ отъ Петербурга разбойники убили французскаго курьера; въ самомъ городѣ попадались на улицахъ мертвыя тѣла, а въ домахъ производились открытые разбои. Столица представляла видъ города, находящагося въ осадномъ положеніи: въ трехъ главныхъ частяхъ Петербурга расположены были отряды, начальство надъ которыми поручено было генералъ-лейтенантамъ Ушакову и Бороздину и вице-адмиралу Мордвинову; на всѣхъ перекресткахъ разставлены были рогаточные караулы, по ночамъ ходили частые дозоры и пропускали только того, кто имѣлъ фонарь; всѣмъ караульнымъ положено было имѣть трещотки, и по первой тревогѣ жители выходили изъ домовъ, какъ на пожаръ <sup>1)</sup>).

Но нигдѣ разбои не принимали такихъ страшныхъ размѣровъ, какъ въ поволжѣ. Въ продолженіе всего прошлаго столѣтія исторія поволжья да и всей юго-восточной Россіи представляетъ странную картину борьбы стараго порядка съ новымъ, необузданной воли съ администраціей. Колонизація края идетъ довольно успѣшно; правительство обращаетъ вниманіе на водвореніе порядка и тишины въ новонаселенныхъ провинціяхъ; ограждаетъ ихъ укрѣпленными линіями и форпостами отъ вторженія дикихъ азіатскихъ ордъ;

---

<sup>1)</sup> Ук. 1762.



вызываетъ изъ-за границы нѣмецкихъ поселенцевъ; поволжскіе города начинаютъ строиться и богатѣть, поля — засѣваться хлѣбомъ. Но старый порядокъ менѣе всего уничтожался въ поволжьѣ; дряхлый XVII вѣкъ не робко прятался передъ нововведеніями, а долго напоминалъ о себѣ жестокими сценами, возмущая спокойствіе страны. По Волгѣ и по степямъ, тамъ, гдѣ плавали торговые караваны и начинали ходить обозы отъ города до города, — разѣзжали тѣ же толпы разбойниковъ съ своими избранными атаманами и эсаулами, грабили суда и обозы, жгли села, убивали народъ или завлекали въ свои шайки. Этихъ шаяекъ было безчисленное множество; онѣ собирались мгновенно, по зову атамана, имѣли вездѣ пристанодержателей, отдѣльные разбойничьи станы, прятались въ заводахъ, вѣложкахъ, по оврагамъ и степнымъ балкамъ; въ случаѣ опасности расходились, потомъ собирались снова и грабили. За ними, какъ и въ остальной Россіи, посылались отряды солдатъ, которые они иногда разбивали, а иногда и сами были разбиваемы, попадались въ руки и жестоко наказывались: ихъ вѣшали, били кнутомъ, ссылали въ Нерчинскъ. Они возвращались снова на Волгу къ своимъ станамъ; набирали новыя шайки или приставали къ старымъ, мстили за свои спины и вырванные ноздри; отчаянно нападали на военные отряды; застигали въ расплохъ и грабили цѣлыя селенія, жгли хутора и уметы, вѣшали всѣхъ сопротивляющихся имъ, преимущественно помѣщиковъ и чиновниковъ. Разѣзжая по Волгѣ «въ легкихъ лодочкахъ», они имѣли свои пушки, которыми отстрѣ-



ливались отъ военныхъ разъѣздовъ; свободно приста-  
вали къ рыболовнымъ ватагамъ, гдѣ часто встрѣчали  
ихъ съ хлѣбомъ-солью и только изрѣдка защищались  
имѣвшимися на ватагахъ караульными пушками, кото-  
рыя доставались побѣдителямъ. Разбойники не стра-  
шились ни воинскихъ выслоекъ противъ нихъ, ни обы-  
вателей: о приближеніи командъ ихъ извѣщали при-  
станодержатели, находившіеся почти въ каждомъ селѣ,  
особенно по хуторамъ; обыватели не вредили имъ, по-  
тому что боялись ихъ мщенія и оговора, а иногда и  
считали выгоднымъ быть въ дружбѣ

Съ понизовыми бурлаками,  
Съ ярыгами кабацкими.

«Понизовые бурлаки» извѣстны были по всей Рос-  
сіи; ихъ знало правительство, какъ самыхъ опасныхъ  
разбойниковъ; ихъ боялись коменданты крѣпостей, рас-  
положенныхъ по юго-восточнымъ и восточнымъ линіямъ;  
ихъ трепетали волжскіе судопромышленники, которыхъ  
бурлаки каждую весну абординировали на своихъ кос-  
ныхъ лодкахъ; отбирали ихъ казну, брали товары,  
ружья, пушки, порохъ и паспорта. Не одна мать опла-  
кивала любимого сына, ходившаго «во царевъ кабакъ»  
и завлеченнаго въ разбой понизовыми бурлаками, какъ  
поется до сихъ поръ въ пѣснѣ:

Не водись, мой сынъ, съ бурлаками,  
Что со бурлаками, со ярыгами;  
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,  
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина:  
Потерять тебѣ, сыну, буйну голову.



Полная лѣтопись походовъ всѣхъ главныхъ шаекъ понизовой вольницы и удовлетворительное объясненіе этого явленія въ русской исторіи возможны только при хорошей разработкѣ неизданныхъ архивныхъ дѣлъ, и потому мы передаемъ здѣсь одни извѣстные намъ факты изъ этой внутренней, такъ сказать, домашней и никѣмъ нетронутой исторіи нашего народа, къ которому принадлежала вольница.

Въ началѣ семидесятыхъ годовъ, шайки понизовой вольницы начали замѣтно увеличиваться, и поволжье, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, говоря языкомъ того времени, «было непокойно». Дѣйствія разбойничьихъ шаекъ нижняго края Волги, въ періодъ времени между 1770 — 1782 годомъ, и составляютъ предметъ нашей статьи. Свѣдѣнія, находящіяся въ ней, извлечены изъ одного царицынскаго архива, и есть основаніе думать, что о другихъ партіяхъ вольницы и атаманахъ можно было бы узнать изъ разбора прочихъ архивовъ поволжскихъ городовъ.

Въ 1770 году, въ апрѣлѣ, плылъ по Волгѣ командированный въ Томскій пѣхотный полкъ офицеръ Кретовъ <sup>1)</sup>: верстахъ въ шестидесяти ниже Царицына, на Поповицкомъ приверхѣ, онъ встрѣтился съ шайкою разбойниковъ («снизу бѣгущихъ»), въ числѣ двадцати или болѣе человекъ. Незвѣстная партія плыла вверхъ по Волгѣ, въ лодкѣ; разбойники вооружены были баграми и ружьями и, поровнявшись съ судномъ, на которомъ

---

<sup>1)</sup> Царицын. арх. № 135. Дѣло о командированіи по рѣкѣ Волгѣ командъ для истребленія появившихся разбойниковъ. 1770.



плыль Кретовъ, напали на него и взяли ловкимъ абординowaniem, къ которому такъ привыкли. Они избии Кретова; многіе порывались заколотъ его, но ограничились только грабежемъ. Въ апрѣлѣ же слѣдовалъ Волгою сержантъ Деревягинъ, отправленный съ нѣсколькими солдатами саратовскимъ комендантомъ, полковникомъ Юнгеромъ, въ Астрахань, для принятія пороху, свинцу и медикаментовъ: ниже села Золотова, въ урочищѣ Щербаковѣ, въ ночи на 19-е число напала на его судно лодка съ разбойниками, человѣкъ двадцать. Съ лодки началась пальба. Деревягинъ тоже приказалъ стрѣлять по разбойникамъ и отразилъ нападеніе <sup>1)</sup>.

Спокойно не проходило Волгою ни одно судно.

Губернаторы и воеводы поволжскихъ городовъ получали жалобу за жалобой. Губернаторы упрекали въ безопасности воеводъ и комендантовъ; воеводы и коменданты наказывали разъѣздныхъ офицеровъ, — и все напрасно. Въ маѣ того же года астраханскій губернаторъ Никита Афанасьевичъ Бекетовъ писалъ всѣмъ городovýmъ комендантамъ, астраханскому воеводѣ и астраханской почтовой конторѣ, а также «состоящимъ отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ рѣкѣ до города Саратова по станицамъ и простымъ дистанціямъ казачьимъ старшинамъ и другимъ командирамъ», т. е. начальникамъ форпостовъ, расположенныхъ вдоль Волги,

---

<sup>1)</sup> «Напавъ на судно невѣдомо какіе воровскіе люди въ лодкѣ, въ числѣ человѣкъ до двадцати, чинили изъ ружей пальбу, токмо поврежденія не сдѣлали; потому и онъ принужденъ былъ чинить отпоръ ружейнымъ же выстрѣломъ, до трехъ патроновъ, съ пули.»



что «вольница» на Волгѣ не уменьшается, а постоянно прибываетъ; что шайки разбойниковъ нарушаютъ спокойствіе страны. Напоминая начальникамъ отрядовъ прежніе свои ордера «о искорененіи воровскихъ партій и о учиненіи разъѣздовъ», Бекетовъ снова приказывалъ истреблять «злодѣевъ» всѣми возможными способами. Онъ предписывалъ развѣдывать о нихъ по всѣмъ проѣзжимъ мѣстамъ и, въ случаѣ появленія разбойниковъ, отправлять тотчасъ по дистанціямъ «пристойную команду лучшихъ казаковъ и гарнизонныхъ солдатъ при хорошемъ и надежномъ командирѣ, давъ свое пристойное наставленіе», сверхъ того, посылать частые разъѣзды отъ города до города, отъ форпоста къ форпосту и отъ дистанціи къ дистанціи. Въ случаѣ недостатка въ казенныхъ лодкахъ, онъ приказалъ брать обывательскія, «ибо, добавлялъ онъ, оное слѣдуетъ для всего общества ко искорененію такого злодѣйства». — Между прочимъ, Бекетовъ писалъ объ этомъ къ царицынскому коменданту, полковнику Дебонбергу, потому что Царицынъ былъ главнымъ укрѣпленнымъ пунктомъ южнаго поволжья, и потому что Волга въ этомъ мѣстѣ и всѣ окрестности Царицына и Дубовки наполнены были разбойничьими шайками и представляли обширное поле для неутомимой ихъ дѣятельности. Онъ давалъ знать Дебонбергу, что «если и за симъ таковыя разбойники искоренены не будутъ, то безъ отвѣта, а въ противномъ случаѣ и безъ штрафа остаться не можетъ», и велѣлъ о результатѣ поисковъ доносить ему ежемѣсячно. Кромѣ того, «для незабвеннаго исполненія» этого приказа, онъ велѣлъ списать



во всѣхъ мѣстахъ копіи съ него и, гдѣ онѣ будутъ списаны, росписаться на подлинномъ приказѣ, который и выслать къ нему обратно. Саратовскому воеводѣ Строеву приказано сноситься объ этомъ предметѣ, то есть о нарядѣ командъ для уничтоженія разбойничьихъ шаекъ, съ тамошнимъ комендантомъ, полковникомъ Юнгеромъ. Наконецъ, въ заключеніе этого строгаго приказа, Бекетовъ добавлялъ: «а что касается до казачьихъ постовъ, то если отъ которой дистанціи сдѣлается подобное грабительство, то оныхъ мѣстъ командиры за слабое ихъ вблизиности себя смотрѣніе не только разжалованы, но и нещадно еще на тѣхъ штрафованы будутъ.»

Вслѣдъ за тѣмъ стали употреблять слѣдующее средство къ поимкѣ и искорененію разбойниковъ: какъ скоро посылаемые отъ города до города на лодкахъ разъѣзды примѣчали плывущее по Волгѣ торговое судно, то подъѣзжали къ нему, привязывали къ борту свой катеръ и всѣ всходили на судно; на суднѣ они прятались вмѣстѣ съ оружіемъ, которое при нихъ было, а пустая лодка плыла за судномъ въ видѣ завозни, которая употребляется при всякомъ промышленномъ суднѣ. Когда разбойники абординировали судно своими баграми, хозяева и лоцмана не препятствовали имъ всходить на палубу. Тогда выходили скрытыя на суднѣ команды и ловили грабителей <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Этотъ способъ поимки разбойниковъ рекомендованъ былъ Бекетовымъ. «Какъ нынѣ, говоритъ онъ, мнѣ извѣстно, что тѣ воровскія партіи по Волгѣ рѣкѣ производятъ немалые грабежи и о поимкѣ ихъ ни откуда рапортовъ я не имѣю, то почему предвидится — во искорененіи ихъ посту-



Но это не помогало. Хотя царицынскій комендантъ въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ со дня этого распоряженія и доносилъ постоянно Бекетову, что «въ прошедшемъ (такомъ-то) мѣсяцѣ опредѣленной по рѣкѣ Волгѣ разъѣздъ чиненъ былъ да и нынѣ чинится, точію воровскихъ партей въ здѣшней округѣ нигдѣ не предусматривается», — но воровскіе люди за всѣми строгими мѣрами не переставали возмущать поволжье.

## II.

Въ то время, когда Бекетовъ придумывалъ вѣрнѣйшій способъ для искорененія разбойниковъ, а мѣстныя власти поволжья «недреманнымъ окомъ» наблю-

---

пается неграмотно, а по разсужденію моему къ поимкѣ тѣхъ злодѣевъ предусматривается и таковой легчайшій способъ, чтобъ посылаемыя отъ города до города для поимки ихъ команды, какъ скоро какое плывущее по Волгѣ внизъ или вверхъ обывательское судно наѣхаетъ могутъ, то бѣ всѣ, съ лодки своей вошедъ на оное, со всѣми будущими при нихъ ружья, находились скрытно, ни мало себя не оказывая, а лодку свою при томъ суднѣ вели бѣ, привязавъ порожнюю, какъ обыкновенно при всѣхъ промысленныхъ судахъ таковыя бываютъ. Когда же тѣ злодѣи по своему намѣренію сдѣлаютъ на то судно нападеніе и на оное, не выдавъ той команды, войдутъ, то сами себя къ поимкѣ подвергнуть въ руки; для чего имѣя такую скрытную команду, хозяевамъ тѣхъ судовъ противу таковыхъ злодѣевъ никакого сопротивленія до тѣхъ поръ, дондеже оныя на судно войдутъ, не чинить, а по выходѣ, обще съ командою къ неупустительному всѣхъ переловленію всевозможное стараніе прилагать и, ловя оныхъ, въ отсылкѣ тѣмъ командамъ въ городовыя канцеляріи по данному наставленію безъ отрицанія поступать. Каковое средство въ тѣ отправленныя команды производить, разъѣзжая городъ отъ города на идущихъ внизъ и вверхъ Волги рѣки судахъ, со всякимъ во искорененіи тѣхъ злодѣевъ стараніемъ.» На ордерѣ этомъ въ заголовкѣ написано: *по секрету.*



дали за тишиной во ввѣренныхъ имъ мѣстностяхъ, разбойничьи атаманы, которыхъ каждый городъ и пригородъ, каждый уметъ и хуторъ выводили ежегодно на сцену, продолжали формировать шайки воровскихъ людей и грабили пѣшаго и коннаго. Въ 1771 году становится извѣстнымъ атаманъ Ивановъ <sup>1)</sup> съ своею многочисленною шайкою, которая, въ случаѣ надобности, для совершенія какой-либо важной экспедиціи, могла дать своему предводителю до ста человѣкъ, что, впрочемъ, было не въ правилахъ разбойниковъ прошлаго вѣка: атаманъ, предпринимая воровской походъ, бралъ съ собою не болѣе 10 — 20 разбойниковъ, а иногда съ пятью-шестью человѣками производилъ самыя смѣлыя набѣги. Въ 1771 году мы находимъ станъ Иванова не въ степи, не въ лѣсу или гдѣ-либо въ дикомъ и глубокомъ оврагѣ, а въ одной изъ многолюдныхъ донскихъ станицъ, именно въ Качалинѣ. Качалинская пристань на Дону, составляя ближайшій пунктъ, гдѣ Донъ подходитъ къ Волгѣ на разстояніи только шестидесяти верстъ, и въ прошломъ столѣтіи служила крайней точкой сухопутнаго волока между Дономъ и Волгою, гдѣ теперь проводится волжско-донская желѣзная дорога. Въ Качалинѣ грузились на суда волжскіе товары, перегружались подвезенные съ верховьевъ Дона, Хопра и Медвѣдицы, и разгружались клади, пришедшія съ низовьевъ Дона, съ Азовскаго и Чернаго морей. Качалинъ былъ по-

---

<sup>1)</sup> Цар. арх. № 188. Дѣло о содержащихся при царицынской гражданской канцеляріи ворахъ, разбойникахъ и другихъ бѣглецахъ и оклеветанныхъ ими Качалинской станицы атаманъ и казакахъ. 1772 года.



стоянно наполненъ бурлаками изъ верховыхъ городовъ, и эти бурлаки весьма легко обращались въ разбойниковъ, когда находили смѣлаго атамана. Такимъ былъ Ивановъ. Хотя онъ имѣлъ свой станъ въ Качалинѣ, но жилъ тамъ, не какъ атаманъ разбойниковъ, и не укрывался, а нанималъ квартиру у станичнаго казака, по фамиліи Лузанова, и считался его нахлѣбникомъ. Съ Ивановымъ жили у Лузанова еще два или три постояльца, тоже разбойники, и платили своему хозяину за квартиру и столъ *по пяти копѣекъ въ сутки*. У Иванова былъ эсаулъ, по фамиліи Юдинъ, который жилъ отдѣльно отъ своего атамана. Прочіе члены шайки, разбойники Лукинъ, Страхнинъ, Лобановъ и другіе, до ста человѣкъ, жили гдѣ кому Богъ привелъ: кто на постоянной квартирѣ, а кто гдѣ день, гдѣ ночь, какъ они сами выражались. Въ числѣ разбойниковъ ивановской шайки былъ одинъ, который слылъ между ними за бѣглаго дьякона города Тобольска. Разбойникъ самъ говорилъ, что онъ изъ Сибири и до побѣга былъ дьякономъ въ тобольскомъ успенскомъ соборѣ; называлъ онъ себя Яковомъ Никитинымъ. Вообще шайка состояла изъ сброда самой разнохарактерной вольницы: тутъ были каторжники, военные дезертеры, дворовые и посадскіе люди, рекруты, помѣщичьи и экономическіе крестьяне, купеческіе приказчики; — но самый большій процентъ въ этомъ капиталѣ составляли понизовые бурлаки, люди, давно забывшіе и свою родину, и свои семьи и едва ли помнившіе имена, данныя имъ при крещеніи, потому что имъ такъ часто приходилось мѣнять ихъ, смотря по обстоятель-



ствамъ и по паспорту, попадавшему имъ въ руки. Это была въ полномъ смыслѣ.

....Смѣсь одеждъ и лицъ,  
Племень, нарѣчій, состояній....

Разбивъ какое-нибудь плывущее по Волгѣ судно и идущій по степи обозъ, разбойники одѣвались въ платье ограбленныхъ ими жертвъ, брали ихъ паспорта и прикидывали какой кому къ лицу, къ росту, глазамъ и волосамъ: Ивану приходилось по примѣтамъ назваться Петромъ, бѣглому каторжнику — купеческимъ сыномъ и т. д. Зимой и лѣтомъ, когда не предвидѣлось воровскихъ экспедицій, шайка Иванова жила въ Качалинѣ мирно, — кто съ паспортомъ, а кто и безъ всякаго письменнаго вида: иной жилъ въ работникахъ у какого-нибудь казака, другой находилъ пріютъ у вдовы-казачки, съ которой сживался любовно; иной работалъ на Дону, — на баркахъ, на паромѣ, въ полѣ и на пожняхъ; были и такіе, которые имѣли свой курень и жили отдѣльно. У этой шайки былъ свой секретарь, какой-то бурлакъ Агапъ, который жилъ у казака Загубникова и приготавлиалъ для шайки «воровскіе паспорта».

Лѣтомъ 1771 года, атаманъ Ивановъ водилъ свою шайку на Волгу, на разбой, и ограбилъ восемь судовъ съ товарами. Какъ велика была добыча — видно изъ того, что въ «дуванѣ» (въ дѣлежѣ) каждому разбойнику досталась на долю довольно порядочная сумма денегъ и много разнаго товара. Изъ этого награбленнаго добра они дарили въ Качалинѣ своимъ знакомымъ кумачи, платки, деньги и проч.



Послѣ всякаго дувана, если не предвидѣлось новыхъ воровскихъ походовъ, разбойники расходились по разнымъ мѣстамъ и къ осени, когда на Волгѣ становился ледъ и навигація прекращалась, они возвращались въ Качалинъ на зимнія квартиры и жили до новыхъ походовъ. Такъ, они возвратились и послѣ лѣтнихъ экспедицій 1771 года. Но въ это время мѣстные военныя власти, вѣроятно, провѣдали о мѣстопробываніи шайки Иванова, потому что вскорѣ, именно весной 1772 года, командированъ былъ въ Качалинъ сотникъ Горскій съ отрядомъ казаковъ и захватилъ нѣкоторыхъ разбойниковъ на мѣстѣ; вслѣдъ за тѣмъ отражена была небольшая партія нижнихъ чиновъ подъ начальствомъ капитана Куткина, который также переловилъ нѣсколько человѣкъ. Взятъ былъ и атаманъ Ивановъ съ эсауломъ Юдинымъ. Пойманныхъ воровъ привезли въ Царицынъ и приставили къ нимъ караулъ. Впрочемъ, большая часть шайки Иванова спаслась отъ рукъ Горскаго и Куткина и продолжала жить въ Качалинѣ, а надъ пойманными наряжена была судная коммиссія, презусомъ которой назначенъ былъ секундъ-маіоръ Казадаевъ; коммиссія открыла свои засѣданія допросами арестантовъ.

На допросахъ разбойники показали, что начальникъ Качалинской станицы, атаманъ Сухановъ, станичный писарь Поповъ и многіе изъ казаковъ и казачекъ знали о ихъ промыслѣ, но потворствовали имъ, потому что получали отъ нихъ подарки и пивали съ ними въ кабакѣ. Разбойникъ Страхнинъ, на примѣръ, сознался, что «пристанъ имѣлъ въ Качалинской ста-



ницѣ у вдовы, казачьей женки Катерины Фроловой, съ воровскимъ паспортомъ, который объявленъ былъ станичному атаману Тихону Потапову (Суханову), которому изъ грабленныхъ далъ кумачъ, а сверхъ того, ево-жѣ пивалъ въ кабацѣ виномъ». Эсаулъ Юдинъ говорилъ, что «по приходѣ, въ Качалинской станицѣ жили у казака Марка Кустова, безъ пашпорта, завѣдомо вора, о чемъ былъ извѣстенъ и станичный атаманъ» и т. д. Такихъ «оговорныхъ» нашлось до двадцати человѣкъ, между которыми попадаетъ имя казака Трехъ-Островской станицы, Ивана Семенникова, принимавшаго въ этомъ же году дѣятельное участіе въ заговорѣ извѣстнаго Лже-Петра III, — самозванца Богомолова. Всѣхъ оговоренныхъ тотчасъ же забрали подъ караулъ и привезли въ Царицынъ.

Но въ ночь съ 20-го на 21-е апрѣля атаманъ Ивановъ бѣжалъ изъ-подъ ареста. Съ нимъ бѣжали нѣкоторые изъ его товарищей, какъ-то: Лукинъ и Страхнинъ. Между тѣмъ, оговоренные не признавались ни въ чемъ, особенно станичный атаманъ и писарь. Первый, на обвиненія Страхнина (послѣ бѣжавшаго), отвѣчалъ: «Иванъ Страхнинъ вѣдомства моего въ станицѣ у казачьей женки Катерины Фроловой съ печатнымъ пашпортомъ жительство имѣлъ; а что тотъ пашпортъ былъ воровской или нѣтъ, того я не зналъ, и въ томъ, что онъ былъ несомнительный, много былъ смотрѣнъ; грабленнаго-жѣ кумача отъ него никакого не биралъ, и что онъ разбойникъ, о томъ я подлинно не зналъ и вина съ нимъ никогда не пивалъ.» На другія обвиненія онъ отвѣчалъ почти такими же фра-



зами; подобными фразами защищали себя и прочіе оговоренные. «Показаннаго дьякона Никитина, говорилъ станичный писарь, чтобъ онъ былъ бѣглою дьякономъ, я не зналъ, а въ работѣ на перевозномъ паромѣ его видалъ и считалъ его за работнаго человѣка, а не за дьякона; съ пашпортомъ ли же онъ, или безъ пашпорта, я о томъ неизвѣстенъ, а о томъ долженъ знать войсковой сборщикъ» и т. д. Слѣдовательно, трудно было ожидать истины отъ ихъ показаній.

Военносудная коммиссія не рѣшила, однако, участи разбойниковъ изъ шайки Иванова: ея назначеніе было изслѣдовать только степень виновности Качалинскаго станичнаго атамана Суханова, станичнаго писаря и прочихъ двадцати оговоренныхъ арестантами, а судъ надъ разбойниками производился особо. Сухановъ съ писаремъ и нѣкоторые казаки были хотя и оправданы, оставлены, однако, въ подозрѣніи; нѣсколько же человѣкъ изъ жителей Качалина были присуждены къ наказанію, потому что улики ихъ виновности были ясны и неопровержимы, и въ сношеніяхъ съ разбойниками они винулись сами.

Это происходило *за три дня* до бунта, вспыхнушаго 25-го іюня въ Царицынѣ во имя Лже-Петра III Богомолова, котораго народъ желалъ силой освободить изъ-подъ караула, когда происходила въ городѣ такая жаркая схватка. между народомъ и войскомъ, и самъ комендантъ Цыплетевъ едва не былъ убитъ, вслѣдствіе чего, находя присутствіе лжеимператора въ покойномъ Царицынѣ не безопаснымъ, его, вмѣстѣ съ его государственнымъ секретаремъ, на другой же день,



т. е. 26 іюня, еще до свѣту вывезли тайно изъ Царицына въ Черный-Яръ.

Надъ разбойниками и надъ дѣйствіями всей шайки Иванова производилось еще особое слѣдствіе, но исхода его мы не знаемъ. Неизвѣстно также, что стало съ ея атаманомъ, кто онъ былъ, откуда родомъ, собиралъ ли своихъ молодцевъ послѣ бѣгства изъ Царицына, водилъ ли ихъ на новые разбои и чѣмъ кончилъ свою удалую жизнь: съ ружьемъ ли и ножомъ въ рукѣ, на Волгѣ или въ полѣ, умеръ ли подъ ударами кнута, пріютила ли его Сибирь въ своихъ золотыхъ рудникахъ.

Знакомство съ архивами прошлаго вѣка все болѣе и болѣе убѣждаетъ въ мысли, что правительство, по видимому, столь сильное извнѣ, было безсильно у себя дома и не въ состояніи было спасти страну отъ крайней неурядицы. Болѣзнь крылась глубоко и палліативы были недостаточны для успокоенія массъ. Нисколько неудивительно, что въ описываемое нами время сами блюстители порядка, долженствовавшіе «недреманнымъ окомъ» смотрѣть за спокойствіемъ страны, поступали иногда не хуже понизовыхъ бурлаковъ: солдаты, оберегавшіе волжскіе караваны отъ разбойниковъ, иногда сами ихъ пощипывали, въ случаѣ оплошности судохозяевъ. Такъ, военносудная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ секундъ-маіора Казадаева, назначенная для изслѣдованія виновности лицъ, оговоренныхъ шайкою атамана Иванова, въ одно и то же время должна была разбирать *дѣло о грабежѣ у слѣдующаго отъ Свурона до города Астрахани на суднѣ съ разнымъ хлѣбомъ,*



въ дачахъ города Царицына, пахотнаго солдата Козмы Полякова, напавшими разбойническими людьми его Полякова и работниковъ его пашпортовъ и денегъ. (Цар. арх. № 198. 1772 г.) А изъ дѣла этого видно, что «разбойническіе люди», ограбившіе судно, были солдаты царицынскаго баталіона, намѣревавшіеся воспользоваться украденными паспортами для побѣга!



### Атаманъ Кулага.

---

Обходя молчаніемъ внезапное появленіе и такое же внезапное исчезновеніе предшественника Пугачова, царицынскаго Лже-Петра III, самозванца Богомолова, какъ происшествіе уже извѣстное, и не касаясь событій народной драмы 1771—75 годовъ и всѣхъ ея эпизодовъ, группирующихся около Пугачова, мы перейдемъ къ историческимъ проявленіямъ народной жизни въ эпоху, слѣдующую за смертью Пугачова. Но, приступая къ передачѣ событій послѣ 1775 года, напомнимъ только, что связью между временемъ Пугачова и послѣдующимъ служить явленіе атамана Заметаева, въ которомъ народъ видѣлъ преемника Пугачова, и котораго графъ Панинъ, въ печатныхъ объявленіяхъ, рассылаемыхъ по Россіи, называлъ «чудовищемъ», а Суворовъ считалъ опасною личностью.

Почти въ одно время съ Заметаевымъ начинаетъ дѣйствовать разбойничій атаманъ Кулага, котораго въ официальныхъ бумагахъ того времени величали иногда *славнымъ разбойникомъ* <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Цар. арх. № 337. Дѣло о разбойническомъ атаманѣ, именуемомъ Кулагою, съ шайкою его. 1773



Около 1755—56 года изъ нижегородскаго имѣнія княгини И. Я. Голицыной, изъ деревни Отеревой, неизвестно куда скрылся молодой крестьянинъ, Константинъ Васильевъ Дудкинъ. Нѣсколько лѣтъ этотъ добрый молодецъ шатался, какъ самъ говорилъ, по разнымъ мѣстамъ, преимущественно по Волгѣ-матушкѣ рѣкѣ; спознавался добрый молодецъ «съ понизовыми бурлаками, со ярыгами кабацкими» и, наконецъ, очутился въ Астрахани, въ главномъ разбойничьемъ притонѣ, откуда бродягамъ лежалъ широкій путь на всѣ четыре стороны — къ киргизамъ, къ донскимъ казакамъ, на Уралъ и въ Персію; лучшіе притоны были на взморьѣ, на ловецкихъ ватагахъ, гдѣ атаманы набирали свои шайки и водили ихъ оттуда на расшивахъ, на косныхъ и ловецкихъ лодкахъ, вооруженныхъ иногда пушками, вверхъ по Волгѣ, къ персидскимъ границамъ и къ киргизамъ за устье Эмбы и за Мертвый Култукъ, гдѣ подвизался Заметаевъ. Въ Астрахани бродяга Дудкинъ попался въ руки къ мѣстному начальству и съ тѣхъ поръ перемѣнилъ и свое имя, и свою кочевую жизнь простаго бурлака. Пойманный безъ всякаго письменнаго вида, Дудкинъ назвался бѣглымъ рекрутомъ Степаномъ Кулагинымъ и съ тѣхъ поръ слылъ въ народѣ подъ именемъ *Кулаги*.

Мнимаго рекрута засадили подъ карауль, судили въ астраханской военной комиссіи и опредѣлили въ солдаты въ Самарскій полкъ, съ фамиліею Кулагина, гдѣ онъ прослужилъ тринадцать лѣтъ. Но въ это время княгиня Голицына узнала, что Дудкинъ, столько лѣтъ пропадавшій безъ вѣсти и уже считавшійся погибшимъ,



служилъ въ Самарскомъ полку подъ ложнымъ именемъ. Она послала въ полкъ довѣренное лице, убѣдилась въ истинѣ слуховъ и приказала «поверстать» его въ зачетъ рекрута, съ отдачею въ астраханскій баталіонъ. Кулага снова поступилъ на службу, но уже пробылъ въ ней недолго: солдатская, подначальная жизнь не могла удовлетворить его натуру, давно свыкшуюся съ буйной волей, такой жизни не хотѣлъ сносить будущій атаманъ разбойниковъ, извѣдавшій и прелесть, и горечь бродячей жизни. Кулага бѣжалъ.

Это было въ 1770 году. Въ первое же время своей независимости Кулага началъ подбирать себѣ шайку и готовить популярность своему имени. Еще не будучи извѣстенъ за опытнаго разбойничьяго атамана, Кулага успѣлъ на вербовать товарищей, на первый разъ двѣнадцать человѣкъ, и они съ помощью людей одного астраханскаго чиновника, секретаря Торпакова, ограбили его домъ и избили до полусмерти его жену. Но едва разбойники успѣли раздѣлить добычу, какъ были схвачены и засажены въ казематъ, находившійся при Троицкомъ монастырѣ. Военносудная коммиссія, назначенная надъ преступниками, опредѣлила прогнать ихъ сквозь строй («прогнать сквозь шпигъ-рутенъ»). Но монастырская тюрьма не могла удержать Кулагу: въ августѣ 1774 года, въ то смутное время, когда Пугачовъ прошелъ уже Саратовъ и подвигался все къ югу, и когда всѣ уцѣлѣвшіе остроги были набиты арестантами, ждавшими освободителя, мнимаго Петра III, Кулага бѣжалъ изъ монастыря, и съ нимъ ушло другихъ колодниковъ до 25 человѣкъ.



Съ этой поры популярность Кулаги утвердила за нимъ титулъ атамана и почетное между разбойниками названіе *батюшки*. Впрочемъ, бѣжавшихъ изъ Троицкаго монастыря была переловлена. Самъ Кулага едва спасся бѣгствомъ на взморье и принужденъ былъ всю зиму укрываться въ урочищѣ Бертюлѣ. Но весной онъ рѣшился организовать свою шайку и занялся вербованіемъ молодцевъ, въ которыхъ не было недостатка. Однимъ изъ первыхъ его товарищей былъ семинаристъ Силантьевъ. Силантьевъ былъ родомъ изъ Казани, сынъ тамошняго протопопа, воспитывался въ казанской семинаріи и, неизвѣстно по какимъ причинамъ, бѣжалъ оттуда, когда ему было девятнадцать лѣтъ. Въ 1764 году бѣглый бурсакъ явился въ Астрахань и поступилъ въ приказчики къ астраханскому купцу Озерову, у котораго и занималъ эту должность до 1771 года. Въ этомъ году онъ рѣшился идти въ разбойники, соединился съ астраханскимъ казакомъ Ершовымъ и, успѣвъ пригласить только двухъ чело-вѣкъ въ свою партію, прежде всего разграбилъ лавку Мѣшкова. Но первый подвигъ его былъ несчастливъ: грабители были схвачены, уличены въ преступленіи и засажены въ одну тюрьму съ Кулагою, который, какъ мы сказали, содержался въ Троицкомъ монастырѣ. Вѣроятно, здѣсь они познакомились, потому что семинаристъ, спасшись отъ наказанія, прежде всѣхъ присталъ къ шайкѣ Кулаги. Силантьевъ спасся изъ монастыря въ числѣ 25 чело-вѣкъ и притомъ въ одно время съ Кулагою. Кулага скрывался всю зиму въ Бертюлѣ, а Силантьевъ ниже этого урочища въ вы-



сокихъ камышахъ. Весною 1774 года они соединились для предстоящихъ подвиговъ. Другимъ отважнымъ сподвижникомъ Кулаги и товарищемъ его злополучій былъ нѣкто Тарабаринъ, бѣглый солдатъ, служившій прежде въ астраханскомъ четвертомъ баталіонѣ. Онъ оставилъ свой баталіонъ только въ іюлѣ 1775 года, нѣсколько времени жилъ въ камышахъ, скрываясь отъ сыщиковъ, и уже въ августѣ поступилъ въ шайку Кулаги. Еще раньше Тарабарина присталъ къ Кулагѣ разбойникъ Шумниковъ, родомъ изъ Владимірской губерніи, изъ экономическихъ крестьянъ села Ославскаго. Шумниковъ, какъ самъ говорилъ, отданъ въ рекруты «во второй наборъ подъ Турка» и, по приведеніи къ присягѣ, отправленъ былъ въ полкъ; пройдя съ партіею Владиміръ, онъ бѣжалъ съ дороги и пробрался на Волгу, въ городъ Дмитріевскъ (Камышинъ), на соляную пристань; здѣсь онъ нанимался въ работники къ разнымъ хозяевамъ и работалъ на солевозныхъ судахъ всю зиму 1771 года; оттуда сошелъ, по обыкновенію всѣхъ бродягъ, въ Астрахань, гдѣ шатался между чернорѣченскими ловцами въ продолженіе трехъ лѣтъ, не находя для себя занятія по сердцу. Но весной 1775 года онъ познакомился съ Кулагой и въ его шайкѣ нашелъ искомую волю и дѣятельность. Когда Шумниковъ спознался съ кулагинскою шайкою, онъ былъ еще очень молодъ: ему было только двадцать лѣтъ, потому что шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ рекруты. Еще мальчишкой, послѣ бѣгства изъ полка, онъ бродилъ по Россіи. Наконецъ, въ шайкѣ Кулаги былъ еще одинъ такой же юный разбойникъ, Ѳедоръ Ва-



сильевъ, уроженецъ богатаго села Лыскова, «*помѣщика Грузинскаго царевича Егора Вахтундеича крестьянинъ*<sup>1)</sup>». Васильевъ также отданъ былъ въ солдаты въ Нижнемъ и «по учиненіи присяги», когда рекрутскую ихъ партію гнали въ Москву, бѣжалъ изъ города Павлова. Потомъ въ селѣ Подловьевѣ онъ соединился съ неизвѣстными бурлаками, такими же, какъ самъ онъ, бродягами, и всѣ вмѣстѣ «въ лодкѣ сбѣжали до города Астрахани». Въ Астрахани Васильевъ не имѣлъ постоянного жительства и оставался тамъ недолго, а пробрался въ море, гдѣ и жилъ между ловцами. Наскучила ли ему эта жизнь на морѣ, хотѣлось ли ему повидать свою родину, только молодой бродяга «намѣреніе возымѣлъ, чтобъ пройти пока вверхъ» и, случайно ли столкнувшись въ Астрахани съ Кулагою, или привлеченный въ его шайку молвой его имени, уже извѣстнаго и по взморью на всемъ понизовѣ, поступилъ подъ начальство этого разбойника.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь лицъ, семинариста Силантьева, бѣглыхъ солдатъ и рекрутъ Тарабарина, Шумникова и Васильева, въ шайкѣ Кулаги находилась не одна отважная голова; только эти четыре разбойника были, какъ кажется, всѣхъ ближе къ нему: притомъ Силантьевъ, какъ сынъ протопопа и воспитанникъ семинаріи, могъ служить ему въ качествѣ секретаря, потому что самъ Кулага былъ безграмотенъ. Впрочемъ, шайка Кулаги, смотря по обстоятельствамъ, то увеличивалась прибытіемъ новыхъ лицъ, то умень-

---

<sup>1)</sup> Въ другомъ мѣстѣ — *Вахтундеича*.



шалась: иные разбойники, сдѣлавъ два-три набѣга, оставляли шайку. Иногда, конечно, они тайно скрывались отъ атамана, а иногда онъ самъ, по личнымъ разсчетамъ, уменьшалъ составъ своего маленькаго ополченія. Ополченіе это было дѣйствительно невелико, хотя умѣло тревожить край, наводило иногда большой страхъ на жителей понизовья, причиняло тревогу властямъ и вообще надѣлало много шуму.

Кулага, какъ всѣ вообще поволжскіе разбойники прошлаго вѣка и атаманы, державшіе разбой на Каспійскомъ морѣ, былъ попреимуществу пиратъ. Какъ и Заметаевъ, онъ предпочиталъ дѣйствительно ходить на легкой коснѣ или рыбацѣй лодкѣ, а не на большомъ суднѣ. Эта «легкая лодочка» поволжскаго разбойника довольно извѣстна изъ старинныхъ пѣсенъ, которыя теперь уже рѣдко поются. Но въ первое время Кулага не имѣлъ у себя ни судна, ни лодокъ, а дѣлалъ свои переходы сухимъ путемъ; онъ производилъ грабежи, сообразуясь съ силой своей шайки и не рѣшаясь предпринимать такихъ нападеній, какія могли удаваться только при помощи огнестрѣльнаго оружія и на водѣ, гдѣ онъ могъ разсчитывать на свою ловкость и увертливость, на умѣнье гребцовъ обращаться съ веслами и парусами. Къ этимъ сухопутнымъ походамъ Кулагы, вѣроятно, принадлежитъ нападеніе на Башмаковку, гдѣ разбойники ограбили питейный домъ, запаслись водкой и отправились на новые промыслы. Послѣ погрома башмаковскаго кабака, одинъ изъ товарищей Кулагы, разбойникъ Шумниковъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, покинулъ свою шайку и снова,



въ качествѣ простаго бурлака, отправился на ловецкіе станы, гдѣ и работалъ за деньги.

Скромные, сухопутные грабежи скоро перешли въ отважные разбои, когда шайка Кулаги завладѣла гдѣ-то, или просто украла большую завозню, родъ небольшого судна, которое называлось «досчаникомъ». Кулага посадилъ на него свой отрядъ и отправился въ первую морскую экспедицію, которая какъ нельзя болѣе удалась ему. Не имѣя въ своей маленькой командѣ ни пушки, ни ружей, ни сабель, Кулага съ жалкимъ бурлацкимъ вооруженіемъ, какое нашлось у его шайки, отправился вверхъ отъ взморья и сдѣлалъ нападеніе на старую ватагу купца Скворцова. Въ то время ватаги, мѣста рыболовныхъ становъ, были не то, что въ настоящее время: частыя нападенія разбойниковъ, киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ заставляли хозяевъ имѣть на своихъ ватагахъ вооруженную стражу, которая могла бы дать отпоръ всякому насилию и оружіе отразить оружіемъ; на болѣе богатыхъ ватагахъ всегда имѣли запасъ пороху, ружей, пикъ и проч.; на иныхъ находилась артиллерія, конечно, плохенькая, какія-нибудь двѣ-три чугунныя пушки, но все-таки достаточная для отраженія непріятеля; рабочіе на ватагахъ и самые ловцы могли въ одно время быть и промышленниками и солдатами. Плохо ли былъ защищенъ станъ Скворцова, или Кулагѣ помогла его отвага, только станъ былъ взятъ и ловцы ограблены. Кулага забралъ у нихъ деньги, взялъ также шесть ружей «съ приборами», двѣ шашки, ловецкую одежду, хлѣбъ, рыболовныя сѣти и паспорта. Паспорты тотчасъ были разо-



браны шайкою «по сходству примѣтами», чтобы на всякій случай имѣть подъ руками законный видъ, которымъ можно было бы прикрываться въ опасности. Разбойникъ-семинаристъ, конечно, прочиталъ своимъ товарищамъ эти добытые паспорта, и въ какомъ изъ нихъ примѣты болѣе подходили къ наружности котораго - либо изъ разбойниковъ, тотъ и доставался на его долю.

Ограбивъ ватагу Скворцова, Кулага взялъ для себя двѣ лодки, на которыхъ удобнѣе было производить разбой, а свой досчаникъ бросилъ на ватагѣ. Шайка пересѣла теперь на легкія лодочки и отправилась на новые подвиги...

Что сверху-то было Волги-матушки,  
Что плыветъ-гребетъ *легка-лодочка*;  
Хорошо-то была лодка изукрашена,  
У ней носъ, корма раззолочены,  
Что расшита *легка лодочка*  
На двѣнадцатеры *веселочки*;  
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,  
На носу стоитъ эсаулъ съ багромъ,  
По краямъ лодки добры-молодцы,  
Посреди лодки *красна-дѣвица*,  
Эсаулова родная сестрица,  
Атаманова *полюбовница* и т. д.

Правда, лодка, на которой ѣхалъ Кулага, не была изукрашена и раззолочена; самъ атаманъ, конечно, смотрѣлъ простымъ бурлакомъ и добрые молодцы, быть можетъ, одѣты были въ лохмотьяхъ; не было у нихъ и *красной дѣвицы*; но легкая лодочка, предводительствуемая Кулагой, нападала такъ же храбро, какъ и раззолоченныя. Кулага зналъ, что съ лодками легче было



управляться; лодку можно было спрятать въ любомъ камышѣ; ее можно было перетащить черезъ широкую песчаную косу и отмель; лодка могла плыть невидимою и незамѣченною подъ самымъ бортомъ судна, которое разбойники собирались абординовать; лодка на двѣнадцать веселъ могла убѣгать отъ преслѣдователей, какъ птица на крыльяхъ.

Въ это время Кулага раза два посѣтилъ своего прежняго товарища Шумникова, бывшаго сподвижникомъ его при разграбленіи питейнаго дома на Башмаковѣ. Шумниковъ, какъ мы сказали, находился на ловецкихъ ватагахъ и почему-то бросилъ ремесло разбойника, хотя, можетъ быть, на время. Кулага пріѣзжалъ къ нему, и Шумниковъ снабжалъ своего атамана-батюшку съѣстными припасами.

29-го іюня во второмъ часу по полуночи, Кулага съ одной только лодкою на десять веселъ и съ десятью только разбойниками явился на Щучинской ватагѣ купца Шарыпина. Онъ, кажется, съ намѣреніемъ выбралъ 29-е іюня, потому что, по случаю праздника Петрова дня, Кулага ожидалъ, что всѣ люди на ватагѣ должны быть или пьяны, или въ отлучкѣ. Дѣйствительно, онъ не засталъ тамъ никого и потому не встрѣтилъ никакого сопротивленія. Ватага была обобрана, какъ и прочія мѣста, куда являлась кулагина шайка. Не оставаясь здѣсь долго, разбойники съ Щучинской ватаги отправились далѣе и прибыли къ табуну Шарыпина, который находился за рѣкою Болдою. Вѣроятно, разбойники искали хозяина и его денегъ, или имъ нужно было получить какія-либо свѣдѣнія отъ табунщика,



калмыка Лозана Танкіева, только они, неизвестно по какой причинѣ, жестоко, «смертельно» избили нагайками этого бѣднаго пастуха и калмычку, жену его, избили такъ, что нельзя было даже надѣяться, останутся ли въ живыхъ эти несчастные. Послѣ этого Кулага снова поплылъ внизъ по рѣкѣ Болдѣ къ Каспійскому взморью<sup>1)</sup>. Въ этихъ походахъ прошла ночь Петрова дня.

На другой день, рано утромъ, когда еще только начало разсвѣтать, небольшой отрядъ «разъѣздной команды» поручика Иванова, находившійся на рѣкѣ Болдѣ для охраненія окрестностей отъ нападенія разбойниковъ и состоявшій изъ капрала и нѣсколькихъ солдатъ, случайно усмотрѣлъ лодку, которая плыла на веслахъ внизъ по Болдѣ. Известно, что разъѣзжныя команды, или *высылки*, о которыхъ мы говорили въ первой главѣ, съ самаго начала XVII столѣтія постоянно разъѣзжали по Волгѣ на лодкахъ, оберегая безопасность судоходства и преслѣдуя воровскія партіи

<sup>1)</sup> Въ поданномъ въ астраханскую оберъ-комендантскую канцелярію отъ астраханскаго купца Степана Шарыпина объявленіи написано: «минувшаго-де іюня 29 числа, во второмъ часу по полуночи, въ небытность на Щучинской ево ватагѣ работныхъ людей, пріѣхавъ на оную ватагу въ одной лоткѣ на десять веселъ воровской атаманъ, называемый Кулага, съ товарищи своими десятью челоѣками, съ ружьями, палашиами, большими ножами, которые по пріѣздѣ взяли на той ево ватагѣ изъ его припасовъ и у протчихъ нѣсколько экипажа, и побывъ на той ево ватагѣ самое малое время, и съ оной ватаги поѣхали въ собственный ево конной табунъ, имѣющейся при той ватагѣ за Болдою рѣкою, и въ ономъ табунѣ находящагося пастуха, калмыка Лозона Танкіева, били ево и жену ево нагайками смертельно, и будутъ ли отъ тѣхъ ихъ побой живы, или нѣтъ, неизвестно, и съ того табуна оные разбойники поѣхали внизъ по рѣкѣ Болдѣ.»



отъ дистанціи до дистанціи. Такая высылка находилась въ то время на Болдѣ<sup>1)</sup>. Когда плывшая по этой рѣкѣ лодка поровнялась съ рыбнымъ плотомъ, находящимся на Трехъ-избинской ватагѣ упомянутаго купца Шарыпина, разѣздная команда стала окликать ее, спрашивая по обыкновенію: что за люди? — «Добрые люди», — данъ былъ отвѣтъ съ лодки этими «невѣдомыми людьми», и, нетронутые высылкою, неизвѣстные пловцы приблизились къ ватагѣ. Они подѣхали къ кухнѣ этого заведенія, пристали къ берегу, — и вдругъ изъ лодки выскочилъ «воровской атаманъ, разбойникъ Кулага, и съ нимъ воровская его партія». — Ограбивъ Щучинскую ватагу, Кулага пробирался къ Каспійскому взморью и по дорогѣ рѣшился снова попытать счастья на другомъ заведеніи Шарыпина. Къ счастью его, и на Трехъ-избинской ватагѣ почти никого не было, потому что и работные люди почти всѣ

---

<sup>1)</sup> Вотъ одна старая разбойничья пѣсня, въ которой проклинаются эти *высылки* и воевода, отправляющій ихъ для поимки добрыхъ молодцевъ:

Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,  
И мы пьемъ - ѣдимъ на Волгѣ все готовое,  
Цвѣтное платье носимъ припасеное,  
Еще лихъ ли на нашъ супостатъ злодѣй,  
Супостатъ злодѣй, воевода лихой,  
Высылаетъ отъ Казани *часты высылки*,  
Высылаетъ все *высылки стрѣleckія*,  
Они ловятъ насъ, хватаютъ добрыхъ молодцевъ,  
Называютъ насъ ворами, разбойниками.  
А мы, братцы, вѣдь ни воры, ни разбойники,  
Мы люди добрые, ребята все поволжскіе,  
Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый годъ, —  
Воровства, грабительства довольно есть.



на срокъ отпущены были для расчета въ Астрахань, а потому, обманувъ разъѣздную команду ложнымъ отвѣтомъ на ея окликъ, Кулага могъ свободно управиться съ оставшеюся на ватагѣ прислугою и рассчитывать на успѣхъ. Но разъѣздная команда, замѣтивъ, что въ движеніяхъ невѣдомыхъ людей было что-то недоброе, тотчасъ вооружилась противъ «онихъ злодѣевъ» и открыла ружейный огонь. «И какъ усмотря оныхъ злодѣевъ, капраль и солдаты тотчасъ противу ихъ вооружились и стрѣляли по ворами изъ ружей: но напротиву того воровской атаманъ Кулага съ товарищи своими по солдатамъ изъ ружей и пистолетовъ палилъ же, и была сильная пальба съ обоихъ сторонъ, и по той пальбѣ было сраженіе, отъ которой стрѣльбы нѣкоторые воры были ранены, также и солдаты. Напоследокъ тѣ воры, усилившись съ сандовми (?) и дротиками, изъ рукъ у солдатъ ружья выбили, которыхъ солдатъ, по преодолѣніи, тѣ воры били нещадно, имѣющіяся жъ при промыслѣ его (Шарыпина) на водѣ ловецкія ево и протчія лодки изрубили и затопили.»

Послѣ этой жаркой схватки, когда команда была обезоружена и солдаты избиты «нещадно», однако же, не умерщвлены, и когда Кулага увидѣлъ себя полнымъ господиномъ ватаги, онъ ограбилъ ее и ни минуты долѣе не оставался на берегу. Шайка его, съ нѣкоторыми ранеными, опять вошла въ лодку и продолжала свой путь къ морю. Одно, вѣроятно, ружье было брошено на ватагѣ.

Замѣчательно, что въ то самое время, когда Кулага производилъ этотъ смѣлый разбой на Трехъ-из-



бинской ватагѣ, знаменитый Заметаевъ, пойманный за пять дней передъ этимъ, сидѣлъ въ Кумшацкой ста-ницѣ, закованный въ желѣза. Вообще разбой этихъ двухъ самыхъ популярныхъ атамановъ производились въ одни и тѣ же мѣсяцы, только Заметаевъ совершалъ свои воровскія экспедиціи большею частію на Каспійскомъ морѣ, имѣлъ схватки съ киргизами и до-ходилъ до азіятскаго берега Каспійскаго моря, а Ку-лага рыскалъ преимущественно въ устьѣ Волги и по взморью. Наконецъ, вслѣдъ за послѣднимъ сраженіемъ, онъ также выплылъ въ открытое море и направился къ такъ называемому морскому Бибиковскому стану, принадлежавшему тоже купцу Шарыпину. Что дѣлалъ Кулага на этомъ станѣ и куда потомъ отправился, мы не знаемъ.

Но скоро вѣсть о Кулагѣ и его подвигахъ достигла Астрахани. Астраханское начальство, встревоженное незадолго до этого страшными успѣхами Заметаева и не знавшее о поимкѣ его, еще болѣе встревожилось, узнавъ, что кромѣ Заметаева существуетъ еще какой-то Кулага атаманъ. Оберъ-комендантъ города Астрахани, генералъ Левинъ, тотчасъ разослалъ ко всѣмъ поволжскимъ комендантамъ и начальникамъ отдѣль-ныхъ отрядовъ строжайшіе ордера о принятіи дѣя-тельнѣйшихъ мѣръ противъ новаго опаснаго разбой-ника. Онъ приказалъ, во что бы то ни стало, выслѣ-дить и искоренить его безъ *«всякаго упущенія, не при-нося никакихъ въ томъ невозможностей»*; предписы-валъ и *«разъѣзднымъ командамъ накрѣпко подтвер-дить, подъ опасеніемъ, есть ли въ томъ хотя малая*



оплошность и упущеніе послѣдуетъ, поступленія по всей строгости законовъ и вслѣдъ по часту репортовать о томъ, что̀ будетъ происходить». Подобное предписаніе получено было также въ Царицынѣ, и Цыплетевъ отвѣчалъ на него Левину, что «находящимся въ разѣздахъ по рѣкѣ Волгѣ и сухопутно господамъ командирамъ, чтобъ они по точности вышеписаннаго въ ордерѣ вашего превосходительства предписанія, въ сыску и поискѣ воровъ, *а наипаче важныхъ разбойниковъ, имѣли всеусердное и неусыпное стараніе, безъ упущенія, наикрѣпчайше отъ меня подтверждено*».

Между тѣмъ слухи о Кулагѣ и о томъ, гдѣ онъ и что̀ дѣлаетъ, совершенно замолкли. Онъ точно безъ вѣсти пропалъ. Такъ прошло три мѣсяца. Наконецъ, 1-го октября царицынскій комендантъ узналъ отъ кого-то частнымъ образомъ, что Кулага, неизвѣстно какими судьбами, съ Каспійскаго моря очутился уже въ Дубовкѣ и тамъ пойманъ съ своими товарищами, а между тѣмъ въ тотъ же день прошелъ по Царицыну слухъ, что четыре разбойника изъ его шайки были недавно въ этомъ городѣ и, нѣсколько часовъ назадъ, отправились вверхъ по Волгѣ на плывущей съ солью расшивѣ. Не медля ни минуты, комендантъ послалъ въ Дубовку нарочнаго, царицынскаго казака Корецкова, выѣхавшаго вслѣдъ за расшивой, въ пятомъ часу пополудни, съ указомъ, въ которомъ сообщалъ канцеляріи войсковыхъ дѣлъ, чтобы она приняла слѣдующія мѣры: если дѣйствительно Кулага пойманъ и еще не отправленъ въ Царицынъ, — то останавливать всѣ плывущія снизу по Волгѣ суда, брать съ нихъ рабочихъ



людей и, спросивъ паспорта, приводить каждаго изъ нихъ къ Кулагѣ: если Кулага, на вопросъ о принадлежности взятыхъ съ судна рабочихъ къ его шайкѣ, скажетъ, что дѣйствительно принадлежали, то, не смотря ни на что, если бы даже эти уличенные имѣли паспорта, брать подъ караулъ, оковывать въ желѣза и присылать въ Царицынъ «за крѣпкимъ присмотромъ, дабы оныя въ дорогѣ утечки учинить не могли». На другой день волжская войсковая канцелярія увѣдомила Цыплетева, что Кулага дѣйствительно пойманъ, вмѣстѣ съ четырьмя соучастниками, въ волжскомъ войскѣ и уже совсѣмъ приготовленъ былъ къ отправкѣ въ Царицынъ, какъ пріѣхалъ въ Дубовку посланный Цыплетевымъ казакъ Корецковъ и остановилъ проводы разбойниковъ. Между тѣмъ за проходившими мимо Дубовки судами стали слѣдить внимательно. Едва успѣлъ воротиться Корецковъ, Цыплетевъ тотчасъ же отправилъ въ Дубовку другаго курьера и требовалъ, чтобы также взяты были съ судовъ и другіе подозрительные люди и привезены въ Царицынъ; — но чтобы хозяевамъ судовъ не дѣлали ни остановокъ, ни притѣсненій, а вели слѣдовать «своимъ трактомъ».

Поимка Кулаги была дѣломъ совершенно случайнымъ: въ ночь на 25-е сентября, часу въ третьемъ по полуночи, войсковой старшина волжскаго войска Андрей Персидскій и квартирмейстеръ Филиппъ Кріулинъ замѣтили, что по Волгѣ, въ такую позднюю пору, видимо, пользуясь темнотою ночи, подозрительнымъ образомъ пробиралась вверхъ съ невѣдомыми людьми лодка; лодка была перехвачена, и находившіеся въ ней



четыре человека взяты и приведены въ войсковую канцелярію. Сначала неизвѣстно было, что́ это за люди; но случай опять выдалъ Кулагу: въ Дубовкѣ находился въ это время астраханской губернской канцеляріи сказочный Аѳанасій Ивановъ; однажды онъ зашелъ въ кабакъ и увидѣлъ тамъ человека, лице котораго было ему знакомо; этого человека онъ видѣлъ прошлой зимой въ Астрахани, когда тотъ сидѣлъ въ острогѣ, и теперь узналъ въ немъ извѣстнаго атамана. Примѣченный въ кабакъ незнакомецъ дѣйствительно былъ Кулага, которому, при его популярности, трудно было укрыться. Лице разбойника было знакомо многимъ, особенно въ Астрахани, гдѣ онъ надѣлалъ столько шуму и тревогъ, а потому Ивановъ, узнавъ его, отправился въ войсковую канцелярію и донесъ, что Кулага въ Дубовкѣ. Это было 25-го сентября, именно черезъ нѣсколько часовъ послѣ того, какъ въ канцелярію привели неизвѣстныхъ четырехъ бродягъ, пойманныхъ ночью на Волгѣ Персидскимъ и Кріулинымъ. Вѣсть, переданная Ивановымъ дубовскимъ властямъ, заставила подозрѣвать, нѣтъ ли Кулаги между этими четверьмя взятыми бродягами, и въ самомъ дѣлѣ оказалось, что онъ былъ въ числѣ ихъ. Съ нимъ находился также и товарищъ его Тарабаринъ.

Въ послѣдній разъ мы видѣли Кулагу, при взятіи Трехъ-избинской ватаги на Болдѣ и при пораженіи разъѣздной команды. Послѣ того онъ выѣхалъ въ море. Изъ архивныхъ дѣлъ, разобранныхъ нами, не видно, долго ли онъ пробылъ на морѣ и какіе еще производилъ грабежи; но по всей вѣроятности, опасаясь все



болѣе и болѣе распространявшихся о немъ слуховъ, будучи увѣренъ, что разъѣздныя команды ищутъ его по всѣмъ направленіямъ, и имя Кулаги не разъ прозносилось въ комендатскихъ да гражданскихъ канцеляріяхъ, писалось и переписывалось въ ордерахъ и промеморіяхъ, повторялось шопотомъ и на базарахъ, — однимъ словомъ, испугавшись своей популярности, Кулага рѣшился оставить мѣста, гдѣ его знали. Онъ покинулъ море и снова вошелъ въ Волгу. Неизвѣстно, какъ онъ пробрался мимо Астрахани, только, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, мы встрѣчаемъ его уже за Дубовкой. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ попытать счастья гдѣ-нибудь въ верховыхъ городахъ и, собравъ самыхъ вѣрныхъ товарищей: Тарабарина, бурсака Силантьева, Шумникова, Васильева и двухъ Ивановыхъ, отправился въ Русь на зимовку. Такимъ образомъ изъ всей шайки его осталось только шесть человѣкъ, съ которыми онъ и доплылъ до Царицына въ двухъ лодкахъ, не слишкомъ опасаясь преслѣдованій и не боясь иногда завернуть во царевъ кабакъ, который и былъ причиной его гибели. Нѣсколько ниже Царицына, разбойники раздѣлились на двое: Кулага и Тарабаринъ сѣли на одну лодку, взявъ съ собой еще какихъ-то двухъ незнакомыхъ прохожихъ, а прочіе товарищи, съ другою лодкою, остались въ Царицынѣ, гдѣ намѣревались пріобрѣсти лошадей и ѣхать на Донъ «для якобы работъ». Кулага, Тарабаринъ и два незнакомые прохожіе <sup>1)</sup>, какъ мы видѣли, взяты уже за Дубовкой;

<sup>1)</sup> Послѣ оказалось, что прохожіе не были разбойники и даже не бродяги. Одинъ изъ нихъ, — муромскій крестьянинъ Григорьевъ, на-



оставшіеся при другой лодкѣ также раздѣлились по двое: бурсакъ Силантьевъ и Васильевъ, бросивъ лодку, покинули своихъ товарищей, нѣсколько дней прожили въ Царицынѣ на квартирѣ и потомъ отправились въ путь пѣшкомъ; недалеко отъ Волги, на бечевинкѣ, они были пойманы казаками и приведены въ Дубовку. Два остальные разбойника изъ партіи Кулаги, оставшіеся при лодкѣ, Ивановы, продали ее въ Царицынѣ и нанялись на какое-то судно, въ качествѣ бурлаковъ. Не смотря на то, что всѣ суда, плывшія вверхъ, осматривали въ Дубовкѣ и рабочихъ приводили къ Кулагѣ,—Ивановыхъ не нашли, или, какъ сказано въ дѣлѣ, Ивановы, «по осмотру имъ, Кулагинымъ, на идущихъ снизу судахъ, не угаданы». Но вмѣсто нихъ случайно былъ пойманъ Шумниковъ, оставившій, какъ мы видѣли, шайку Кулаги вскорѣ послѣ разгрома питейнаго дома на Башмаковкѣ. Сговорился ли онъ съ Кулагою пробраться «въ Русь», или самъ рѣшился оставить морскія ватаги, только въ сентябрѣ мѣсяцѣ, когда Кулага уже давно

---

ходясь въ Астрахани, потерялъ свой паспортъ и, вслѣдствіе манифеста, опубликованнаго послѣ казни Пугачова, получилъ въ Астрахани новый видъ, «съ тѣмъ чтобъ онъ шелъ въ домъ прямѣйшимъ трактомъ»; случай столкнулъ его съ Кулагою: увидѣвъ на Волгѣ лодку этого разбойника, Григорьевъ, «совокупясь еще съ товарищемъ подошедъ, просили, чтобъ доѣхать въ Дубовку, почему они и пріѣхали сюда (въ Дубовку), а что они бѣглые солдаты и разбойники, того не знали, съ которыми и взяты за карауль» (изъ допроса Григорьева). Другой прохожій,—уржумскій крестьянинъ Ямщиковъ, тоже жилъ въ Астрахани, гдѣ просрочилъ свой паспортъ и, какъ Григорьевъ, получилъ новый, добрался до Царицына, выпросилъ себѣ мѣсто на лодкѣ у Кулаги и, подобно Григорьеву, взять былъ съ Кулагою въ Дубовкѣ. Мы думаемъ, что прохожіе эти были нѣкогда въ войскѣ Пугачова, а не потеряли паспортовъ.



проплылъ Астрахань, онъ подговорилъ съ собой бѣглаго астраханскаго солдата Петрова, прибрѣлъ особую для себя лодку и явился въ Царицынъ; здѣсь они продали лодку и отправились искать по хуторамъ работы; на дорогѣ присталъ къ нимъ еще одинъ бѣглый солдатъ, и уже на рѣчкѣ Пичугѣ они были пойманы. Такъ переловлены были всѣ главные товарищи Кулагы.

9-го октября всѣ они были привезены въ Царицынъ, а 13-го отправлены по форпостамъ въ Астрахань на судъ.

Въ сопровожденіе арестантовъ, «по ихъ важности, какъ оныя въ чиненіи сильныхъ разбоевъ не малое время упражнялись безъ недостатка», командированъ былъ большой конвой подъ начальствомъ офицера Ахапкина, которому дана была особая инструкція относительно надзора за преступниками <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Инструкція эта сама по себѣ составляетъ очень любопытный историческій матеріалъ и, кромѣ того, показываетъ, какое значеніе могъ имѣть Кулага въ глазахъ правительства. Ахапкину повелѣвалось:

1) «Съ гобвахты отъ караульнаго господина офицера принять показаннаго атамана, скованнаго въ наручни и на обѣихъ ногахъ въ колодеѣ, а прочихъ какъ въ наручняхъ, такъ и въ такихъ же колодеяхъ осмотра, гораздо укрѣпить.

2) «А потомъ, принявъ изъ комендантской канцеляріи запечатанные конверты, рапортъ къ астраханскому оберъ-коменданту, господину генералъ-маіору Василю Васиіевичу Левину, и сообщеніе господину подполковнику и черныярскому коменданту Айдарову и подорожную для вашего благородія на двѣ лошади, да прогонныхъ денегъ какъ до Астрахани, такъ и на обратный путь, всего 14 руб. 88 коп. да кормовыхъ денегъ 70 коп. отъ воеводской канцеляріи, слѣдовать въ путь, при наряженномъ съ вами конвоѣ съ линіи для разстановленія по состоящимъ отъ Царицына форпостамъ и въ Черной Ярѣ команды казаками, и, будучи въ трактѣ, оставляя назначенное, гдѣ сколько слѣдуетъ, по форпостамъ число казаковъ, а съ послѣдняго, съ Мазайскаго, то-жъ и съ под-



Въ слѣдующемъ году начальники волжскаго войска, собственно той части, которая осталась не переселенною на Терекъ, будучи заподозрѣны въ неблаговидныхъ сношеніяхъ съ разбойниками, выставляли передъ правительствомъ, какъ важную услугу, оказанную Россіи, то обстоятельство, что стараніемъ ихъ пойманъ «*онъи славный разбойникъ Кулага*».

---

лежащими въ Черной Ярѣ 15-ю человѣками слѣдовать до Астрахани, принявъ тѣхъ разбойниковъ 7 человѣкъ отъ стоящаго при гобвахтѣ караульнаго офицера, заклепавъ всѣхъ въ крѣпкія ручныя и ножныя колодки, посадя на подводы, распредѣлить къ нимъ изъ конвою къ каждому по разсмотрѣнію вашему.

3) «Будучи въ пути, имѣть крѣпкую предосторожность, дабы утечки учинить не могли, подѣ опасеніемъ за оное лишенія чести и по законамъ наказанія, осматривать всегда колодки и наручни въ пути, окружась конвоемъ, а на ночлегахъ и ночевьяхъ въ форпостныя землянки сажать и при нихъ часовымъ смотрѣть для недопущенія ихъ до разворовъ и чтобъ не могли другъ другу помогать въ сбиваніи колодокъ, къ лучшему смотрѣнію стараться на ночь доставать на свѣтъ жиру или лучины и, сверхъ того, то мѣсто окружать особыми часовыми, ибо отъ такихъ злодѣевъ ничего не можно ожидать, какъ при всякомъ послабленіи сдѣлать уходъ и обратиться на прежнія злодѣйствы не оставлять, то вамъ въ томъ нужда состоитъ, чтобъ они ежечасно были подѣ вашимъ самоличнымъ смотрѣніемъ, а и ночью имѣете караульныхъ осматривать и накрѣпко имъ подтверждать о семъ, дабы находились осторожны.

4) «На пропитаніе ихъ купить здѣсь сутки на трое хлѣба, употребя по 2 коп. на человѣка въ сутки, и онымъ удовольствоваться.

5) «По прибытіи въ Черный Яръ, къ тамошнему господину коменданту являсь, по здѣшнему сообщенію при подачѣ онаго донести, чтобъ на дальній путь конвоемъ и пропитаніемъ не оставилъ онъ снабдить по своему распоряженію, и въ Енотаевской крѣпости равно отъ тамошняго господина коменданта всѣмъ снабдиться, а по прибытіи въ Астрахань, того жъ часа представить къ его превосходительству и, по отдачѣ оныхъ, просить отпуску и слѣдовать обратно и явиться въ командѣ какъ наискорѣе.»



### Атаманъ Заметаевъ <sup>1)</sup>.

---

Царствованіе Императрицы Екатерины II представляетъ два, совершенно противоположные характера; извнѣ — успѣшныя дипломатическія сношенія петербургскаго кабинета съ иностранными дворами и торжество русскаго оружія, внутри — трудную борьбу администраціи съ повсемѣстной неурядицей. На всемъ отражался характеръ внутренняго броженія, и кровавая драма Пугачова выразила собой своевольную мірскую расправу. Но казнь этого самозванца на московской площади не прекратили сразу народнаго броженія, оно выражалось отдѣльными вспышками. Шайки разбойниковъ, правильно организованныя, съ выборными атаманами и эсаулами, бродили по Россіи, грабили, вѣшали и жгли всѣхъ, кѣмъ были недовольны. Волненіе замѣтно было преимущественно въ юговосточныхъ предѣлахъ имперіи, гдѣ разбойники нападали на

---

<sup>1)</sup> Подлинныя документы о событіяхъ этого времени извлечены изъ стараго царицынскаго архива Н. И. Костомаровымъ и переданы въ распоряженіе автора настоящей статьи.



плывущія по Волгѣ суда, разбивали обозы и жгли села, не боясь ни высылки изъ крѣпостей, ни войскъ, растянутыхъ по всему поволжью, начальство надъ которыми ввѣрено было лучшимъ генераламъ того времени, графу Петру Ивановичу Панину, Суворову и другимъ.

Весною 1775 года, юго-восточный край, еще не-успокоившійся послѣ тяжелой поры пугачовщины, взволнованъ былъ новой вѣстью, что въ скоромъ времени долженъ явиться нѣкто Заметаевъ и произведетъ волненіе, подобное тому, какое произвелъ Пугачовъ. Вѣсть эта прошла отъ нижняго поволжья къ сѣверу, коснулась самыхъ отдаленныхъ русскихъ провинцій и встревожила правительство. Въ Астрахань, Енотаевскъ, Черный Яръ, въ Царицынъ, Черкасскъ, Саратовъ, Симбирскъ, Москву и Петербургъ приходило извѣстіе за извѣстіемъ, что по Волгѣ и по Каспійскому морю разѣзжаются, въ косныхъ лодкахъ, шайки разбойниковъ, съ пушками и ружьями, грабятъ суда, разбиваютъ рыболовныя ватаги, храбро отбиваются отъ высылаемыхъ противъ нихъ отрядовъ, удаляются въ море и снова плывутъ вверхъ, появляются на Волгѣ и снова грабятъ. Народъ съ суевѣрнымъ страхомъ ждетъ новыхъ смутъ, и толки о Заметаевѣ не умолкаютъ: имя его переходитъ изъ устъ въ уста; объ немъ говорятъ на базарахъ: графъ Панинъ, назначенный главнокомандующимъ императорскихъ войскъ для возстановленія тишины во всѣхъ взволнованныхъ Пугачовымъ провинціяхъ, и Суворовъ, принявшій начальство надъ войсками, растянутыми по всему поволжью, внима-



тельно слѣдили за этими слухами и съ сожалѣніемъ догадывались, что одиннадцати-мѣсячное дѣло ихъ, въ которое они положили столько трудовъ, и конецъ котораго уже близко видѣли, можетъ вновь разстроиться, что возстановленіе тишины въ потрясенномъ краѣ еще далеко и сомнительно.

Въ началѣ іюня, по распоряженію Суворова, находившагося въ Симбирскѣ, секундъ-маіоръ Соловьевъ выступилъ съ своимъ отрядомъ съ зимнихъ квартиръ и пошелъ правымъ берегомъ Волги къ Астрахани, наблюдая за плывущими по Волгѣ караванами судовъ и лодками. Слѣдуя по астраханской дорогѣ, онъ не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній ни о Заметаевѣ, ни о другихъ разбойничьихъ шайкахъ: узнать было не отъ кого, спрашивать народъ было опасно. Разбойники появлялись неожиданно, небольшими партіями, дѣлали тревогу и исчезали въ своихъ станахъ или разбродились по лѣсу и степямъ, а лодки или прятали въ безопасныхъ мѣстахъ, или топили, надѣясь безъ труда отбить новыя; часто уходили на Волгу, выжидали, вновь собирались и шли на грабежъ.

Не зная, что предпринять, сознавая также трудность порученнаго ему дѣла, Соловьевъ обратился къ царицынскому коменданту Цыплетеву и спрашивалъ, не знаетъ ли чего «о злодѣйскихъ оборотахъ» Заметаева и гдѣ его шайка? Цыплетевъ отвѣчалъ, что о Заметаевѣ онъ имѣетъ свѣдѣнія отъ астраханскаго оберъ-коменданта генерала Левина; что заметаевская шайка открыла свои дѣйствія грабительствами около Синяго Морца на Каспійскомъ морѣ, перенесла опу-



стошенія въ другія сосѣднія мѣста, но гдѣ теперь, — не знаетъ. Отъ черноморскаго коменданта, полковника Айдарова, извѣстились, что 14 мая, верстахъ въ семи за Енотаевской крѣпостью, видѣли на Волгѣ три вооруженныя разбойничьи лодки, съ шестюдесятью неизвѣстными людьми; что противъ нихъ высланы отряды; но что никто не знаетъ, къ какой шайкѣ принадлежитъ эта новая партія, кто атаманъ и гдѣ именно находится самъ Заметаевъ.

Заметаевъ въ это время производилъ грабежи на Каспійскомъ морѣ. Опасаясь, чтобъ онъ не пробрался въ верховыя губерніи, Суворовъ отрядилъ часть войскъ изъ поволжской арміи съ бригадиромъ Пилемъ въ Саратовъ и ввѣрилъ ему прикрытіе Волги. Такимъ образомъ, понизовье отъ моря до Чернаго Яра защищалъ отрядъ Соловьева, кордоны котораго, пройдя Волгою до Царицына, отделились онъ нея въ степь, слѣдуя по сарептской дорогѣ, чтобы снова приблизиться къ берегу Волги; отъ Чернаго Яра до Дубовки плавали разѣздныя лодки, отряженныя изъ Царицына; между Дубовкою и Камышиномъ были новыя разѣзды; самъ Пиль наблюдалъ среднее поволжье, ниже и выше Саратова до Симбирска, гдѣ находился Суворовъ. Волга была заперта со всѣхъ сторонъ, и для проѣзда въ верховье разбойникамъ оставались только лѣсистыя воложки ниже Царицына и ахтубинскіе протоки, гдѣ можно было скрывать лодки въ густыхъ тальникахъ; на сухомъ пути сторожили ихъ построенныя вдоль Волги какъ въ нагорной, такъ и на луговой сторонѣ форпосты, небольшія крѣпостцы, вооруженныя пушками



и защищаемыя небольшими отрядами. Вездѣ ждали Заметаева.

Въ этомъ ожиданіи прошло три недѣли, а вѣстей о разбойникахъ не было ни откуда. Тяготясь неизвѣстностью, Пиль отправилъ къ Цыплетеву нарочнаго узнать, гдѣ, что дѣлаетъ Заметаевъ, и не слышно ли еще чего о немъ. Изъ Астрахани между тѣмъ пришло извѣстіе, что тамъ, при морскихъ ватагахъ, въ недавнее время показалась разбойническая шайка, состоящая изъ девятнадцати человѣкъ, которая, разъѣзжая водою въ большой лодкѣ, въ разныхъ мѣстахъ грабитъ и разоряетъ «россійскихъ людей», что противъ нея отряжены военныя команды, которыя ее повсюду преслѣдуютъ. Увѣдомляли также, что разбойники, раздѣлясь на двѣ части, разошлись въ разныя стороны: одни, въ числѣ пяти человѣкъ, отправились въ море на лодкѣ, а другіе четырнадцать разбойниковъ, взявъ лошадей съ ватаги астраханскаго купца Бодрова, вступили на моздокскую дорогу, проложенную въ степи томскимъ полкомъ, и пробираются къ Дону, чтобы свободнѣе пройти въ верховыя мѣста. Но никто не зналъ, что за разбойники и кто ихъ атаманъ.

Тогда съ царицынской линіи командированы были три партіи казаковъ для разъѣздовъ по степи и наблюденія за разбойниками; дано было знать по всѣмъ линейнымъ крѣпостямъ и форпостамъ, что шайка намѣрена пробраться въ верховыя города, въ глубь Россіи. Изъ Дербетевыхъ улусовъ нарядили отряды калмыцкаго нерегулярнаго войска; калмыцкій полковникъ, князь Дондуковъ, сражавшійся противъ войскъ Пугачова и



бывшій въ то время къ Сарептѣ, дѣлалъ разѣзды въ той части степи, которая склонялась къ Волгѣ; дано было о томъ же знать на Донѣ, въ Черкасскѣ, всѣмъ войсковымъ старшинамъ, станичнымъ атаманамъ и казакамъ, увѣдомили бригадира Пиля, донесли Панину, Суворову. По всѣмъ пунктамъ, гдѣ расположены были войска и находились гарнизоны, разосланы примѣты неизвѣстныхъ разбойниковъ: всѣ знали, что предводитель шайки ростомъ невеликъ, собою толстъ, лицомъ рыжъ, съ малыми рябинами, волосы на головѣ русые, борода и усы рыжіе, на лѣвой рукѣ, близъ мизинца имѣетъ рану, отъ роду ему около сорока лѣтъ; — что другіе разбойники острижены по-бурлацки и нѣкоторые съ бритыми бородами, а у двухъ молодыхъ парней еще и бородъ не выросло; что эсаулъ ихъ росту высокаго, посредственной толщины, лицомъ смугль, волосы на головѣ черные, борода и усы бритые.

Между тѣмъ по высочайшему повелѣнію графъ Панинъ разослалъ по всему поволжью печатные экземпляры объявленій (потому что писаннымъ народъ не вѣрилъ: писанными его часто обманывали) о предупрежденіи народныхъ смутъ, по случаю появленія Заметаева. Въ объявленіи графъ Панинъ, напоминая народу о минувшихъ смутахъ, произведенныхъ «злодѣемъ и самозванцемъ Пугачовымъ, воспріавшимъ уже на московской площади за свои беззаконія смертную казнь», говорилъ, что онъ съ великой сердечной радостью примѣчалъ возстановленіе прежней тишины и повиновенія въ народѣ. «Но нынѣ, продолжаетъ онъ,



съ великимъ оскорбленіемъ услышалъ я, что между народомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разглашаются и разсѣяваются плевела таковыя, якобы какой-то разбойникъ Заметаевъ проявится и будетъ производить новое народное разореніе.» Онъ увѣщавалъ народъ не вѣрить новому разглашенію; грозилъ жестокимъ наказаніемъ; пугалъ новыми смутами и всеобщимъ опустошеніемъ; запрещалъ не только произносить, но даже упоминать имя Заметаева и всякаго другаго подобнаго ему «чудовища».

Объявленія прочитаны были народу вездѣ, гдѣ онъ могъ собираться. Мѣстныя начальства употребляли свои мѣры и угрозы, чрезъ что слухи становились все чудовищнѣе и невѣроятнѣе и росли съ каждымъ днемъ: хотѣли добра, а дѣлали зло.

Въ это время въ Царицынѣ вступили два эскадрона гусаръ и пикинеровъ изъ отряда маіора Соловьева, которые должны были оберегать Волгу у Царицына. Въ то же время около Дубовки примѣчена была небольшая разбойничья партія; противъ нея высланъ изъ Царицына небольшой отрядъ регулярнаго войска, а изъ Дубовки выступили казаки, и шайка была разбита и разогнана; пять человѣкъ попались въ плѣнъ и отправлены въ Астрахань. Но это не помогало: не смотря на то, что разъѣзды безпрестанно сновали по Волгѣ во всѣхъ направленіяхъ и, по тогдашнему выраженію, «недреманнымъ окомъ» оберегали плывущіе по Волгѣ караваны, удалыя шайки безбоязненно нападали на расшивы, кладнуши и косныя лодки, разбивали цѣлые караваны, грабили и опустошали



берега Волги. Разъѣзды не находили ничего, не видѣли никакихъ воровскихъ людей и рапортовали по начальству, что все обстоитъ благополучно: а между тѣмъ не проходило дня, чтобъ по городамъ и селамъ не являлись ограбленные судохозяева, избитые лоцмана, такіе же бурлаки, у которыхъ разбойники отнимали паспорта и деньги, а съ судовъ брали товары, пушки, ружья, свинецъ и порохъ.

А о Заметаевѣ все еще не знали ничего вѣрнаго: надерживается ли около Астрахани, выѣхалъ ли въ открытое море, или уклонился въ другую сторону, или, наконецъ, разбитъ, — никто ничего не могъ сказать положительнаго.

Но вскорѣ послѣ того напали и на слѣдъ Заметаева: на кумской степи взяты были два калмыка, находившіеся въ его шайкѣ. На допросѣ калмыки показали, что въ началѣ іюня находились они въ числѣ семнадцати человѣкъ на взморьѣ, въ морскихъ косахъ, на Камышевой ватагѣ. Въ одинъ день пріѣхали туда, въ восьмивесельной косной лодкѣ девятнадцать человѣкъ разбойниковъ, которыхъ испуганный хозяинъ ватаги встрѣтилъ съ хлѣбомъ и солью. Они пробыли на ватагѣ двое сутокъ и никому не сдѣлали вреда, даже заплатили хозяину хорошую цѣну за корову, которую зарѣзали для себя. Оттуда разбойники взяли одного русскаго рабочаго и двухъ калмыкъ проводниками къ другой рыболовной ватагѣ купца Бодрова. Здѣсь они переночевали и на другой день пошли къ табору Бодрова взять для себя лошадей; но дикія степныя лошади не дались разбойникамъ въ руки;



тогда они погнали къ табуну всѣхъ ватажныхъ работниковъ, выбрали для себя по лошади, приказали ѣхать съ ними самому табунщику, восьми рабочимъ и двумъ калмыкамъ, взятымъ на Камышевой ватагѣ. Отсюда они поѣхали уже въ двухъ лодкахъ, а лошадей гнали берегомъ; при переправѣ черезъ Ильмень одну лошадь утопили. На другой день шайка раздѣлилась на двѣ партіи: пять разбойниковъ взяли у Бодровыхъ работниковъ лодку, три чугунныя пушки и отправились въ море; а другіе четырнадцать человѣкъ дали рабочимъ денегъ, нѣсколько бурлацкихъ кафтановъ и другой одѣжи и отпустили на ватагу въ своей лодкѣ, а сами съ двумя калмыками и табунщикомъ выѣхали въ степь. Они быстро слѣдовали вверхъ по Кумѣ, не давая лошадямъ ни малѣйшаго роздыха. Дорогою разбойники почему-то хотѣли убить калмыковъ, но тѣ упросили ихъ. Разъ ночью, когда шайка остановилась въ лѣсу для роздыха, калмыки бѣжали, бросились въ Куму и переплыли на другую сторону рѣки. Калмыки сказывали, что изъ разговоровъ, происходившихъ между разбойниками, можно было понять, что нѣкоторые изъ нихъ хотѣли ѣхать на Донъ и оттуда чело-вѣка по два по три пробираться въ верховья мѣста; другіе, у которыхъ лошади изнурены были отъ быстрого переѣзда, раскаявались, что такъ далеко углубились въ степь и хотѣли воротиться къ Волгѣ. Видно было, что общаго совѣта уже не было между ними, и они переговаривались тихо, тайно отъ атамана. Калмыки говорили притомъ, что «атаманъ ихъ разбой-



нической у нихъ въ почтеніи и ими безпрепятственно повелѣваетъ; всѣ зовутъ его батюшкой».

Не оставалось никакого сомнѣнія, что это былъ знаменитый Заметаевъ, взволновавшій однимъ именемъ своимъ все нижнее и среднее поволжье. Примѣты атамана и эсаула были тѣ именно, о которыхъ зналъ весь юго-восточный край. Другаго подобнаго атамана не было: на Камышевой и Бодровой ватагахъ узнали Заметаева.

Тогда вновь разосланы были отряды по всѣмъ направлениямъ: изъ Астрахани выступили команды по кизлярскому тракту и на всѣ окрестныя дороги; сосѣдніе города нарядили новые отряды; къ сѣверу Заметаеву запертъ былъ путь неразрывною цѣпью разѣздовъ отъ Волги вплоть до самаго Дона: одинъ отрядъ прикрывалъ всѣ выходы по моздокской дорогѣ; другой придерживался середины царицынской линіи противъ Грачевской крѣпости; третій, наконецъ, дѣлалъ поиски отъ Донскаго редута внизъ по Дону, склоняясь отъ этого редута къ тому отряду, который оберегалъ проходы у Грачевской крѣпости, а этотъ склонялся къ разѣзду моздокскому.

Но въ обширной кумской степи Заметаева отыскать было нелегко: куда онъ поѣдетъ? Ему представлялась широкая дорога на всѣ четыре стороны; по безлюдной степи онъ могъ пробраться на Кубань, въ Грузію, къ Моздоку, выйти къ Дону, пробраться въ верховье между селеніями и берегами рѣкъ. Пограничныя линіи съ крѣпостями и форпостами были плохою защитой Россіи: мимо крѣпостей спокойно



проходили цѣлыя орды и также спокойно возвращались въ свои степи, не потерявъ ни одного человѣка.

Розыски были бесполезны.

Но вотъ, 24 іюня, утромъ къ Дону, противъ Кумшацкой станицы, подѣхали какіе-то неизвѣстные люди; ихъ было девять человѣкъ, изъ которыхъ семь ѣхали верхами на лошадяхъ, а двое шли пѣшіе; у всѣхъ были ружья и у нѣкоторыхъ ножи и сабли. Они остановились на берегу Дона, повидимому, для отдыха; четверо изъ нихъ пошли по направленію къ станицѣ; изъ оставшихся двое легли спать, третій, повидимому, начальникъ ихъ, отправился къ рѣкѣ, вѣроятно, для того, чтобъ вынуть изъ находившагося тамъ вентера рыбы; а одинъ взлѣзъ на дерево, должно думать, для того, чтобъ въ качествѣ караульнаго обзрѣвать окрестность. Тогда одинъ изъ пріѣхавшихъ, спрятавшись отъ караульнаго, осторожно взялъ одну изъ оставленныхъ товарищами лошадей, сѣлъ на нее и тихонько поѣхалъ къ станицѣ. Никто не замѣтилъ его отсутствія. Бѣглець переплылъ Донъ и скрылся. Вскорѣ изъ станицы явились вооруженные казаки и захватили этихъ людей. Ихъ привели въ станицу и немедленно отправили къ войсковому сыскному старшинѣ, завѣдовавшему дѣлами о разбойникахъ и бѣглыхъ.

Доносчикъ, который бѣжалъ съ лошадыю черезъ Донъ въ станицу и объявилъ, что за Дономъ находятся разбойники, былъ малороссіянинъ Ничипоренко, служившій въ работникахъ у астраханскаго купца Бодрова. Это табунщикъ, о которомъ мы уже упоминали. Между пойманными неизвѣстными людьми нашелся



и атаманъ. На допросѣ онъ показалъ, что зовутъ его Игнатомъ Петровымъ *Запрометовымъ*, что родомъ онъ изъ Переславля - Залѣскаго, дьячковскій сынъ; въ 1773 году отданъ въ солдаты въ кизлярскій пѣхотный полкъ; командированъ былъ въ Грузію, а лѣтомъ 1774 года бѣжалъ изъ баталіона и степными дорогами пробрался въ астраханскія Черни, гдѣ питался всю зиму по рыболовнымъ ватагамъ, а весной набралъ съ разныхъ ватагъ восемнадцать человѣкъ охотниковъ и повелъ ихъ на разбой; его выбрали атаманомъ; въ большой косной лодкѣ они разбѣзжали по ватагамъ, грабили, что имъ ни попадалось, набирали новыхъ охотниковъ, а потомъ съ ватаги Бодрова отправились къ Дону, чтобъ наняться къ кому-либо въ работники. На Дону ихъ поймали.

Кромѣ лошадей, оружія и денегъ, при разбойникахъ нашли нѣсколько одежды: три шапки, двѣ бархатныхъ, одна съ золотымъ позументомъ, вѣроятно, атаманская; три черкесски, кафтанъ канаватный съ семью серебряными пуговицами, красныя рубахи и проч.

Запрометовъ былъ не кто другой, какъ знаменитый Заметаевъ. Извѣстіе о поимкѣ его быстро разнеслось по всему поволжью. Отрадная вѣсть пришла и къ Суворову. Одни донскіе казаки не подозрѣвали, какое важное лицо находится въ ихъ рукахъ: они думали, что поймали одного изъ обыкновенныхъ разбойниковъ, которые цѣлыми ватагами водили шайки къ юго-восточнымъ предѣламъ Россіи и безъ страху шатались по задонскимъ степямъ и въ понизовѣ. Они только то замѣтили, что пойманные воры «на образъ всѣ велико-



россійскіе люди», а у атамана, сверхъ того, серебряные часы.

Казаки заковали Заметаева въ кандалы, а прочихъ въ колодки и отправили съ нарочнымъ въ Царицынъ. Но вслѣдъ за тѣмъ изъ Симбирска, отъ генерала Каковинскаго пришелъ къ нимъ запросъ: нѣтъ ли въ войскѣ донскомъ, казака по фамиліи Заметаева, а если есть, то гдѣ онъ? Только тогда казаки догадались, что «заключена въ тѣхъ разбойникахъ важность»; они поняли, что отправили Заметаева съ очень слабымъ конвоемъ и немедленно командировали за нимъ одного надежнаго походнаго эсаула. Эсауль заковалъ его въ желѣза и за карауломъ привезъ въ Царицынъ.

Теперь уже не было сомнѣнія, что схваченъ точно Заметаевъ, который долженъ былъ «проявиться» на Руси и произвести новое народное возмущеніе. Именемъ этого, пойманнаго теперь, дьяческаго сына, взволнована была Россія и встревожено правительство. Теперь только обнаруженъ былъ весь рядъ его грабежей и удалыхъ походовъ.

Заметаевъ дѣйствительно былъ сынъ дьячка изъ Переславля-Залѣскаго. Пьянство заставило его бѣжать изъ Кизляра и сдѣлаться атаманомъ разбойниковъ. Изъ Кизляра онъ пробрался степью до Царицына, какъ простой бродяга, никому неизвѣстный и никѣмъ не принимаемый; но въ Царицынѣ онъ не останавливался, а прошелъ въ Дубовку, гдѣ казацкая жизнь была повольнѣе и разгульнѣе; съ голода онъ нанимался косить сѣно за самую ничтожную плату и работалъ наравнѣ съ прочими бездомными бурлаками. Такая жизнь не



могла его успокоить. Онъ собралъ въ Дубовкѣ такихъ же, какъ и самъ, недовольныхъ жизнію и рѣшился идти на разбой. Они взяли лодку и поплыли внизъ по Волгѣ: шайка его состояла всего только изъ пяти человѣкъ. За Татъяницкой перемѣной, отважный бродяга напалъ на двѣ расшивы, обобралъ у бурлаковъ паспорта и поѣхалъ дальше. Здѣсь начало его подвиговъ и той странной популярности, которая соединялась съ его именемъ. Но имя онъ пріобрѣлъ впоследствии, а теперь былъ просто бродяга.

Это было лѣтомъ 1774 года. Подѣхавъ къ Черному Яру, бродяги вошли въ городъ, но были узнаны по фальшивымъ паспортамъ, взяты подъ караулъ и признались, что разбили на Волгѣ двѣ расшивы. Находясь подъ карауломъ, они слышали, что «Пугачовъ заступилъ уже Дубовку». Изъ Чернаго Яра ихъ отправили въ Астрахань чрезъ Енотаевскую крѣпость; въ Астрахани они содержались подъ карауломъ съ мѣсяцъ. Но караулъ не удержалъ Игнатія Петрова, — онъ бѣжалъ съ товарищемъ. Они вышли къ морю, на морскія ватаги, и опять повели бродячую жизнь. На ватаги напали киргизъ-кайсаки. Народъ спасался бѣгствомъ и скрылся въ богатомъ Култукѣ, на Пичугиной ватагѣ: тамъ бродилъ и Игнатій Петровъ съ товарищемъ, вербуя въ свою шайку удалцевъ и безпріютныхъ. Въ числѣ первыхъ, приставшихъ къ партіи Заметаева, былъ не менѣе знаменитый разбойникъ того времени, Кулага. Для совѣщаній они собирались на пустой Грековой ватагѣ и положили идти на разбой. Охотниковъ нашлось пятнадцать человѣкъ. Они до-



стали лодку, убрали, оснастили и вооружили ее. Атаманомъ избранъ Игнатій Петровъ и названъ двойнымъ прозвищемъ: Запрометовъ и Заметаевъ.

Снарядились въ походъ. Первымъ дѣломъ Заметаева было нападеніе на Займинцову ватагу: онъ разбилъ и ограбилъ ее. Оттуда разбойники поплыли моремъ на востокъ, къ киргизъ-кайсакамъ, прошли Эмбу и Мертвый Култукъ и напали на рыболовную расшиву. Расшива была взята и ограблена. Узнавъ, что киргизы часто наѣзжаютъ къ морю и подъ видомъ торга заманиваютъ русскихъ на берегъ, грабятъ и берутъ въ плѣнъ, Заметаевъ рѣшился обмануть ихъ. Онъ приказалъ выстрѣлить изъ вѣстовой пушки. Услышавъ сигналъ, киргизы приблизились къ морю и ожидали разбойниковъ. Заметаевъ напалъ на нихъ и между ними произошло сраженіе: киргизы были разбиты и бѣжали; нѣкоторые попались въ плѣнъ; другіе были ранены, одного нашли убитымъ. Разбойники взяли у нихъ платье, товары и отпустили плѣнныхъ. Оттуда Заметаевъ повелъ свою шайку къ Астрахани, наводя ужасъ на всѣ морскія ватаги: онъ напалъ на Шестовскую ватагу и ограбилъ; напалъ на Бѣлужью ватагу и также ограбилъ. На взморьѣ не знали, что дѣлать, куда спастись, и со страхомъ ожидали новыхъ нападеній Заметаева. На Уварахъ и Иванчугѣ собрались ловцы, предчувствуя грозу, вооружили свои лодки и пошли на разбойниковъ. Ловцы напали первые, и завязалась перестрѣлка: двое изъ разбойниковъ были убиты. Заметаевъ не устоялъ и принужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Шайка удалилась въ море.



Но въ морѣ Заметаевъ пробылъ не долго. Приплылъ снова къ ватагамъ, и снова начались грабежи. Онъ былъ на Гречихиной ватагѣ и снова дрался съ ловцами; вскорѣ потомъ напалъ на одинокаго караульнаго солдата и отнялъ у него ружье съ приборомъ; на другомъ стану взялъ двухъ молодцевъ въ разбой. На Музуркиной ватагѣ напалъ на расшиву, взялъ съ нея дань чихиремъ и отпустилъ. Пошелъ опять на Гречихину ватагу и еще двоихъ пригласилъ въ разбой, а двоихъ отослалъ прочь съ Колпачка, за ссорою. На возвратномъ пути Заметаевъ настигъ астраханскаго купца Бодрова съ рабочими; взялъ ихъ, привезъ на Шарыпину ватагу и обобралъ у нихъ деньги. Оттуда приказалъ привести себя на Бодрову ватагу, взялъ еще расшиву и ограбилъ; тамъ ограбилъ онъ цаловальника, набралъ вина и велѣлъ шайкѣ пить.

Но не долго послѣ этого счастіе служило Заметаеву: не смотря на то, что онъ дѣйствовалъ въ открытомъ морѣ, вѣсть о немъ наполнила собой всѣ понизовые города, слава его прошла далеко на сѣверъ; уже многіе знали, гдѣ искать его, и искали.

Во время гульни, когда шайка распивала вино, отнятое у цаловальника, на нее наѣхала высылка изъ Астрахани: небольшой отрядъ солдатъ, рыбаки и множество понятыхъ въ лодкахъ. Заметаевъ вступилъ въ бой. Разгоряченные виномъ и одушевляемые атаманомъ, разбойники дрались храбро. Перестрѣлка продолжалась съ четверть часа, не прекращаясь ни на минуту. Офицеръ, командовавшій отрядомъ, былъ убитъ: его убилъ самъ Заметаевъ. Солдаты оробѣли и начали



отступать. Разбойники напали съ большей силой и разстроили команду. Солдаты бросились въ воду, ища спасенія: ихъ ловили и вытаскивали изъ воды. Убитъ былъ одинъ изъ солдатъ, нѣкоторые взяты въ плѣнъ, прочіе бѣжали. Заметаевъ овладѣлъ лодкой, двумя пушками и ружьями: онъ шелъ не противъ солдатъ и потому отпустилъ захваченныхъ.

Послѣ этого дѣла Заметаевъ сталъ думать и о томъ, что ожидаетъ его. Оставаться на Волгѣ и въ морѣ было не безопасно, особенно послѣ умерщвленія офицера. Многіе видѣли Заметаева въ лице и, вѣроятно, помнили наружность атамана; примѣты его развозились по комендантскимъ, воеводскимъ, гражданскимъ и войсковымъ канцеляріямъ при промеморіяхъ и ордерахъ и были извѣстны каждому; эсаула его также знали многіе, знали и другихъ товарищей. Заметаевъ отплылъ въ море къ устью Кумы, въ кумскій Култукъ, и пробылъ въ бездѣйствіи цѣлую недѣлю, раздумывая и совѣтоваясь, что предпринять. Къ нему дошла вѣсть, что маіоръ Арбековъ съ отрядомъ ищетъ его по взморью; прослышали, что по Волгѣ производятся безпрестанные разѣзды, а его шайка состояла всего изъ девятнадцати человѣкъ.

Заметаевъ прекратилъ разбои. Черезъ недѣлю разбойники воротились на Камышеву ватагу, купили себѣ корову на зарѣзъ и въ послѣдній разъ погуляли на свободѣ.

Тогда стали совѣтоваться; думали оставить море, удалиться въ степь и разойтись; Заметаевъ думалъ идти на Царицынъ; эсаулъ не хотѣлъ разставаться съ



Волгой и приглашалъ товарищей отъ Богатаго Култука идти вверхъ по Ахтубѣ; оттуда онъ намѣревался «по яицкому кряжу пройти въ Русь». На томъ и порѣшили: прощаніе Заметаева съ эсауломъ было на Бодровой ватагѣ, послѣ чего ужъ имъ не довелось встрѣтиться въ жизни.

Эсаулъ Заметаева прозывался Жеребцовымъ. Что съ нимъ было послѣ разлуки съ атаманомъ, куда онъ прошелъ съ своей небольшой шайкой: вышелъ ли въ Русь, какъ думалъ, кончилъ ли жизнь въ разбоѣ съ оружіемъ въ рукахъ, или въ тюрьмѣ, умеръ ли отъ кнута на Руси, или скончался въ Нерчинскѣ, — неизвѣстно. Но съ тѣхъ поръ объ немъ ничего не было слышно. Намъ извѣстна только судьба его атамана.

О походе Заметаева на кумской степи мы уже отчасти знаемъ: дорога и голодъ изнурили его шайку; они питались лошадьми, ѣли траву и изнурились до крайности; одинъ изъ разбойниковъ бѣжалъ, а пятеро брошены въ степи за усталю лошадей.

Ко всѣмъ допросамъ, которые дѣлали разбойникамъ, Заметаевъ самъ прикладывалъ руку, называя себя бѣглымъ солдатомъ Игнатіемъ Петровымъ Запрометовымъ и Заметаевымъ.

Въ Царицынѣ разбойниковъ заковали въ самыя твердыя ручныя и ножныя кандалы и разсадили по разнымъ комнатамъ, а Заметаева приковали къ стѣнѣ въ позорныхъ покояхъ: къ разбойникамъ, для караула, приставили отрядъ гусаръ и боялись водить ихъ, какъ прочихъ арестантовъ, по міру собирать милостыню, а постоянно держали подъ карауломъ и кормили отъ



казны. Когда Заметаеву приносили пищу, при этомъ всегда присутствовалъ офицеръ, который наблюдалъ за преступникомъ «недреманнымъ окомъ».

Заметаевъ интересовалъ всѣхъ своею личностью: объ немъ, какъ мы видѣли, спрашивалъ генералъ Каковинскій. Но больше всѣхъ интересовался имъ Суворовъ. Вслѣдъ за извѣстіемъ, что Заметаевъ пойманъ, Суворовъ спрашивалъ объ немъ Цыплетева: «настоящая ли его фамилія Заметаевъ, или онъ имѣетъ другое прозвище? отчего сначала возросли его злыя предпріятія? въ какомъ числѣ была его шайка? въ какихъ мѣстахъ и какія производилъ злодѣянія и какое употреблялъ оружіе? имѣлъ ли при своей партіи пушку? изъ какихъ людей состояла его шайка, и кто онъ самъ? куда имѣлъ онъ намѣреніе обратиться?» Суворовъ, сверхъ того, велѣлъ узнать и «проникнуть»: 30 апрѣля былъ ли Заметаевъ и съ кѣмъ именно у Каспійскаго моря на Шестовомъ бугрѣ? взялъ ли у питейнаго служителя, или цаловальника бочку вина въ 40 ведеръ и далъ ли ему собственноручную росписку? Онъ ли разбилъ высланную изъ Астрахани команду и убилъ офицера, гдѣ и когда? Какія имѣетъ примѣты? похожъ ли на то лицо, которое разыскивала астраханская губернская канцелярія? сколько ему лѣтъ и проч. Наконецъ, Суворовъ сдѣлалъ собственноручную приписку къ ордеру: *А паче ежелибъ возможно было развѣдать о его дальновидномъ политическомъ злонамѣреніи: ибо онъ оглашаемъ былъ во многихъ странахъ.*

На всѣ новые вопросы Заметаевъ отвѣчалъ прямо и коротко; повторяя то, что показалъ прежде, онъ



говорилъ, что шайка назвала его Заметаевымъ, и онъ принялъ это имя; что у него были пушки и ружья; двѣ чугунныя пушки онъ взялъ на Колпачкѣ, а на Эмбѣ съ расшивы взяты двѣ мѣдныя пушки. Порохъ и свинецъ также бралъ съ судовъ и по ватагамъ; на Дьяконовой ватагѣ приказалъ кузнецамъ наготовить жеребьевъ изъ тянутаго желѣза. Съ Пугиной ватаги взялъ три чугунныя полуфунтовыя пушки съ порохомъ и ядрами. Онъ говорилъ, что по минованіи надобности въ пушкахъ онъ возвращалъ ихъ хозяевамъ.

Суворовъ понялъ всю силу популярности Заметаева и боялся обмануться. Онъ имѣлъ два показанія о примѣтахъ разбойника и хотѣлъ знать, какія примѣты больше подходятъ къ наружности атамана, дѣйстви-тельно ли эсаулъ его остался на Каспійскомъ морѣ.

Заметаевъ навелъ на всѣхъ такой страхъ, что для конвоированія его изъ Царицына въ Астрахань присланъ былъ цѣлый деташементъ вмѣстѣ съ маіоромъ Соловьевымъ. Но Цыплетевъ боялся отпустить отъ себя разбойниковъ и не отдалъ ихъ Соловьеву, а ждалъ приказаній отъ графа Панина, Суворова и губернатора Кречетникова, который въ то время находился въ Москвѣ. Узнавъ, что Заметаева хотѣли отдать Соловьеву, Кречетниковъ строго запретилъ отпускать его съ кѣмъ бы то ни было и писалъ, что если онъ уже и вывезенъ изъ Царицына, то непременно воротить съ дороги; доносчика, малороссіянина Ничипоренка, приказалъ освободить изъ-подъ караула.

Получивъ свободу и проходя въ тотъ же день базаромъ, Ничипоренко узналъ еще двухъ разбойниковъ



изъ шайки Заметаева и своими руками привелъ на гауптвахту. Когда ихъ свели съ атаманомъ глазъ на глазъ, они не могли заператься и сознались во всемъ. Это были тѣ изъ разбойниковъ, которые отстали отъ Заметаева на кумской степи.

3 сентября состоялся въ сенатѣ указъ, которымъ опредѣлялось наказаніе Заметаева съ товарищами. Наказаніе было ужасное: такъ какъ театромъ дѣйствій Заметаева было все нижнее поволжье отъ Саратова до моря и самое море, то разбойниковъ велѣно было бить жестоко кнутомъ повсемѣстно, т. е. на всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, куда только могла проникнуть слава Заметаева, и заходила его шайка, и, поставивъ на лицѣ позорные знаки, сослать въ Нерчинскъ на каторгу въ вѣчную работу.

19 сентября, въ Царицынѣ, на той площади, гдѣ, вѣроятно, часто слышалось въ устахъ народа громкое и страшное имя Заметаева, этотъ народъ видѣлъ Заметаева на кобылѣ, избитаго и опозореннаго; атаману дали 70 ударовъ кнутомъ, его товарищамъ по 50.

29 сентября, Заметаевъ выѣхалъ изъ Царицына по саратовской дорогѣ. Его сопровождали секундъ-майоръ фонъ-Гревсъ, десять баталіонныхъ солдатъ съ унтеръ-офицеромъ и полсотни конныхъ линейныхъ казаковъ съ старшиною, всѣ вооруженные, «для безопаснаго предостереженія онаго гнуснаго злодѣя, что объ немъ прежде еще во многихъ мѣстахъ въ народѣ наполнился слухъ и будто какого чудовища ожидали». Разбойники посажены были на подводы, всѣ закованные въ ручныя и ножныя кандалы; рядомъ съ ними



ѣхали, на подводахъ же, конвойные солдаты, а весь поѣздъ замыкался со всѣхъ сторонъ цѣпью линейныхъ казаковъ. Народъ смотрѣлъ на этотъ таинственный поѣздъ и не могъ не только видѣть, но не смѣлъ и спрашивать, кого везутъ подъ такимъ тщательнымъ прикрытіемъ, хотя, быть можетъ, догадывался, что везутъ Заметаева. Сами конвойные не смѣли говорить народу, что за люди сидятъ въ телѣгахъ: имъ запрещено было даже произносить имя Заметаева. По ночамъ, когда поѣздъ останавливался въ полѣ для ночлега, разбойниковъ клали въ одно мѣсто, а вокругъ нихъ ставили два «притина» изъ баталіонныхъ солдатъ и три казачьихъ; прочій конвой окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ, образуя родъ укрѣпленнаго лагеря. Когда ненастье заставляло останавливаться въ квартирѣ, изъ дому высылали хозяевъ, чтобъ тѣ не знали и не догадывались, кто у нихъ находится. Въ Дубовкѣ конвой смѣнился, и, вмѣсто линейныхъ казаковъ, Заметаева конвоировали казаки волжскіе. При смѣнѣ стараго конвоя, новый собирался заблаговременно, въ отдаленіи отъ разбойниковъ, и, когда приближался къ подводамъ, на которыхъ сидѣли преступники, старый конвой въ ту же минуту удалялся, не говоря ни слова, такъ что самые конвойные не знали, кого сопровождаютъ. Начальникъ конвоя отвѣчалъ смертью за цѣлость ввѣренныхъ ему арестантовъ. 29 сентября, Заметаевъ вѣхалъ въ Дмитріевскъ, а 30, рано утромъ, выѣхалъ оттуда въ сопровожденіи тридцати пяти вооруженныхъ казаковъ, да двадцати вооруженныхъ же конныхъ обывателей. Потомъ Заметаевъ и его товарищи



привезены были на площадь города Саратова. Опять послѣдовала та же казнь кнутомъ, какую испытали преступники въ Царицынѣ: при наказаніи присутствовалъ знаменитый комендантъ Бошнякъ, преимущественно защищавшій Саратовъ отъ Пугачова. Народъ также видѣлъ наказаніе того, чье имя разнесено было имъ же по всей Россіи.

8 октября, Заметаевъ, уже два раза наказанный кнутомъ, выѣхалъ обратно въ Царицынъ. 24 октября его вывезли изъ Царицына въ Астрахань, чтобы вновь наказывать кнутомъ въ Астрахани и по всему взморью, по всѣмъ ватагамъ, куда проникала косная лодка Заметаева. Но въ другой разъ онъ выѣхалъ изъ Царицына уже не съ такимъ огромнымъ конвоемъ, какъ въ первый выѣздъ: вмѣсто пятидесяти казаковъ, его сопровождали теперь только пятнадцать человѣкъ; двукратное наказаніе кнутомъ, трудные переѣзды въ ненастное осеннее время обезсилили Заметаева. Онъ уже не такъ былъ страшенъ. Опасались только, чтобъ его не отняли на дорогѣ, а потому и больного его оберегали по-прежнему. Умершихъ въ дорогѣ разбойниковъ велѣно было зарывать въ землю, а Заметаева и мертвого должны были возить по мѣстамъ, гдѣ грабилъ онъ, и наказывать.

Неизвѣстно только, выдержалъ ли онъ всѣ тѣ наказанія, которыя ему назначались. Можетъ быть, долго еще трупъ его возили по взморью. Быть можетъ, не довелось уже везти его въ Нерчинскъ и класть на лицѣ знакъ <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Народъ, забывшій Суворова, и теперь помнитъ Заметаева. Въ поволжѣ рассказываютъ о немъ довольно фантастическія исторіи.



### **Атаманъ Филиповъ и разбойникъ Сучковъ.**

Люди, принимавшіе на себя имя императора Петра III, были всѣ изъ солдатъ, казаковъ и рекрутъ: самозванецъ Кремневъ былъ солдатъ, Богомолловъ — казакъ легионной команды, Пугачовъ — донской казачій офицеръ, Ханинъ — отставной казакъ; точно также всѣ разбойничьи атаманы, предводители шакъ, большая часть эсауловъ и разбойниковъ были солдаты, военные дезертеры и молодые рекруты: знаменитый Заметаевъ былъ дезертеръ, Жеребцовъ (эсауль Заметаева), атаманъ Кулага, его товарищи: Тарабаринъ, Шумниковъ и Васильевъ, Брагинъ и Зубакинъ, — также бѣжавшіе изъ войска; Сучковъ, Хохловъ, Данилинъ, Збойковъ, Иванъ Рыжій и много другихъ, о которыхъ мы будемъ говорить, также всѣ военные бѣглецы. Атаманъ Наумъ Филиповъ <sup>1)</sup>, о которомъ идетъ теперь рѣчь, родился въ крестьянскомъ семействѣ, Самарскаго

---

<sup>1)</sup> Дѣло о разбойникѣ Степанѣ Сучковѣ съ товарищи. 1775. Цар. Арх. № 323.



уѣзда, въ селѣ Марѣвашѣ, въ имѣніи графа Девіера. Въ 1756 году онъ былъ отданъ въ рекруты, въ тегинскій пѣхотный полкъ, а изъ него перечисленъ въ томскій, который въ 1770 году былъ назначенъ въ Грузію. Когда томскій полкъ выступилъ изъ Царицына по кизлярской дорогѣ, Филиповъ бѣжалъ. Такъ и Кулага оставался въ полку лѣтъ четырнадцать или пятнадцать, но потомъ, какъ и Филиповъ, рѣшился искать счастья въ бродячей жизни поволжскаго разбойника. Филиповъ прежде всего пробрался на Донъ, въ самый центръ бурлацкихъ притоновъ, гдѣ атаманы, при нуждѣ, могли собирать до ста добрыхъ молодцовъ, именно въ Качалинскую станицу, гдѣ уже въ то время имѣлъ свой станъ атаманъ Ивановъ съ шайкою. Но Филиповъ не вступилъ въ шайку Иванова, а нанялся къ одному казаку-промышленнику въ рабочіе и съ качалинской пристани уплылъ на плотъ своего хозяина внизъ по Дону, потому что плотъ слѣдовалъ въ Черкасскъ. Плаванье по Дону и бурлацкія обязанности, вѣроятно, не понравились Филипову, и онъ, не доѣзжая до Кочетовской станицы, притворился тяжело больнымъ. Ему выдали заработанныя деньги и ссадили на берегъ. Съ рублемъ мѣди въ карманѣ мнимый больной пришелъ въ Кочетовскую станицу, поселился въ кабацкѣ и дня два пилъ «на оныя деньги» зелено вино; кабацкая жизнь свела его съ кочетовскимъ казакомъ Топорковымъ, которому Филиповъ признался, что бѣжалъ изъ вотчины, и былъ нанятъ Топорковымъ въ работники, съ платою по семи рублей въ годъ и съ хозяйской одеждой. Топорковъ взялъ Филипова на свой



хуторъ, стоящій на Донцѣ верстахъ въ шести отъ Кочетовской станицы, и держалъ его два года, но потомъ, по признанію самого Филипова, Топорковъ выслалъ его изъ своего хутора, сказавъ: «мнѣ тебя уже болѣе держать не можно». Филиповъ рѣшился выйти на Волгу поискать счастья въ вольномъ поволжѣ и пошелъ вверхъ рѣкой Дономъ и Медвѣдицей. Черезъ нѣсколько времени онъ былъ уже въ селѣ Руднѣ, Шацкого уѣзда, на рѣкѣ Терсѣ, впадающей въ Медвѣдицу; тамъ встрѣтился съ знакомымъ солдатомъ Иваномъ Кирпишниковымъ, который вмѣстѣ съ нимъ былъ отданъ въ рекруты; узнавъ, что Кирпишниковъ, подобно ему, бѣжалъ изъ арміи и живетъ у руднинскаго малороссіянина Лифарева, Филиповъ просилъ познакомить его съ Лифаревымъ, который и послалъ ихъ обоихъ на свой хуторъ на рѣчку Щелканъ, гдѣ бѣглецы и прожили два года, въ качествѣ работниковъ. Но потомъ и Лифаревъ, сказавъ имъ: «вы уже мнѣ болѣе не надобны», — отослалъ отъ себя, вѣроятно, боясь попасться съ ними въ подъяческія руки, потому что это былъ уже 1774 годъ, когда противъ партій Пугачова и противъ всякихъ «невѣдомыхъ» людей принимались предосторожности. Филиповъ и Кирпишниковъ прошли за Волгу и противъ самаго Камышина нанялись на казенный перевозъ въ работники, гдѣ и оставались до самаго прихода въ Камышинъ Пугачова.

У Пугачова, во время слѣдованія его изъ Казани къ низовымъ городамъ, отправлены были Волгою цѣлыя караваны судовъ съ съѣстными припасами, казной, награбленными товарами и тяжелой артиллеріей; на



этотъ флотъ самозванца поступили и Филиповъ съ Кирпишниковымъ. Во время слѣдованія флотиліи мимо Дубовки, Кирпишниковъ высадился на берегъ и вмѣстѣ съ другими принадлежавшими къ войску Пугачова поступилъ въ конницу этого самозванца, а Филиповъ остался на одномъ изъ судовъ и продолжалъ плыть къ Царицыну. Верстъ за пять до этого города, судно, на которомъ находился Филиповъ, пристало къ Денежному острову, но было атаковано, съ сухаго пути, высланнымъ изъ Царицына военнымъ отрядомъ. Такъ какъ Денежный островъ былъ недалеко отъ берега, то судно не могло спастись отъ атакующаго отряда и при-  
нуждено было сдаться; однако, Филиповъ счастливо избѣжалъ плѣна. Когда съ берега сдѣлано было нападеніе, Филиповъ и съ нимъ человѣкъ пятнадцать изъ находившихся на суднѣ соумышленниковъ Пугачова сѣли въ лодку, находившуюся при суднѣ, и бѣжали отъ отряда вверхъ по Волгѣ <sup>1)</sup>. Они доплыли такимъ образомъ до Караваинской станицы, оставили свою лодку въ безопасномъ мѣстѣ и пошли въ станицу.

Всѣмъ извѣстно, что вскорѣ послѣ того Пугачовъ былъ разбитъ Михельсономъ, и волжская флотилія самозванца уничтожена. Спасшіяся отъ войскъ Михельсона и Суворова толпы пугачовскаго ополченія разбрелись по всей Россіи. Съ ними исчезаетъ изъ виду

---

<sup>1)</sup> «Не доплывъ онаго (Царицына) верстъ съ пять (говорилъ послѣ Филиповъ на допросѣ), пристали къ Денежному острову, гдѣ высланною изъ Царицына воинскою командою оное судно съ сухова пути было атаковано; тогда мы испужавшись онаго, сѣвъ въ имѣющуюся при томъ суднѣ лодку человѣкъ до 15-ти, избѣгая себѣ поимки и наказанія, поѣхали вверхъ по рѣкѣ Волгѣ».



и товарищъ Филипова Кирпишниковъ. Между тѣмъ Филиповъ, съ пятнадцатью бѣглецами, изъ Караваинской станицы прошелъ на хуторъ казака Морозова, гдѣ надѣялся встрѣтить радушный пріемъ, потому что одинъ изъ его партіи, малороссіянинъ Власъ Якимовъ, жилъ прежде у Морозова и женатъ былъ на его крѣпостной дѣвкѣ. Морозовъ, дѣйствительно, позволилъ имъ переночевать у себя, хотя зналъ, что они бѣжали изъ пугачовскаго ополченія, и взялъ за это отъ бѣглецовъ нѣсколько дорогихъ подарковъ <sup>1)</sup>. Утромъ вся партія разошлась въ разныя стороны, а на хуторѣ остались только Филиповъ, Хохловъ, Сучковъ, о которыхъ будетъ сказано послѣ, и Власъ Якимовъ. Скоро Филиповъ свелъ короткое, сердечное знакомство, или, какъ самъ выражался, — «спознался» съ сестрою волжскаго старшины Ощепкина, Ириною, которая жила на морозовомъ хуторѣ, и передалъ ей на сохраненіе часть своего добра <sup>2)</sup>. Дня черезъ четыре бѣглецы встрѣтили на хуторѣ караваинскаго казака, по фамиліи Вдовина, котораго зналъ Хохловъ, и этотъ послѣдній спросилъ у него:

— Не можно ли намъ въ станицѣ у тебя въ домѣ сколько-нибудь пожить?

Бѣглецы имѣли свои виды переселиться ближе къ

---

<sup>1)</sup> «Отъ насъ съ Васильемъ Хохловымъ (слова Филипова) отобралъ платковъ *талянскихъ* разныхъ цвѣтовъ пять, цѣной каждой по 3 рубли, да отъ пришедшаго съ нами одново бурлака взялъ тогда жъ сукна алова тонкова шесть аршинъ.»

<sup>2)</sup> .... «рубашки двѣ — александрійской пестреды, и изъ нихъ одна съ золотымъ позументомъ, третья отласная травчетая, съ золотомъ же, всего по цѣнѣ болѣе 20-ти рублей.»



Волгѣ, ибо жизнь на хуторѣ у Морозова не представляла имъ никакихъ особенныхъ выгодъ, между тѣмъ какъ Волга являлась широкимъ полемъ для ихъ дѣятельности.

— Тебя вся станица знаетъ, сказалъ Вдовинъ Хохлову: — то и Филипову по тебѣ въ ней жить можно.

Бродяги отправились въ станицу и жили у казака Вдовина съ недѣлю. Послѣ этого хозяинъ велѣлъ имъ идти къ станичному атаману и къ старшинамъ и у нихъ просить позволенія на житье въ станицѣ. Филиповъ и Хохловъ явились къ атаману, которымъ въ то время былъ нѣкто Кузнецовъ, и на этотъ разъ застали у него старшинъ Бирюлькина и Ощепкина, брата Ирины, съ которой Филиповъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. По обычаю того времени, когда власти и мѣстные чины не имѣли кабинетовъ, въ которыхъ бы они могли принимать просителей для «секретныхъ» объясненій, Филиповъ вызвалъ атамана попросту въ сѣни и, «поклонясь» начальнику станицы пятью рублями, просилъ его дозволить имъ съ Хохловымъ прожить зиму въ ихъ станицѣ. Атаманъ, получивъ взятку и вспомнивъ о своихъ гостяхъ, которые также участвовали въ управленіи станицею, сказалъ Филипову:

— Надо поклониться и старшинамъ.

Филиповъ вошелъ въ покой атаманской и предписаннымъ старшинамъ на первый случай далъ по полтиннику.

— Живите до лѣта въ станицѣ, сказали стар-



шины: — и есть-ли вы будете до насъ добры, то и мы васъ не оставимъ <sup>1)</sup>.

Послѣ того Филиповъ уже ходилъ на домъ къ старшинамъ «для благодаренія» и далъ каждому изъ нихъ «по четыре рубли съ полтиною». Болѣе недѣли они снова прожили у Вдовина, какъ попечительный атаманъ опять призвалъ ихъ къ себѣ и говорилъ:

— Что вы живете у бѣднаго человѣка? Вамъ лучше, хотя и заплатить за постой, жить у исправнаго казака; а у него вамъ ни пить, ни ѣсть нечего.

Съ такимъ отеческимъ попеченіемъ заботились тогдашнія власти о бѣдныхъ бродягахъ. Дѣйствительно, Филиповъ и Хохловъ перешли на квартиру къ казаку Рябцову, у котораго и жили до самой весны.

Но въ продолженіе зимы Филиповъ не сидѣлъ, сложа руки. Онъ замышлялъ сдѣлаться атаманомъ и сталъ искать охотниковъ, «чтобы лѣтомъ, какъ самъ выражался, прибравъ партію, начать разбой». Начались между бродягами и сходки, и совѣщанья, — избраніе атамана, эсаула, хлопоты о пріобрѣтеніи лодокъ, оружія, пороху, точь-въ-точь какъ въ пѣснѣ, которая и теперь иногда раздается по Волгѣ:

Не черные вороны солетались,  
Собирались понизовые бурлаки,  
Они думали крѣпкую думушку заедино.  
Ахъ, состроимъ мы, ребятушки, гребной стружокъ,  
И подѣлаемъ заключенки кленовыя,  
Понавѣсимъ мы веселочки ветловыя, —  
Что мы грянемъ, ребятушки, внизъ по Волгѣ.

---

<sup>1)</sup> Подлинныя слова, взятые изъ допросовъ.



Филиповъ, какъ мы выше замѣтили, имѣлъ при себѣ неотлучно другаго бродягу, Хохлова. Василій Хохловъ былъ землякъ и односелецъ Филипова. Онъ также былъ крестьянинъ графа Девіера, въ 1770 году взятъ въ рекруты, а черезъ четыре недѣли бѣжалъ. Изъ Симбирска онъ прошелъ черезъ Саратовъ и направился во вновь поселяемыя нѣмецкія колоніи, гдѣ, какъ онъ слышалъ, нуждались въ рабочихъ для стройки домовъ и охотно принимали всѣхъ пришельцевъ, не спрашивая, кто они и откуда. Хохловъ перебрался за Волгу, въ луговую сторону, и, явившись въ колонокъ Кустаревъ, что выше села Золотаго, нанялся къ одному подрядчику въ работники. Тамъ онъ работалъ до самой осени, а послѣ Покрова дня съѣхалъ въ Камышинъ, нанялся на соляную пристань и скоро свелъ знакомство съ однимъ изъ волжскихъ казаковъ, которые своимъ свободолюбивымъ духомъ, склонностью къ смутамъ и исканью казацкой воли, ничѣмъ не отличались отъ яицкихъ и донскихъ, какъ будто для нихъ не существовало ста лѣтъ, лежавшихъ между временемъ царя Алексѣя Михайловича и тѣмъ, въ которое они жили. «У насъ живутъ вашей братьи много: поѣдемъ со мною и у меня жить будешь», сказалъ Хохлову казакъ Мухинъ въ отвѣтъ на сѣтованья его, что вотъ приходитъ зима, а ему, бѣглецу, жить негдѣ и негдѣ достать работы для пропитанія. Хохловъ принялъ предложеніе Мухина, и они отправились въ Караваинскую станицу, гдѣ Хохловъ и оставался до лѣта 1772 года, когда часть волжскихъ казаковъ должна была выступить въ Моздокъ. Съ ними вмѣстѣ вышелъ



изъ станицы и Мухинъ, оставивъ Хохлова на произволъ судьбы. И съ тѣхъ поръ началъ Хохловъ переходить со двора на дворъ, сказываясь то «осиротѣвшимъ крестьяниномъ», то бродягой, не помнящимъ роду-племени; онъ жилъ и у Морозова, и у Доношанкина или Лихоманкина, и у вдовы Маланьи Васильевой, по прозванію дворянши, и у казака Защепина, у котораго дѣлалъ телѣги, для отправленія въ Моздокъ, и, наконецъ, у казака Гурова. Такъ онъ промаялся до 1774 года, а въ этомъ году опять побрелъ въ Камышинъ работать на соляной пристани, гдѣ и оставался «до приходу злодѣйской Пугачова толпы». Съ пристани онъ взятъ былъ въ пугачовскую флотилію вмѣстѣ съ землякомъ Филиповымъ и съ тѣхъ поръ не разлучался съ нимъ. Когда Филиповъ сталъ формировать свою шайку, Хохловъ первый пошелъ къ нему въ товарищи. Вмѣстѣ съ Хохловымъ онъ пригласилъ бѣглаго драгуна Кондакова, шатавшагося въ окрестностяхъ Караваинской станицы. Кромѣ того, въ шайку Филипова поступилъ и Степанъ Сучковъ, такой же дезертеръ, какъ и всѣ прочіе товарищи атамана. Сучковъ прежде служилъ въ 22-й легкой полевой командѣ, которая, во время осады Пугачовымъ Оренбурга, находилась въ яицкой крѣпости. Генераль-маіоръ Мансуровъ, находившійся тогда съ войскомъ въ Яикѣ, не имѣя возможности сноситься съ осажденнымъ Оренбургомъ, потому что всѣ дороги были заняты толпами пугачовскаго ополченія, отправилъ съ депешей къ оренбургскому губернатору Рейнсдорпу этого Сучкова вмѣстѣ съ другимъ солдатомъ, чтобъ они тайно пробрались



сквозь армію Пугачова и доставили Рейнсдорпу необходимыя свѣдѣнія. Но недалеко отъ рѣки Илека они были пойманы пугачовскими сыщиками (а можетъ быть, и сами бѣжали — неизвѣстно) и приведены въ лагерь Пугачова; депеша у нихъ была взята, а сами они поверстаны въ войско самозванца. Черезъ мѣсяць Сучковъ бѣжалъ отъ Пугачова, пришелъ опять въ яицкую крѣпость; но, боясь наказанія за утрату депеши, снова бѣжалъ и пробрался черезъ Иргизъ и Малыковку (нынѣ городъ Волгскъ) въ Саратовъ. Здѣсь онъ жилъ работою до самаго прихода Пугачова въ Саратовъ, то-есть до 6-го августа 1774 года, нанимаясь къ разнымъ лицамъ поденно, а ночи проводя на берегу Волги, въ порожнихъ судахъ. По взятіи Пугачовымъ Саратова, Сучковъ поступилъ на флотилію самозванца и слѣдовалъ на судахъ внизъ по Волгѣ до Денежнаго острова, откуда и бѣжалъ съ Филиповымъ, когда ихъ судно было атаковано отрядомъ войскъ правительства. Зиму онъ проживалъ то у казака Морозова на хуторѣ, то на мельницѣ, жилъ и въ станицѣ у старшины Ощепкина, потому что, пока у него были деньги, его вездѣ охотно держали; потомъ вмѣстѣ съ малоросіяниномъ Якимовымъ онъ поселился въ землянкѣ, у какого-то безрукаго старика, и жилъ уже у него тайно, не показываясь въ станицѣ, а иногда только совѣтуясь съ Филиповымъ относительно предстоящихъ разбоевъ.

Итакъ, мы видимъ, первыми товарищами Филипова были все люди военные. О другихъ мы не говоримъ. Въ приготовленіяхъ и сходкахъ прошла зима, а съ наступленіемъ весны, на праздникъ пасхи, Фи-



липовъ, Хохловъ и Кондаковъ отправились къ Морозову на хуторъ, въ гости къ пріятельницѣ Филипова Иринѣ Ощепкиной. Время было такое, что пора бы и на Волгу: ледъ на рѣкѣ прошелъ, товарищи готовы, суда начали показываться на Волгѣ и спокойно проходили мимо станицы. По дорогѣ къ хутору Филипову съ товарищами повстрѣчалась партія прохожихъ, въ числѣ семи человѣкъ, такіе же, какъ и они, бродяги, которые, проживъ зиму по разнымъ казацкимъ хуторамъ на Дону, шли теперь промыслять на Волгу. Филиповъ пригласилъ и ихъ въ свою шайку, съ тѣмъ чтобы тотчасъ послѣ пасхи съѣхаться гдѣ-нибудь на берегу Волги и немедля начать разбои. Ниже Караваинской станицы находился пустой форпостъ оставленный, вѣроятно, во время нашествія Пугачова. Не смотря на то, что форпостъ не имѣлъ ни пушекъ, ни прочнаго укрѣпленія, разбойникамъ онъ представлялъ удобное мѣсто для стана, потому что въ форпостѣ они могли найти ночлегъ въ оставленныхъ казаками землянкахъ и, въ случаѣ нападенія, могли защищаться. Положено было всѣмъ съѣхаться на этомъ форпостѣ и потомъ уже, по общему согласію, приступить къ обдуманнѣмъ дѣйствіямъ. Последняя партія, въ числѣ семи человѣкъ, отправилась по направленію къ Сестрянскимъ хуторамъ, откуда она должна была выйти на Волгу, а Филиповъ съ товарищами, переночевавъ у Морозова на мельницѣ, на другой день опять прибылъ въ станицу.

Въ пятницу пасхальной недѣли Филиповъ вывелъ, наконецъ, на Волгу свою маленькую партію. Недалеко отъ станицы они нашли свою лодку, спрятанную въ



ерикѣ еще въ прошломъ году, въ то время, когда они спасались отъ царицынскаго отряда, преслѣдовавшаго ихъ судно; въ буеракѣ они отыскали свое ружье, спрятанное вмѣстѣ съ лодкой, пистолетъ, пику, свинецъ и порохъ. Около форпоста они взяли въ свою шайку еще двухъ человѣкъ, бѣглыхъ же, бродившихъ всю зиму по окрестностямъ, а теперь занимавшихся рыбною ловлею. Три дня провела шайка на форпостѣ, въ пустой землянкѣ, выжидая другую партію, которая должна была пріѣхать сверху. Между тѣмъ эта другая партія, не дожидаясь распоряженій атамана, начала свои воровскіе подвиги, потому что ей представился удобный случай.

Зимой 1775 года командированъ былъ изъ Царицына въ Москву, «для препровожденія въ придворную ея императорскаго величества контору рыбы и икры», солдатъ Степановъ. Исполнивъ порученіе, Степановъ возвращался въ Царицынъ и сначала, до Нижняго, слѣдовалъ сухимъ путемъ, а изъ Нижняго пересѣлъ въ ловецкую лодку и плылъ Волгою; поѣздъ, сопровождавшій его состоялъ изъ шести такихъ лодокъ и на каждой изъ нихъ были рабочіе люди. Въ апрѣлѣ онъ вѣзжалъ уже въ земли волжскаго войска и, проѣхавъ Антиповскую станицу, приближался къ Караваинской. Не доѣзжая семи верстъ до Караваинокъ, поѣздъ замѣтилъ разбойничью лодку, которая, показавшись съ луговой стороны, быстро неслась по направленію къ этому маленькому каравану, сопровождавшему Степанова. Разбойники грозили и кричали, чтобъ поѣздъ присталъ къ берегу. Ловцы, ѣхавшіе съ Степановымъ, оробѣли. Степановъ ободрялъ ихъ, говорилъ, что они



должны защищаться, требовалъ сдѣлать отпоръ разбойникамъ, но напрасно: «видя обыкновенною ихъ трусостию наполненныхъ, принужденъ былъ тогда повиноваться строгому разбойническому приказанію». Поѣздъ присталъ къ берегу. Разбойники бросились на свои жертвы и всѣхъ ловцовъ обообрали «тиранскимъ образомъ, такъ что не оставили не точію чего на пропитаніе, но и послѣднія рубашки съ нихъ сняли». Степановъ вздумалъ было защищаться; но разбойники, «бивъ его смоленнымъ толстымъ пенковымъ линкомъ немилосердно, сняли съ него казенный кафтанъ и штаны съ пуговицами да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули» и оставили несчастнаго въ одномъ только казенномъ камзолѣ <sup>1)</sup>. Разбойники отобрали у Степанова деньги, товаръ, закупленный имъ въ Нижнемъ, тонкія кружева, множество холстовъ и нитокъ. Обообранныя лодки остались съ раздѣтыми до-нага ловцами.

Разбойники, ограбившіе поѣздъ Степанова, принадлежали къ шайкѣ атамана Филипова: это была та партія, которая направилась къ Сестрянскимъ хуторамъ, и которую Филиповъ ждалъ къ себѣ на форпостъ въ воскресенье Өоминой недѣли.

Несчастный поѣздъ ловцовъ, съ голыми рабочими и съ начальникомъ, прикрытымъ однимъ только кам-

---

<sup>1)</sup> Въ другомъ мѣстѣ говорится, что разбойники «всѣхъ ихъ обрали, не оставя и для прикрытія наготы платья; а какъ онъ, Степановъ, имъ было попротивился, за что претерпѣлъ нѣсколько ударовъ толстымъ канатнымъ отрывкомъ, и снявъ съ него казенные кафтанъ и штаны съ пуговицами, да и послѣдней рубашки и сапоговъ на немъ не покинули».



золомъ, въ такомъ жалкомъ видѣ долженъ былъ ѣхать до самой Караваинской станицы, вышелъ на берегъ и въ такомъ же странномъ костюмѣ явился въ станицу. Степановъ тотчасъ отправился къ станичному атаману и, объявивъ ему и старикамъ о постигшемъ его несчастіи, просилъ помощи и команды для розыска разбойниковъ. Атаманъ, какъ послѣ объявлялъ Степановъ, «съ холодностію» <sup>1)</sup> отвѣчалъ ему:

— Поѣзжай! А команда для сыску разбойниковъ послана будетъ.

Холодность и грубость станичнаго атамана показались Степанову подозрительными; онъ заключилъ изъ нихъ, что отношенія самого атамана къ разбойникамъ были нечисты, что онъ зналъ, какая партія теперь буйствуетъ на Волгѣ и что дѣло это можетъ разыгаться столько же дурно для атамана разбойниковъ, сколько и для него, атамана станичнаго. Получивъ отказъ, Степановъ долженъ былъ опять ѣхать одинъ съ своими ограбленными и робкими ловцами, не имѣя съ собой не только оружія, но даже пищи и одежды. Но едва они отъѣхали отъ станицы верстъ шесть и пристали къ ловецкому стану отогрѣть свое, почти ничѣмъ не прикрытое тѣло, какъ ловцы, бывшіе на этомъ стану, сказали имъ, что разбойники, ограбившіе Степанова, заѣзжали къ нимъ на станъ и, взявъ у нихъ рыбу и хлѣбъ, хвастались своимъ разбоемъ и грозили непременно убить Степанова.

— «Напрасно мы солдата отпустили, не бросили

---

<sup>1)</sup> Въ другомъ объявленіи — «съ грубостію».



въ воду, говорили они:— ежели еще попадется къ намъ въ руки, то смерти не минуетъ... Всячески старатца будемъ, въ проѣздъ его изъ Караваинской станицы поймавъ умертвить.»

Эта фраза не могла не испугать Степанова, у котораго еще были въ свѣжей памяти «немилосердные» удары линьковъ, и потому онъ упросилъ своихъ ловцовъ тотчасъ же возвратиться въ Караваинскую станицу. Но едва они успѣли отъѣхать съ версту отъ рыболовнаго стана, какъ съ обѣихъ сторонъ Волги показались бѣгущія на нихъ разбойническія лодки, съ явнымъ намѣреніемъ исполнить угрозу. Къ счастью Степанова, попутный низовый вѣтеръ ударилъ въ поднятые паруса; лодки понеслись быстро, такъ что разбойники, не имѣя парусовъ, отстали и принуждены были прекратить погоню. Степановъ спасся въ станицѣ. Тамъ онъ опять обратился за помощью къ станичному атаману, снова просилъ дать отрядъ казаковъ для преслѣдованія разбойниковъ; но снова получилъ отказъ. На всѣ просьбы Степанова атаманъ отвѣчалъ «съ большою азартностію»:

— Я не имѣю отъ войска граматы для сыску воровъ... одна команда уже послана, а другой не дамъ.

Изъ словъ атамана видно, что даже для пресѣченія преступленій нужна была особая войсковая грамата, а потому понятно, въ какомъ положеніи находилась страна.

Отвѣтъ атамана возмутилъ находившагося тамъ отставнаго капрала легіонной казачьей команды Серебрякова, и онъ сталъ упрекать атамана, говоря:



— Ты не стараешься сыскивать воровъ и дѣлаешь тѣмъ потачку.

На это атаманъ отвѣчалъ:

— Если ты старателенъ, то поѣзжай самъ, — а я команды не даю: — команда отъ меня послана для сыску воровъ по рѣкѣ Волгѣ.

Тогда Серебряковъ, пригласивъ своего брата и нѣсколько другихъ казаковъ изъ станицы, а вмѣстѣ съ нимъ Степановъ и ловцы, сѣвъ на лодки, отправились на поиски. Скоро они встрѣтили станичные разъѣзды, посланные атаманомъ вверхъ по Волгѣ, подъ начальствомъ эсаула. Серебряковъ упрекалъ эсаула въ послабленіи разбойникамъ:

— Ты не стараешься поймать воровъ...

Упрекъ былъ справедливъ, какъ оказалось впослѣдствіи.

— Видѣлъ ли ты разбойниковъ? спрашивалъ Серебряковъ.

— Нѣтъ, не видалъ; а нашелъ только за Волгой огни, у которыхъ, видно, они стояли.

Серебряковъ, Степановъ и ловцы соединились съ отрядомъ эсаула и всей массой отправились внизъ по Волгѣ. Не доѣзжая до пустаго форпоста, гдѣ былъ разбойничій станъ, высылка замѣтила лежащаго на берегу человѣка, а потому нѣкоторые изъ отряда, выскочивъ изъ лодокъ, схватили его прежде, чѣмъ онъ успѣлъ убѣжать. На допросы Степанова пойманный сначала говорилъ, что онъ бродяга, шатавшійся всю зиму около Караваинской станицы, а теперь вышелъ на Волгу кормиться; но когда капралъ Серебряковъ уличилъ бро-



дягу, сказавъ, что видѣлъ его прежде въ Караваинской станицѣ, что зналъ его, какъ бѣглеца, служившаго подъ знаменами Пугачова и, по взятіи судна у Денежнаго острова, скрывшагося въ станицѣ, — пойманный отвѣчалъ, что онъ дѣйствительно бѣжалъ изъ арміи Пугачова, когда она была разбита, потомъ жилъ въ Караваинкахъ и, согласившись съ товарищами производить на Волгѣ разбои, поступилъ въ шайку Филипова. Съ помощью угрозъ Степановъ узналъ отъ него, что онъ оставленъ былъ на берегу въ качествѣ караульнаго для наблюденія за проѣздомъ по Волгѣ судовъ и, въ особенности, для извѣщенія своей шайки о проѣздѣ Степанова, въ случаѣ если онъ покажется на Волгѣ. Пойманный говорилъ, что разбойники дѣйствительно согласились убить Степанова; а теперь одна партія находится на пустомъ форпостѣ, въ землянкѣ. Степановъ, Серебряковъ и станичный эсаулъ рѣшили взять разбойниковъ обманомъ, потому что, не смотря на множество лодокъ и людей, которыми они располагали, они не надѣялись поймать хитрыхъ воровъ: для этого они послали впереди себя одну лодку, «для выману тѣхъ разбойниковъ», а сами слѣдовали за нею въ отдаленіи, позади лѣсу, такъ что разбойники могли видѣть одну только беззащитную лодку. И точно, разбойники, увидѣвъ ее, бросились изъ форпоста къ своей лодкѣ, которая стояла у берега, но, замѣтивъ около лѣса множество другихъ лодокъ, бѣжали съ берега въ горы. Степановъ, Серебряковъ и ловцы бросились за ними и поймали четырехъ человѣкъ; но одинъ изъ разбойниковъ, за которымъ погнались казаки разбѣд-



ной команды, «по поноровкѣ» ихъ, успѣлъ убѣжать. Степановъ обвинялъ казаковъ въ стачкахъ съ разбойниками, говоря, что «казаки ловить ихъ ничего не старались, да и съ глазъ своихъ одного отпустили, и видно, что они дѣлали и всѣмъ имъ поноровку».

Какъ бы то ни было, но атаманъ, эсауль и нѣсколько другихъ разбойниковъ были пойманы, и Филиповъ обманулся въ своихъ надеждахъ: разбой его были для него не совсѣмъ счастливы: въ самомъ первомъ дѣлѣ онъ былъ пойманъ и уже не могъ рассчитывать на свободу. Разбойники признались Степанову, что атаманъ ихъ шайки — Филиповъ, а эсауломъ при немъ состоялъ пріятель его Хохловъ. Степанова удивило, что «бывшіе съ нимъ той (Караваинской) станицы казаки тѣхъ разбойниковъ, то-жъ и разбойники казаковъ называли, по знаемости, именами». Мы знаемъ напротивъ, что разбойники даже со станичными властями, — съ атаманомъ и старшинами были въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ. Пойманные разбойники говорили, что Степановъ ограбленъ не ими, а другою партіею изъ шайки Филипова, плывшею сверху Волги на сборное мѣсто, назначенное въ пустомъ форпостѣ; что послѣ та партія пріѣзжала къ атаману на станъ, перемѣнила свою лодку, чтобы не быть узнанною, и, взявъ хлѣба, рыбы и котелъ для приготовленія пищи, отъѣхала внизъ, за Балыклейскую станицу для того, чтобы караулить тамъ Степанова и убить его; атаманъ говорилъ, что та партія имѣетъ очень мало оружія — два ружья и одинъ дротикъ, «и ихъ-де, прибавлялъ Филиповъ, вамъ переловить легко



можно». Степановъ перевязалъ разбойниковъ веревками и разложилъ по ловецкимъ лодкамъ, чтобы отвезти ихъ прямо въ Царицынъ и сдать на руки военному начальству. Ему хотѣлось также воспользоваться указаніемъ атамана и неожиданно напасть на шайку, отѣхавшую за Балыклейскую станицу, чтобы тѣмъ и самому избавиться отъ опасности быть утопленнымъ, или зарѣзаннымъ, или застрѣленнымъ, или, наконецъ, повѣшаннымъ, какъ обѣщали разбойники. Степановъ просилъ станичнаго эсаула дать ему нѣсколько казаковъ изъ его отряда, потому что съ одними своими, далеко нехрабрыми ловцами, которые притомъ должны были караулить связанныхъ и разложенныхъ по лодкамъ разбойниковъ, онъ не отважился бы напасть на партію, которая уже однажды такъ варваски его ограбила и насмѣялась надъ нимъ. Но эсауль ему «съ серцовъ» въ томъ отказалъ, примолвя:

— Я своихъ казаковъ тебѣ не дамъ, — тѣ разбойники не въ нашихъ дачахъ.

При такомъ пониманіи мѣстными властями своихъ прямыхъ обязанностей, Степанову ничего не оставалось, какъ взять съ собой уже пойманныхъ разбойниковъ и продолжать свое опасное плаваніе; но эсауль приказалъ своимъ казакамъ отнять у него атамана Филипова съ товарищами, и когда Степановъ не соглашался уступить ему свою добычу, эсауль сказалъ:

— Мы и сами сумѣемъ переслать ихъ къ своей командѣ.

Потомъ приказалъ развязать разбойникамъ руки и ноги, крѣпко стянутыя веревками, и своими кушаками



велѣлъ перевязать имъ только руки «чрезмѣрно слабо». Степановъ принужденъ былъ ѣхать далѣе съ одними ловцами и рассчитывать на неизбежную смерть; но такъ какъ, по показанію атамана, разбойники стерегли Степанова верстахъ въ пяти или шести ниже Балыклейской станицы, то поѣздъ благополучно проплылъ все пространство Волги между Караваинками и Балыклейками, и вскорѣ Степановъ явился къ атаману этой послѣдней станицы; потерявъ все свое платье во время перваго разгрома поѣзда разбойниками, Степановъ принужденъ былъ снять кафтанъ съ одного изъ товарищей атамана Филипова, чтобы только самому одѣться. Въ Балыклейкахъ онъ не засталъ станичнаго атамана, но, объявивъ о происшествіи эсаулу, просилъ его о снаряженіи разъѣздной команды. Однако, и здѣсь пришлось ему услышать такой же отвѣтъ, какой не разъ приходилось выслушивать отъ властей Караваинской станицы.

— У насъ воровъ нѣтъ!... да и для сыску ихъ, чтобы посылать команды, не имѣется отъ войска грамоты, сказалъ станичный эсаулъ.

Вслѣдъ за Степановымъ пріѣхалъ изъ Караваинской станицы тотъ эсаулъ, съ которымъ они ловили разбойниковъ. Эсаулъ требовалъ, чтобы Степановъ возвратилъ ему снятый съ разбойника кафтанъ, что онъ не разбойничій, а казачій. Отдавъ требуемое, Степановъ, съ своей стороны, просилъ балыклейскаго эсаула посадить подъ караулъ эсаула Караваинской станицы, жалуюсь, что онъ отнялъ у него разбойниковъ, дѣлалъ имъ «облегченіе и поноровку», развязалъ



ихъ и даже отказалъ дать ему изъ своего отряда казаковъ для преслѣдованія покушавшихся на его жизнь разбойниковъ. Эсауль былъ посаженъ подъ арестъ. Степановъ просилъ держать его до присылки изъ станицы пойманныхъ имъ воровъ, но эсауль, неизвестно по какому поводу, былъ въ ту же ночь освобожденъ. Степановъ опять долженъ былъ ѣхать одинъ; но на этотъ разъ разбойники, вѣроятно, предупрежденные своими товарищами или мѣстными властями, очень къ нимъ ласковыми, не покушались уже на новое нападеніе. Проплывъ до Дубовки, Степановъ донесъ обо всемъ войсковому атаману, которымъ въ то время былъ полковникъ Василій Персидскій, уже нѣсколько извѣстный читателямъ по прежнимъ очеркамъ.

Наконецъ, Степановъ, въ концѣ апрѣля достигъ Царицына и 1-го мая подалъ во 2-й царицынскій баталіонъ къ баталіоннымъ дѣламъ объявленіе обо всемъ, происходившемъ въ дорогѣ. Объявленіе это сочинилъ ему сержантъ Ромашевъ, тотъ самый, который, три года тому назадъ, способствовалъ къ прекращенію въ донскихъ станицахъ возстанія, вспыхнувшего въ народѣ для спасенія мнимаго императора Петра III (Самозванца Богомолова). Степановъ, говоря о нападеніи на него «воровскихъ невѣдомыхъ людей», о преслѣдованіи ихъ съ помощью разъѣздной команды, объ открытіи «воровскихъ» становъ въ луговой и нагорной сторонахъ Волги, въ пустомъ форпостѣ, наконецъ, о поимкѣ «воровскаго» атамана, эсаула и другихъ разбойниковъ и подозрительныхъ дѣйствіяхъ начальниковъ волжскихъ станицъ и жалуюсь на нихъ,



прибавлялъ: «что я, видя такіе поводы, убоясь, чтобъ еще со мною не приключилось какой напасти, сѣвъ на ловецкія лодки, уѣхалъ въ путь».

Объявленіе Степанова требовало немедленнаго принятія мѣръ, тѣмъ болѣе, что со всѣхъ сторонъ получались письменныя извѣстія и ходили слухи, что все поволжье неспокойно, что нѣтъ ни проходу, ни проѣзду отъ воровскихъ шаяекъ. Но какъ ни казались важными эти событія, какъ ни безнадежно было положеніе страны, лучшаго не откуда было ждать, и, отъ кого зависѣло счастье обнищалыхъ и опустошенныхъ провинцій, тѣ равнодушно смотрѣли на то, что дѣлалось въ захо-лустьяхъ, а ближайшіе къ этимъ захолустьямъ представители власти, видя пронесшуюся мимо нихъ страшную бурю, крестились и снова засыпали.

Полгода провалялось между кучъ рапортовъ, ордеровъ и промеморій, писавшихъ все о такихъ же «разбойныхъ случаяхъ и чинимыхъ повсюду злодѣйствахъ», объявленіе Степанова, и только въ ноябрѣ назначена была военносудная коммиссія по этому дѣлу. Всѣ эти слѣдственные дѣла до того интересны, на нихъ такъ живо сохранился отпечатокъ времени и притомъ они такъ хорошо характеризуютъ эпоху и самую жизнь нашихъ провинцій прошлаго вѣка, что мы считаемъ ихъ важнѣйшими матеріалами для народной исторіи и извлекаемъ изъ нихъ все, что должно быть принято во вниманіе будущими историками нашего народа.

Волжское войско, запутанное съ головы до ногъ въ эти темныя воровскія дѣла, чувствуя много грѣховъ на своей совѣсти, всегда старалось прикрывать



дѣянiя добрыхъ молодцевъ, а вмѣстѣ съ ними и себя лично. Оно желало бы замѣть и это дѣло, но не было возможности придать ему благовидное извиненiе, и оно выигрывало, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что тянуло время, или прямо отказывалось повиноваться ближайшимъ властямъ. Засадивъ въ казематы атамана Филипова съ товарищами, оно замолчало и не заботилось ни о какихъ послѣдствiяхъ. Тогда царицынскiй комендантъ спрашивалъ волжское войско, что пойманные въ пустомъ форпостѣ разбойники отъ Караваинской станицы «истребованы-ль и нынѣ подъ караулъ отданы-ль; а ежели не требованы, то чего ради упущено». Потомъ онъ приказалъ: «разбойниковъ, равно атамана и эсаула, взявъ изъ станицы, подъ крѣпкимъ карауломъ прислать, въ поступленiю съ ними по указамъ, въ комендатскую канцелярiю». Волжское войско отвѣчало, что еще прежде оно приказывало явиться въ Дубовку караваинскому станичному атаману, старшинамъ, эсаулу и казакамъ для объясненiя по дѣлу о Филиповѣ; но теперь, препровождая въ Царицынъ разбойниковъ, войсковой атаманъ оправдалъ ихъ, говоря, что они только «имѣли намѣренiе производить проѣзжающимъ по Волгѣ рѣкѣ людямъ разбой, только еще не чинили»; онъ увѣрялъ Цыплетева, что разбойники пойманы станичными старшинами Ѳедоромъ Букановскимъ и Алексѣемъ Сказоватовымъ, эсауломъ Селивантьевымъ и казаками разъѣздной команды, а не такъ, какъ объявлялъ ограбленный Степановъ; что разбойники тотчасъ же отправлены были въ Балыклейскую станицу подъ присмотромъ старшины Букановскаго, котораго Сте-



пановъ и посадилъ тамъ подъ карауль — на сутки, а совсѣмъ не эсаула. Наконецъ, войсковой атаманъ добавлялъ, что онъ не посылаетъ въ Царицынъ ни станичнаго атамана Караваинской станицы, ни эсаула, какъ напрасно обвиненныхъ Степановымъ, и выставлялъ волжское войско съ хорошей стороны, говоря, что казаки безпрестанно ловятъ разбойниковъ и отсылаютъ въ Царицынъ.

Между тѣмъ, когда пойманные Степановымъ воровскіе люди еще сидѣли въ Дубовкѣ, въ городѣ произошелъ пожаръ, и во время этой суматохи изъ каземата бѣжали два арестанта, принадлежавшіе къ шайкѣ Филипова, въ числѣ которыхъ былъ драгунъ Кондаковъ, отъ котораго можно было много узнать объ отношеніяхъ чиновъ волжскаго войска къ разбойникамъ. Какъ бы то ни было, но главные предводители шайки — атаманъ Филиповъ, эсауль Хохловъ и Сучковъ оставались еще въ рукахъ царицынскаго коменданта и надъ ними наряженъ былъ судъ. Такъ какъ разбойники говорили, что они не производили ни грабежей, ни воровства, а волжское войско подтверждало ихъ слова, то Цыплетевъ требовалъ самаго тщательнаго изслѣдованія этого дѣла, прибавляя: «какъ отъ разрушенія злодѣйской (Пугачова) толпы минуло малое время, сумнительно повѣрить, чтобъ они не были на разбояхъ» (выше мы говорили, что Филиповъ, Хохловъ и Сучковъ — всѣ были въ арміи Пугачова и сами признались въ этомъ). Притомъ по словамъ Цыплетева, въ комендантской канцеляріи нашлось «приличество» по этому дѣлу, именно — объявленіе Степанова о на-



паденіи на него разбойниковъ; а потому и велѣно было истребовать въ комиссію самого Степанова, чтобъ онъ уличилъ подсудимыхъ, если они въ самомъ дѣлѣ были виновны. Презусомъ военносудной комиссіи назначенъ былъ секундъ-маіоръ Константинъ Петровъ, ассессорами — офицеры Махвиловъ, Зыбаровъ, за аудитора — Хромовъ. Комиссія открыла свои засѣданія съ обыкновенными формальностями, въ 8-мъ часу утра 26 ноября. По обыкновенію, присутствовавшіе «отъ презуса уговариваны были, дабы при начинающемся даже и до кончанія сего дѣла поступали по самой чистой совѣсти» и хранили его въ глубокой тайнѣ; по обыкновенію подсудимые были приведены и спрошены, будутъ ли они довольны судомъ, присутствующимъ прочитана была, «для напоминовенія», присяга и т. д.

Прежде всего начался допросъ Сучкова. На предложенные ему семь обыкновенныхъ формальныхъ вопросовъ онъ отвѣчалъ <sup>1)</sup>:

---

1) Вопросы, предлагавшіеся военнымъ подсудимымъ, выражались слѣдующимъ образомъ: 1) Какъ тебя зовутъ, чей ты сынъ, сколько тебѣ отъ роду лѣтъ? Въ службу ея императорскаго величества съ котораго году, мѣсяца и числа и съ какихъ чиновъ опредѣленъ? Грамотѣ читать и писать умѣешь ли? Въ церковь Божію ходишь ли? На исповѣди у священниковъ и у святаго причастія бывалъ ли?

2) О вѣрной ея императорскаго величества службѣ ты присягалъ ли? Военной артикулъ и приличныя къ тому указы тебѣ читаны были-ль и что кому за какія преступленія штрафы чинить велѣно, ты знаешь ли?

3) Напредъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ ли?

4) Будучи ты въ рекрутахъ, денежное жалованье и провіантъ все сполна получалъ ли? Отъ командировъ обидъ, налогъ и притѣсненія тебѣ не было-ль?

5) Нынѣшній побѣгъ учинилъ ты когда, откуда и отчего и съ кѣмъ



«Степаномъ меня зовутъ, Ѳедоровъ сынъ, Сучковъ, отъ роду мнѣ 25 лѣтъ. Въ службу ея императорскаго величества взятъ я въ 1773 году, въ декабрѣ мѣсяцѣ, нижегородской губерніи, арзамасскаго уѣзду, села Черновскаго, вотчины помѣщика Ѳедора Иванова, сына Ермолаева, изъ крестьянъ и опредѣленъ въ 22-ю легкую полевую команду. Грамотѣ читать и писать не умѣю. Въ церковь Божію хаживалъ, на исповѣди и святаго причастія бывалъ.

«О вѣрной ея императорскаго величества службѣ я присягалъ. Военный артикулъ и приличные къ тому указы мнѣ читаны были, и что кому за какія преступленія штрафы чинить велѣно, я знаю.

«Напредъ сего въ штрафахъ и наказаніяхъ по суду и безъ суда не бывалъ.

«Будучи я въ 22-й легкой полевой командѣ, денежное жалованье, провіантъ, мундирныя и аммуничныя вещи получалъ сполна. Отъ командировъ обидъ, налогъ и притѣсненія мнѣ не было».

Слѣдующими за тѣмъ отвѣтами Сучковъ объяснялъ

---

именно и при томъ побѣгѣ не снесъ ли чего казеннаго или у товарищей своихъ партикулярнаго, и будучи въ ономъ, жительство и пропитаніе имѣлъ гдѣ и у кого именно, завѣдомо бѣглаго или незавѣдомо и не имѣлъ ли при себѣ воровскаго пашпорта и по немъ имя свое и прозваніе не перемѣнялъ ли?

Потомъ предлагаются другіе вопросы, сообразные съ обстоятельствами дѣла, и если подсудимый подозрѣвается въ преступленіяхъ, его спрашиваютъ,—не былъ ли на воровствахъ и разбояхъ, и смертнаго убивства, домамъ поджоговъ или какого другаго злодѣйства не чинилъ ли, не зналъ ли бѣглыхъ, воровъ и разбойниковъ, и, наконецъ, — «*намѣренія, чтобъ притти за границу не имѣлъ ли?*» Послѣдній вопросъ состоялъ въ томъ, самую ли «истинную правду» показалъ подсудимый и не утаилъ ли чего?



обстоятельства своего побѣга, свою бродячую жизнь, знакомство съ Филиповымъ, Хохловымъ и другими разбойниками и, наконецъ, поимку. Послѣ Сучкова приведенъ былъ къ допросу самъ атаманъ, который видимо старался избѣгнуть положительнаго признанія и потому утаилъ нѣкоторыя обстоятельства, уже извѣстныя слѣдователямъ. Онъ говорилъ, что вскорѣ послѣ побѣга изъ томскаго полка, работалъ на соляной пристани, что противъ Камышина, и оттуда вмѣстѣ съ какимъ-то малороссіяниномъ они отправились будто-бы на озеро Узени «для ловли рыбы и звѣря», гдѣ, устроивъ землянку, жили ровно четыре года, питаясь выручаемымъ отъ разныхъ проѣзжихъ людей на ту рыбу и на звѣря хлѣбомъ; что въ 1774 году онъ возвратился снова на пристань, гдѣ и пробылъ «до приходу толпы государственнаго злодѣя Пугачова» и т. д. Относительно поимки ихъ на пустомъ форпостѣ онъ говорилъ, что дѣйствительно имѣли въ виду производить на Волгѣ разбой, «однако, еще того своего злаго намѣренія исполнить не могли»; но что погубила ихъ лодка, оставленная имъ какими-то «незнаемыми» людьми, такъ какъ эта лодка оказалась принадлежавшею разбойникамъ, ограбившимъ Степанова съ ловцами. Хохловъ также путался въ своихъ показаніяхъ; но всѣ согласно показывали, что начальники Караваинской станицы и казаки были къ нимъ очень милостивы. Коммиссіи не оставалось ничего болѣе, какъ вытребовать въ судъ всѣхъ оговоренныхъ, которые, какъ она выражалась, «изъ одного своего *лакомства*» потворствовали разбойникамъ, именно: старшинъ Ощепкина и Бирюль-





кина, бывшего станичнаго атамана Кузнецова и вновь избраннаго Кумскова, казака Морозова и пріятельницу воровскаго атамана, Ирину Бирюлькину. На первое требованіе, отъ 4 декабря, волжское войско не отвѣтило: тогда 16 января 1776 года послана была «дубликатная промеморія», а Цыплетева коммиссія просила «наикрѣпчайшимъ образомъ» подтвердить, чтобы оговоренные чины Караваинской станицы были непременно присланы въ коммиссію, такъ какъ именнымъ императорскимъ указомъ 1763 года велено «становщиковъ и пристанодержателей съ крайнею прилежностію съискивать и дѣла оканчивать въ мѣсяць». Вытребованъ былъ въ коммиссію для обличенія разбойниковъ ограбленный ими Степановъ; назначены были новые слѣдователи по этому дѣлу, «презусъ» Авиловъ и нѣкоторые другіе ассессоры, которые передъ началомъ допросовъ дали слѣдующую присягу въ присутствіи священника: «Мы къ настоящему воинскому суду назначенные судіи клянемся всемогущимъ Богомъ, что мы въ семъ судѣ, въ приличающихся дѣлахъ, ни для дружбы или склонности, ни подарковъ или дачей; ниже страха ради, ни для зависти и недружбы, но токмо едино по челобитью и отвѣту, по ея императорскаго величества, нашей всемилостивѣйшей государыни императрицы, воинскимъ пунктамъ, правамъ и уставамъ приговаривать и осуждать хотимъ право и нелицемѣрно такъ, какъ намъ отвѣтъ дать на страшномъ судѣ Христовѣ, въ чемъ да поможетъ намъ Онъ, нелицемѣрный судія.»

Между тѣмъ 27 января получена была, наконецъ,





отвѣтная промеморія изъ волжскаго войска, и начальники его видимо отказывались повиноваться распоряженіямъ, которыя именемъ правительства дѣлались въ Царицынѣ. Войсковой атаманъ Персидскій между прочимъ писалъ въ комиссію, что «хотя оныя бѣглые по разбитіи отъ злодѣйской (Пугачова) толпы по пріѣздѣ въ дачехъ Караваинской станицы и шетались, но до разбитія злодѣя (Пугачова) они жительства не только не имѣли, но въ станицѣ не бывали, и по разбитіи злодѣя оныя пойманы Караваинскою станицею посланными изъ оной отъ атамана старшинами и казаками въ разбоѣ, то ихъ показаніямъ на поимщиковъ, злобствуя за то, что они ими переловлены, едва-ль можно въ силу законовъ вѣрить, а особливо есть-ли за поимку будутъ бѣглые разбойники показывать и за то поимщиковъ заирать къ слѣдствію и чинить въ проѣздахъ убытки, то каждому впредь къ поимки таковыхъ ревность можетъ быть отнята». Вслѣдствіе этого комиссія, принимая въ соображеніе, что волжская войсковая канцелярія и «по прежде производившимся въ комиссіи военнаго суда въ таковыхъ же держаніяхъ фергерамъ и криксрехтамъ вѣдомства своего старшинамъ и казакамъ, защищая ихъ въ толь противныхъ законамъ проступкахъ, отзываясь разными необстоятельными причинами, упорствуя, суду присылки не чинила», — опредѣлила допросить однихъ разбойниковъ, сначала съ увѣщаніемъ отъ лица присутствующихъ, потомъ черезъ священника, а, наконецъ, съ «пристрастіемъ, подъ битіемъ батоги». Затѣмъ разбойники уличены были Степановымъ и признались во всемъ,



кромѣ одного Сучкова, который не дождался конца слѣдствія и лежалъ въ тяжелой болѣзни. Такимъ образомъ, чтобы не тянулось дѣло, комендантъ приказалъ его кончить «по упорству» волжскаго войска, безъ допросовъ начальниковъ Караваинской станицы.

Такъ какъ послѣдніе листы въ дѣлѣ объ атаманѣ Филиповѣ утрачены, то мы не знаемъ, какое наказаніе постигло разбойниковъ; знаемъ только, что тягость преступленія ихъ увеличалась, помимо уликъ въ составленіи шайки, еще однимъ важнымъ обстоятельствомъ, именно, «похищеніемъ казеннаго интереса», потому что разбойники обвинялись въ снятіи съ Степанова «казеннаго кафтана и штановъ съ пуговицами <sup>1)</sup>». О второй половинѣ шайки атамана Филипова, спасшейся отъ преслѣдованія разъѣздной команды, въ дѣлѣ также нѣтъ свѣдѣній: можетъ быть, на мѣсто Филипова она избрала себѣ новаго атамана и продолжала тревожить проходившіе по Волгѣ караваны.

Какъ бы то ни было, но къ октябрю 1775 года въ рукахъ правительства находилось уже нѣсколько предводителей разбойничьихъ шакъ. Царицынъ и Дубовка представляли въ это время любопытное зрѣлище: не было дня, чтобы по улицамъ этихъ городовъ не проходили конвои съ связанными въ колодки разбой-

---

<sup>1)</sup> Интересно, что военносудная комиссія дѣлала запросъ баталіонному начальству, «во сколько цѣною положены по штату» солдатскій кафтанъ и штаны шитыя, и получила отвѣтъ, «что солдатскій кафтанъ съ пуговицами шитой по штату положенъ *два рубли шездесятъ две копейки пять шестыхъ на десятъ* (2 р. 62<sup>5</sup>/<sub>16</sub> к.), штаны съ пуговицами *шездесятъ девять копеекъ съ половиною двѣ трети одна осмая* (!! 69<sup>1</sup>/<sub>2</sub> + <sup>2</sup>/<sub>3</sub> + <sup>1</sup>/<sub>8</sub> коп.).



никами; то везли въ телѣгѣ, окруженной казаками, какого-нибудь атамана, то приводили съ Волги и съ окрестныхъ степей его разсѣявшуюся шайку; сегодня народъ бѣжалъ на площадь смотрѣть на раздачу шпиритеновъ къ предстоящей экзекуціи, завтра — на мрачные проводы наказанныхъ. Въ тотъ день, когда провожали изъ Дубовки въ Царицынъ атамана Филипова, казаки вводили въ Дубовку атамана Кулагу съ Тарабаринимъ; когда Кулага сидѣлъ въ казематѣ, въ это же время арестовали разбойника Зубакина, коновода другой шайки, ходившаго съ своимъ воровскимъ отрядомъ во внутреннія губерніи Россіи <sup>1)</sup>. Филиповъ засталъ въ Царицынѣ атамана Заметаева, послѣ ужаснаго наказанія отправлявшагося въ Саратовъ для другой публичной казни, а въ Дубовкѣ Заметаевъ нашелъ Кулагу, еще не отправленнаго въ Царицынъ. Наконецъ, около того же времени черезъ Царицынъ и Дубовку провезли, по распоряженію генералъ-аншефа гр. Ал. Потемкина, еще трехъ преступниковъ: малороссіянина Свирида Тарелкина (онъ же и Шевыревъ), разбойника изъ казачьихъ дѣтей Григорія Данилина и Будуджанова владѣнія калмыка Зотбу Гецуля Ножикова <sup>2)</sup>. Эти — «по самаважнымъ дѣламъ колодники» пробыли въ Царицынѣ четыре дня и увезены въ Сибирь.

Между тѣмъ суровые зимніе мѣсяцы представляли тяжелое испытаніе для разбойниковъ. Съ наступле-

<sup>1)</sup> См. объ атаманѣ Брагинѣ и разбойникѣ Зубакинѣ.

<sup>2)</sup> Дѣло о разбойникѣ Свиридѣ Тарелкинѣ съ товарищи. 1775. Цар. арх. № 343.



ніемъ холодовъ шайки ихъ мало-по-малу начинали рѣдѣть, потому что при сильныхъ осеннихъ дождяхъ, яркіе костры, разводимые въ безопасныхъ мѣстахъ, въ чащѣ лѣса и въ оврагахъ, подъ прикрытіемъ ночи, мало грѣли тѣхъ, у кого была плохая обувь и кой-какая лѣтняя одежда. Это была пора добыванія паспортовъ, чтобы, подъ защитою законнаго свидѣтельства, можно было найти гдѣ-нибудь въ захолустѣ пристанище на долгую и холодную зиму; а между тѣмъ съ какими опасностями соединенъ былъ промыслъ добычи паспортовъ, сколько нужно сдѣлать разбоевъ и воровства, чтобы добыть годное свидѣтельство, подобрать примѣты, ростъ и волосы; сколько нужно было пере-свидѣтельствовать носовъ и подбородковъ, глазъ сѣрыхъ и черныхъ, сколько разъ напрасно ограбить или изувѣчить прохожаго и потомъ бросить его паспортъ, не подходящій къ примѣтамъ разбойника или просроченный. Но вотъ и Волга стала замерзать, по ней уже не тянутся караваны судовъ, рѣдко-рѣдко прокрадется по зарѣ маленькая лодченка, въ которой все лѣто мыкали горе понизовые бурлаки, теперь ищущіе на зиму пріюта. Некого грабить на Волгѣ... Пора добрымъ молодцамъ кланяться батюшкѣ-атаману и вѣрнымъ товарищамъ. И вотъ разбойники заводятъ свои лодки въ далекіе затоны, въ непроходимые камыши, прячутъ по лѣсамъ свои ружья и сабли, пики и пистолеты, сожгутъ не мало стоговъ сѣна и старыхъ дуплистыхъ пней, согрѣвая свои окоченѣлые члены, и потомъ разойдутся на всѣ четыре стороны, до весны, до краснаго солнышка. Погуляютъ потомъ тихонько въ каба-



кахъ, послушаютъ говору людскаго, нападуть на хорошихъ людей и живутъ у нихъ до лѣта; а другіе между тѣмъ поплетутся въ степь, въ глухіе казачьи хутора, за Волгу, или на Илавлю и Медвѣдицу, найдутъ пристанище, кто за деньги, кто за имя Христово; иные выкопаютъ себѣ землянку и живутъ въ ней, какъ пустынники.



### **Атаманъ Буковъ и Тимофѣевъ.**

---

Въ продолженіе зимнихъ мѣсяцевъ лучшіе притоны для понизовыхъ бурлаковъ представляли уединенные казачьи зимовники по Илавлѣ, Медвѣдицѣ и Хопру. Изъ дѣлъ царицынскаго архива мы видимъ, что зиму 1775 года на Медвѣдицѣ, въ числѣ множества другихъ разбойниковъ, скрывался атаманъ Гаврила Буковъ. Въ этомъ же году онъ былъ пойманъ и содержался въ Новохоперской крѣпости, но, послѣ сдѣланныхъ ему допросовъ, въ январѣ 1776 года бѣжалъ изъ крѣпости. За нимъ разосланы были во всѣ мѣста поиски, и между прочимъ комендантъ Новохоперской крѣпости, бригадиръ Аршеневскій, 19 января сообщалъ объ этомъ въ Царицынъ коменданту Цыплетеву и писалъ, что «по производимымъ въ канцеляріи Новохоперской крѣпости разбойнымъ дѣламъ, открылось, что по большей части разбойники и всякаго рода бѣглые проживаютъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ землянкахъ, а разбойническій атаманъ Гаврила Буковъ между прочими допросами показалъ, что онъ прошлаго 1775 года зиму проживалъ на



рѣкѣ Медвѣдицѣ, въ урочищѣ Черни <sup>1)</sup>, у живущаго въ лѣсу Березовской станицы казака, а какъ звать не знаетъ, на пчельникѣ постриженнаго монаха Льва, и съ нимъ обще зимовалъ же Березовской станицы отставной казакъ Лукьянъ Исаевъ, сынъ Малышевъ, который разбойникъ Буковъ по допросѣ бѣжалъ». Вслѣдствіе этого бригадиръ Аршеневскій просилъ Цыплетева отправить въ это урочище «пристойную воинскую команду» въ надеждѣ, «не зимуетъ ли оный Буковъ и нынѣ въ означенномъ урочищѣ у предписаннаго монаха Льва или казака Малышева».

Цыплетевъ, по полученіи этого сообщенія, предписалъ «находившемуся по Бузулуку у сыску воровъ и разбойниковъ войска донскаго господину старшинѣ», чтобы онъ отрядилъ съ надежнымъ командиромъ достаточное число донскихъ казаковъ для розыска Букова и другихъ воровъ и велѣлъ бы, «какъ по рѣкѣ Медвѣдицѣ въ лѣсныхъ мѣстахъ, такъ не откроется-ль объ нихъ слухъ и въ другихъ мѣстахъ, чинить поиски, и буде тотъ разбойнической атаманъ Буковъ съ товарищами ево иль одинъ пойманъ, или-жъ гдѣ въ пристанодержательствѣ у кого изловленъ будетъ, то и съ тѣми людьми, не обращая въ Царицынъ, отправить за безопаснымъ конвоемъ къ реченному господину бригадиру Аршеневскому». О дальнѣйшей судьбѣ Букова <sup>2)</sup>,

<sup>1)</sup> Это, по всей вѣроятности, урочище Каменновы хутора, на рѣкѣ Черной, принадлежащее донскимъ помѣщикамъ Каменновымъ. Урочище это и теперь малороссіяне называютъ — Чорна. Послѣ мы увидимъ, что въ этихъ мѣстахъ имѣли притонъ и другіе разбойники.

<sup>2)</sup> Не Буковъ ли воспѣтъ народомъ подъ названіемъ вора — Гаврюшеньки и Гаврюшки, упоминаемаго въ мѣстныхъ пѣсняхъ?



монаха Льва и казака Малышева мы ничего не знаемъ <sup>1)</sup>).

Черезъ два мѣсяца послѣ отправленія съ Бузулука отряда для поисковъ за Буковымъ, началась новая гонка разѣздныхъ командъ по Волгѣ и по всѣмъ окрестнымъ степямъ. Съ наступленіемъ весны, когда ледъ на Волгѣ тронулся, и показались суда съ московскими и персидскими товарами, понизовые бурлаки снова повыползли изъ своихъ трущобъ, покинули хутора и ихъ скучную, однообразную жизнь, бросили свои медвѣдицкія землянки, поправили лодки, отыскали свое старое оружіе, пристали къ своимъ атаманамъ и вышли на Волгу. Затѣмъ изъ Астрахани, изъ баталіоновъ, снова начались дезертировки солдатъ, которые шли или на взморье, или плыли вверхъ по Волгѣ, составляя шайки и останавливая каждое, плохо-защищенное судно. Астраханскій оберъ-комендантъ генералъ Левинъ снова писалъ всѣмъ комендантамъ городовъ нижняго Поволжья, чтобы они принимали мѣры противъ появившихся разбойниковъ. «Понеже, писалъ онъ Цыплетеву, нынѣ Волга рѣка льдомъ вскрылась и мнѣ есть не безъизвѣстно, что по оной появляются воровскія разбойничьи шайки, того ради, ваше высокоблагородіе, извольте всѣмъ вѣдомства вашего людямъ наистрожайше подтвердить, дабы они отъ тѣхъ воровъ приняли крайнюю предосторожность и имѣли какъ водою, такъ и сухопутно, днемъ и ночью всегдашніе разѣзды, дабы оныя воровскія шайки конечно прекращены были, да

---

<sup>1)</sup> Дѣло о разбойническомъ атаманѣ Гаврилѣ Буковѣ и держателяхъ его казакѣ Малышевѣ и монахѣ Львѣ. Цар. арх. № 399. 1776.



и особливо стараться праздно-шатающихся и безпашпортных ловить, ибо изъ Астрахани, изъ военнослужащихъ дезертировано немалое число, то и ежели кто изъ воровскихъ шаяекъ или и дезертировъ и праздношатающихся безпашпортныхъ пойманы будутъ, присылать ко мнѣ при рапортахъ, да и какое о поимкѣ тѣхъ злодѣевъ и прочихъ людей исполненіе чинено будетъ, ко мнѣ почасту рапортовать». Впрочемъ, еще раньше этого предписанія разъѣздныя команды изъ Царицына и Дубовки разосланы были по всѣмъ дистанціямъ, и сторожевыя лодки безпрестанно навѣдывались о томъ, что дѣлается на Волгѣ, — а на Волгѣ между тѣмъ было далеко неспокойно. Только потворствомъ разъѣздныхъ командъ разбойникамъ, или многочисленностію и дерзостію послѣднихъ можно объяснить то, что происходило въ это время въ понизовьѣ. Кромѣ постоянныхъ разъѣздовъ и экстренныхъ выслоекъ, за тишиной на Волгѣ наблюдали команды съ форпостовъ, расположенныхъ по Волгѣ въ весьма близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи; не было, кажется, ни одного уголка и затона, куда не заглядывали бы разсылные казаки и солдаты, а между тѣмъ разбои происходили почти каждую ночь, да и самый ясный день не спасалъ путешественниковъ отъ внезапныхъ нападеній. «Сего Апрѣля въ разныхъ числахъ, съ слѣдующихъ изъ Астрахани судовъ о нападеніи на нихъ разбойниковъ поданы объявленія», писалъ Цыплетевъ маіору Персидскому и просилъ его помощи въ этихъ опасныхъ обстоятельствахъ, потому что, за разными сухопутными командировками, за высылкой многихъ солдатъ и ка-



заковъ на царицынскую линію въ расположенныя по ней крѣпостцы и на форпосты, наконецъ, за разными экстренными командировками, въ Царицынѣ почти никого не было и на Волгу можно было послать только нѣсколько человѣкъ, — а между тѣмъ въ военныхъ людяхъ, по такому смутному времени, была крайняя нужда. Персидскій въ это время находился съ своимъ отрядомъ тоже на Волгѣ, и Цыплетевъ писалъ ему: «какъ ваше высокоблагородіе съ командою своею расположились уже въ волгскомъ войскѣ и уповательно противъ полевыхъ полковъ о искорененіи и поимкѣ оныхъ (разбойниковъ) имѣете наставленіе, того ради ваше высокоблагородіе, государя моего, прошу приложить въ томъ ваше всеудобовозможное стараніе и, тѣхъ злодѣевъ ловя, присылать въ царицынскую комендантскую канцелярію, за что отъ главныхъ правительствъ получите достойную похвалу и благодарность; а какъ въ царицынскихъ баталіонахъ въ людяхъ такой недостатокъ, что и караулы содержатца безсмѣнно, но однако-жъ въ двухъ лоткахъ при оберъ-офицерѣ солдатъ и царицынскихъ казаковъ тридцать человѣкъ внизъ по рѣкѣ Волгѣ къ Черному Яру посланы, а потому ваши разъѣзды нужны какъ къ Димитріевску, такъ и внизъ хотя до нижней рѣки Пичуги или Ахтубы, и какой въ томъ успѣхъ происходитъ будетъ, для донесенія его превосходительству господину генераль-маіору и астраханскому оберъ-коменданту Василью Васильевичу Левину прошу меня увѣдомлять <sup>1)</sup>».

<sup>1)</sup> Цар. арх. № 432. Дѣло о принятіи предосторожности отъ появившейся по рѣкѣ Волгѣ разбойнической секты (шайки). 1776.



Какъ, повидимому, ни тщательны были эти предосторожности, какъ ни строги мѣры, принятыя противъ разбойниковъ, но ни предписанія Левина, ни распоряженія Цыплетева и волжскаго войска не имѣли успѣха. Въ теченіе всѣхъ лѣтнихъ и осеннихъ мѣсяцевъ 1776 года было открыто множество несчастныхъ случаевъ, но не поймано ни одного предводителя разбойниковъ; прошла и зима, наступило судоходное время 1777 года. Разбойники продолжали свои «продерзости», нападали «сильно и вооруженною рукою» на расшивы и кладнуши, а ихъ никто не ловилъ, — ихъ не пугали извѣстія о взятіи такого-то и такого атамана, о разбитіи того или другаго воровскаго стана. Правда, многіе изъ нихъ нападали не такъ смѣло, брали пошлину съ промышленниковъ не по-прежнему, не кричали, въ виду разъѣздныхъ командъ и около самыхъ городовъ проходящимъ судамъ свое страшное «сарынъ на кичку!»<sup>1)</sup> Многія изъ шаяекъ видимо откочевывали подальше отъ Волги, гдѣ въ послѣднее время, особенно въ 1775 году, онѣ лишились столькихъ сильныхъ атамановъ, въ родѣ Заметаева и Кулаги. Какъ бы то ни было, но разъѣзднымъ командамъ не удавалось въ это время поймать сколько-нибудь популярную личность. Замѣтно, что лѣтомъ 1778 года нѣкоторыя шайки появляются на степномъ берегу Волги, у рѣки Илавли и начинаютъ сухопутные разбои.

Илавля, впадающая въ Донъ, въ верховьяхъ своихъ

---

<sup>1)</sup> Сигнальный крикъ разбойниковъ при нападеніи на суда. Крикъ этотъ еще такъ недавно раздавался на Волгѣ, и онъ очень памятенъ нынѣшнимъ мирнымъ бурлакамъ.



очень близко подходит къ небольшой рѣчкѣ Камышинкѣ, принимаемой Волгой у самого города, съ тѣмъ же именемъ. Близость разстоянія двухъ небольшихъ рѣчекъ, одной волжскаго бассейна, а другой донскаго, дала нѣкогда Петру I мысль соединить ихъ каналомъ, хотя мысль эта оказалась неудобоисполнимою. Воровскіе казаки, желая пробраться изъ Дона въ Волгу, проводили свои лодки вверхъ по Илавлѣ до того мѣста, гдѣ рѣчка близко подходила къ Камышинкѣ; здѣсь лодки перетаскивались сухопутнымъ волокомъ въ Камышинку, и разбойники входили по ней въ Волгу, какъ до сихъ поръ поется въ старой казачьей пѣснѣ:

Что пониже города было Саратова,  
А повыше было города Царицына,  
Протекала, пролегала мать-Камышинка-рѣка,  
Какъ съ собой она вела круты красны берега,  
Круты красны берега и зеленые луга,  
Она устьищемъ впадала въ Волгу-матушку-рѣку;  
Что по той ли быстринѣ, по Камышинкѣ-рѣкѣ,  
Какъ плывутъ тутъ, выплываютъ два снарядные стружка <sup>1)</sup>.  
Хорошо были стружечки изукрашены,  
Они копиями, знаменами, будто лѣсомъ порасли;  
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,  
Удалые молодцы, все донскіе казаки,  
Да еще ли гребенскіе, запорожскіе;  
На нихъ шапочки саболи, верхи бархатные,  
Еще смурые кафтаны кумачемъ подложены.  
Астрахански кушаки полуселковые,  
Пестрядинныя рубашки съ золотымъ галуномъ <sup>2)</sup>,  
Что зеленъ-сафьянъ сапожки, кривые каблуки,

---

<sup>1)</sup> Въ другой поется:

Выгребали, выплывали пятьдесятъ легкихъ струговъ  
Воровскихъ казаковъ.

<sup>2)</sup> Подобныя рубашки атаманъ Филиповъ далъ на сбереженіе своей любовницѣ, Иринѣ Ощепкиной. (См. выше.)



И съ зачесами чулки, да все гарусные;  
Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;  
Они хвалятъ, величаютъ православнаго царя,  
А бранятъ они, клянутъ воеводу,  
Что съ женою и дѣтьми и со внучатами  
Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,  
Кормовое, годовое, наше денежное;  
Да еще же не пускаетъ насъ по Волгѣ погулять,  
Внизъ по-матушкѣ по Волгѣ съ дуниной воспѣвать.

Вообще въ самое отдаленное время Камышкина и Илавля были такими же аренами разбойничьихъ подвиговъ, какъ и Волга, хотя на маленькихъ рѣчкахъ простору было меньше и около этихъ рѣчекъ можно было скрываться только на-время и грабить сухопутные караваны да изрѣдка нападать на хутора и селенія, перекочевывать потомъ въ глухія степи или снова выходить на Волгу. Такъ, мы видимъ, что въ 1778 году разбойничьи шайки видимо стали отходить отъ Волги и устраивать станы по Илавлѣ, Медвѣдицѣ и Хопру, не оставляя, впрочемъ, въ покоѣ и волжскихъ береговъ. Начались опять разбои по хуторамъ и селамъ, расположеннымъ по правую сторону царицынской линіи; хотя имена атамановъ были извѣстны, и ни одно изъ нихъ не раздавалось по окрестностямъ громче другихъ; однако, положеніе обывателей было далеко незавидное. Въ это время, какъ извѣстно, волжское войско за присягу на вѣрность Пугачову переведено было на Терекъ; Дубовка, поволжскіе станицы, начиная отъ Антиповской до Балыклейской и ниже Дубовки, наконецъ, всѣ богатые земли, принадлежавшія нѣкогда волжскому войску, стали заселяться, по распоряженію правительства выходцами изъ верховыхъ губерній. Переселенцы, пере-



возившіе на новыя, отведенныя имъ мѣста свое скудное имущество, были тревожимы на всѣхъ дорогахъ; ихъ грабили въ полѣ и въ домахъ, разбивали и жгли ихъ кое-какъ сколоченныя хижины. Между тѣмъ слухи ходили, что илавлинскіе шайки понизовыхъ бурлаковъ день ото дня усиливались бѣжавшими съ Терека и съ дороги волжскими казаками, не хотѣвшими переселяться въ такую даль отъ своихъ родныхъ пепелищъ. Эти новые помощники понизовой вольницы знали всѣ входы и выходы въ каждомъ селѣ, знали всѣхъ зажиточныхъ крестьянъ и помѣщиковъ, сидѣвшихъ издавна по Илавлѣ и Медвѣдицѣ, и водили своихъ товарищей на грабежъ, не опасаясь попасть въ засаду, а иногда рассчитывая на доброжелательство тѣхъ немногихъ волжскихъ казаковъ, которые остались въ Дубовкѣ и по станицамъ и обязаны были наблюдать за спокойствіемъ страны. Изъ Царицына былъ посланъ отрядъ для наблюденія за разбойниками, но отрядъ этотъ нисколько не помогалъ дѣлу. Кромѣ того, что разбойники имѣли по всѣмъ хуторамъ и селеніямъ пріятелей, которые увѣдомляли ихъ о движеніяхъ казацкаго отряда, шайки умѣли такъ искусно наблюдать за сторожевыми разъѣздами, что никогда не попадались имъ на глаза и потому не имѣли надобности защищаться силой; они, обыкновенно, на другой день грабили то село, откуда, какъ они знали, только-что накунѣ вышла разъѣздная партія; они нападали и на хуторъ, куда на другой день ожидали помощь разъѣздчиковъ, то-есть они и слѣдовали за отрядомъ и предупреждали его.

Въ такомъ жалкомъ положеніи была защита страны



отъ разбойниковъ. Ничтожная горсть казаковъ находилась съ походнымъ атаманомъ Забурунновымъ на поискахъ, и та была взята для другой надобности. При томъ и самое требованіе войсковаго старшины Савельева предоставить защиту страны однимъ волжскимъ казакамъ — кажется намъ нѣсколько подозрительнымъ, при той роли, которую играли въ то время волжскіе казаки. Ослабить разъѣздныя команды на Волгѣ отдѣленіемъ отъ нихъ небольшихъ отрядовъ противъ илавлинскихъ разбойниковъ казалось крайне опаснымъ, потому что все теченіе Волги отъ Дубовки до Чернаго Яру, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, осталось бы совершенно незащищеннымъ. Это значило бы бросить караваны судовъ на произволь судьбы или, вѣрнѣе, въ руки разбойникамъ. Правда камышинскій комендантъ, полковникъ Ременниковъ, занявшій въ этомъ городѣ комендатскую должность на мѣсто умерщвленнаго Пугачовымъ Меллина, по распоряженію правительства, отправилъ по Волгѣ воинскія команды; но и эта помощь была ничтожной защитой отъ разбойниковъ, тѣмъ болѣе, что отряды, посланные Ременниковымъ, должны были сберегать огромное пространство и растянуться верстъ на 300 или 400. Одинъ отрядъ подъ начальствомъ прапорщика фонъ-Пистолень-Корса долженъ былъ наблюдать за разбойниками въ той части Волги, которая простиралась вверхъ до села Золотого, одного изъ главныхъ разбойничьихъ притоновъ; другой отрядъ, подъ командою прапорщика Поспѣлова, защищалъ Волгу отъ Камышина внизъ до Дубовки. Они должны были «безпрестанное патрулеваніе свое произ-



водить съ перемѣною дистанціи», — вѣроятно, взаимно обмѣниваясь постами во время съѣзда въ Камышинѣ. Ременниковъ просилъ Цыплетева, чтобъ отряды, посланные изъ Царицына, непременно съѣзжались въ Дубовкѣ съ отрядомъ, крейсировавшимъ между Камышиномъ и Дубовкою, «размѣнивались билетами» (какими билетами, мы не знаемъ) и въ случаѣ опасности его давали одинъ другому помощь. Слѣдовательно, волжскія разъѣздныя команды, растянутыя верстъ на 700 или 800, ни въ какомъ случаѣ нельзя было ослабить для вспомошествованія ими отрядовъ, посланныхъ противъ илавлинскихъ разбойниковъ, и по необходимости надо было ограничиваться ничтожными отрядами, находившимися подъ начальствомъ поручика Хомутскаго, походнаго атамана Забуруннова и капитана Зайцова, который былъ посланъ сюда отъ государственной экономіи для наблюденія за переселенцами и назывался «объѣзжимъ экономомъ».

Въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ Цыплетевъ, получивъ отъ волжскаго войска представленіе о необходимости усилить илавлинскіе отряды, приказалъ всѣмъ волжскимъ казакамъ, еще не переселившимся на «ново-возводимую линію» (на Терекъ) поступить подъ команду объѣзжаго эконома Зайцова; Зайцовъ же долженъ былъ принять свое главное начальство надъ отрядомъ поручика Хомутскаго и вмѣстѣ съ донскими и волжскими казаками и ихъ начальниками двинуться противъ разбойниковъ, «учинить надъ тѣми злодѣями всевозможные поиски и всемѣрно постараться переловить ихъ всѣхъ безъ упущенія». Въ скоромъ времени Зай-



цовъ извѣщалъ Цыплетева, что разбойничьи партіи умножаются, что вся земля волжскаго войска наполнена воровскими шайками, бродящими около станицъ и въ особенности около хуторовъ; — что разбойники эти «чинятъ живущимъ въ тѣхъ хуторахъ и проѣзжающимъ людямъ грабежи и выжигаютъ селенія, а сколько извѣстно мнѣ стало нынѣ, и у крестьянъ лошадей множественное число уже покрадено, да и до днесъ среди дня отнимаютъ». Зайцовъ добавлялъ, что крестьяне объявляютъ, будто главные зачинщики смутъ сами волжскіе казаки, выводимые на Терекъ. Не имѣя ни откуда защиты, Зайцовъ послалъ приказы въ волжскія станицы, Антиповскую, Караваинскую и Балыклейскую и велѣлъ старостамъ нарядить небольшую партію мужиковъ и чѣмъ-нибудь на первый случай вооружить ихъ, «хотя не всѣхъ ружьями, но по меньшей мѣрѣ рогатинами»; онъ велѣлъ, чтобы это крестьянское ополченіе соединилось съ отрядомъ волжскихъ казаковъ, высылаемыхъ изъ Дубовки, куда онъ отправлялся лично, чтобы и въ Дубовкѣ набрать и вооружить крестьянъ для передачи ихъ подъ команду казачьяго начальника; «а инаково, прибавлялъ онъ въ рапортѣ къ Цыплетеву, буде къ поиску тѣхъ воровъ въ степяхъ однихъ крестьянъ отправитъ, то какъ они о здѣшнихъ мѣстахъ мало еще свѣдомы и не настояще вооружены, а притомъ и безъ предводительства, почитаю, весьма будетъ неудобно, къ тому же безъ точнаго на то повелѣнія и смѣлости не имѣю.» Войсковой старшина Савельевъ писалъ между тѣмъ въ Качалинъ войска донскаго войсковому старшинѣ Грекову и просилъ у него помощи; Цыплетевъ



съ своей стороны просилъ Грекова о командированіи отряда донскихъ казаковъ на Илавлю. Грековъ отправилъ требуемый отрядъ и, сверхъ того сообщилъ, «къ медвѣдичимъ сыскнымъ дѣламъ» о присылкѣ вспоможенія илавлинскимъ разбѣздамъ, потому что на Медвѣдицѣ можно еще было расположить нѣкоторую часть казаковъ, не бывшихъ подъ ружьемъ. Такимъ образомъ къ илавлинскимъ разбойникамъ приближалась гроза съ четырехъ сторонъ: изъ Царицына давно выступалъ съ донскими казаками поручикъ Хомутскій, изъ Дубовки выходили волжскіе казаки вмѣстѣ съ крестьянами, взятыми изъ Антиповской, Караваинской и Балыклейской станицъ; изъ Качалина двинулся другой отрядъ донскихъ казаковъ, съ Медвѣдицы должна была придти такая же помощь. Только камышинскій комендантъ Ременниковъ отозвался на требованіе Цыплетева, что у него нѣтъ въ распоряженіи коннаго отряда, и что онъ не можетъ послать никакого секурса противъ илавлинскихъ шаяекъ.

Вѣсть объ илавлинскихъ поволжскихъ неурядицахъ дошла, наконецъ, и до астраханскаго губернатора Якобія, который въ то время стоялъ лагеремъ при *Брагунскихъ* водахъ. Ему доносили, что страна для защищенія себя отъ разбойниковъ не имѣетъ достаточно силы, и что камышинскій комендантъ совершенно не можетъ подать сухопутной помощи, за неимѣніемъ конницы. Тогда Якобій, не принимая въ расчетъ никакихъ отзывовъ, велѣлъ непременно истребить разбойниковъ. «Какъ генерально указами ея императорскаго величества накрѣпко повелѣваетца всѣ силы



вездѣ командующимъ употреблять — злодѣйскія, воровскія партіи искоренять (писалъ онъ, между прочимъ, Цыплетеву), — вслѣдствіе чего и должно каждому о томъ имѣть ежеминутное стараніе, потому и предписалъ я димитріевскому (камышинскому) коменданту, чтобъ по ближайшей дистанціи отъ Дмитріевска до волжской Антиповской станицы, а отъ нея простираясь даже и до половины казачьяго селенія, для поимки и искорененія тѣхъ злодѣевъ учредилъ онъ отъ себя изъ казаковъ всегдашній разъѣздъ, собравъ ихъ въ такое время изъ ненужныхъ командировокъ, *которой и продолжатъ до самаго прекращенія злодѣяннѣя*; а другую половину тѣхъ селеній такими же разъѣздами защищать изволите ваше высокоблагородіе и поиски чинить снизу отъ Царицына и всячески прилежать самихъ злодѣевъ въ конецъ истребить и во всѣ окрестныя мѣста о преслѣдованіи ихъ давать знать.»

Наконецъ, въ сентябрѣ этого года Цыплетевъ отправилъ на Илавлю еще одинъ отрядъ донскихъ и царицынскихъ казаковъ и поручилъ начальство надъ ними провіантъ-коммиссару Ястребенкову, давъ ему словесное наставленіе, какъ дѣйствовать. Тамъ находились уже другіе отряды донскихъ казаковъ, и однимъ изъ нихъ командовалъ походный атаманъ Мельниковъ. 17 сентября соединился Ястребенковъ съ этими отрядами; они положили идти противъ разбойниковъ общими силами; поэтому командиры отрядовъ раздѣлили свои силы на четыре части, изъ которыхъ каждая должна была идти по извѣстному направленію, производя поиски, а послѣ этихъ розысковъ положено было всѣмъ



соединиться въ извѣстномъ сборномъ пунктѣ, чтобы узнать о результатѣ каждой отдѣльной экспедиціи. Такъ и сдѣлали. Нѣсколько дней отряды бродили по всѣмъ направленіямъ, и когда соединились у сборнаго пункта, никто ничего не могъ сказать о разбойникахъ. Поиски были напрасны, потому что разбойники знали о движеніи разѣздовъ и умѣли вездѣ скрыть свои слѣды. Можетъ быть, этой неудачѣ помогла ссора между начальникамъ отрядовъ, тѣмъ не менѣе разбойники не давались имъ въ руки. Вскорѣ Ястребенковъ прислалъ къ Цыплетеву нарочнаго казака съ извѣстіемъ о безуспѣшности поисковъ и жаловался на походнаго атамана Мельникова, будто онъ «съ своею командою дѣлаетъ непорядки и скрываетъ, по доказательству сосѣдей, пристанодержателей». Ястребенковъ находился въ это время съ отрядомъ своимъ, какъ самъ писалъ, *для залогу въ скрытномъ мѣстѣ.*

Между тѣмъ приближалась осень; до конца сентября разѣздные отряды не сдѣлали ровно ничего для безопасности страны; разбойники, видя приближеніе холодовъ и не желая имѣть дѣла съ казаками, разбрелись въ безопасныя мѣста. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Есть основаніе думать, что илавлинскіе разбойники, кромѣ тѣсной связи съ волжскими казаками, были въ тѣсныхъ отношеніяхъ и съ донскими, иначе илавлинская экспедиція не кончилась бы такъ пусто. Ястребенковъ не даромъ говорилъ, что атаманъ Мельниковъ съ своею командой *дѣлаетъ непорядки*, а между тѣмъ отъ этихъ непорядковъ зависѣла жизнь и спокойствіе



цѣлаго края. Вообще понизовые бурлаки были счастливѣе на Илавлѣ, чѣмъ на Волгѣ <sup>1)</sup>.

Съ наступленіемъ зимы 1778 года, когда разъѣздные отряды возвратились съ Илавли на зимнія квартиры, разбойники снова начали собираться партіями и нападать на обозы, проходившіе по степямъ и по Волгѣ, и на отдѣльно-стоящія поселенія, хотя нѣсколько измѣнили свою тактику. Имъ уже нельзя было собираться огромными шайками и цѣлые мѣсяцы проводить въ лѣсу, въ уединенныхъ притонахъ, откуда по временамъ отправлялись экспедиціи въ ближайшія деревни; суровое время заставило ихъ искать убѣжища въ жилыхъ мѣстахъ, у пристанодержателей. Само собою разумѣется, что, живя такимъ образомъ, трудно было держать частыя совѣщанія, и потому разбойники ограничивались маленькими сходками, человекъ по два по три, и, сговорившись о мѣстѣ соединенія, они выходили на разбой на самое короткое время и скоро возвращались каждый къ своему пристанодержателю. Но прежде, чѣмъ скажемъ о зимнихъ экспедиціяхъ, которыя возобновлялись почти каждый годъ въ теченіе четырехъ лѣтъ, приведемъ нѣсколько свѣдѣній о разбояхъ на самой Волгѣ.

Весна 1789 года опять вызвала понизовыхъ бурлаковъ къ ихъ привычной дѣятельности. Съ появленіемъ на Волгѣ судовъ явились и разбойничьи лодки, а вслѣдъ за ними поплыли для дозора разъѣздные ко-

---

<sup>1)</sup> Цар. арх. № 716. Дѣло о поимкѣ воровъ и разбойниковъ, появившихся на рѣкѣ Илавль и Волгѣ. 1778.



манды изъ Камышина, Дубовки, Царицына и Чернаго Яра. Хотя опасное ремесло разбойника едва ли кому могло казаться привлекательнымъ; однако, жизнь бѣднаго населенія была такъ некрасна, существованіе на бѣломъ свѣтѣ для многихъ было такой тяжелой обязанностью, кусокъ хлѣба такъ трудно вырабатывался, что даже простой мужичекъ рѣшался иногда, конечно, не изъ баловства и не для шутки, не отъ избытка счастья, а съ горя выйти на Волгу и попытаться добыть денегъ, которыя честнымъ трудомъ такъ нелегко добывались. Мы вообще думаемъ, что только очень достаточныя побужденія выгоняютъ робкаго мужика на большую дорогу; нелегка была жизнь и поволжскаго бурлака. Весной 1779 года начались переговоры между нѣкоторыми крестьянами поволжскихъ деревень <sup>1)</sup>: между прочимъ составилаь небольшая шайка въ среднемъ Ахтубинскомъ городкѣ, приписанномъ къ ахтубинскимъ шелковичнымъ плантаціямъ; нѣсколько человекъ крестьянъ, согласившись «разбивать плывущія по рѣкѣ Волгѣ суда», подговорили въ свою шайку нѣкоторыхъ изъ жителей верхняго погромнаго городка и начали готовиться къ выступленію на Волгу. Конечно, когда составилаь шайка, приступили къ избранію атамана и эсаула, и первымъ избранъ былъ Василій Тимофѣевъ, двадцативосьмилѣтній крестьянинъ, казавшійся имъ достойнымъ этого почетнаго званія; эсауломъ къ нему выбрали крестьянина Погромнаго городка Андрея Та-

---

<sup>1)</sup> Цар. арх. № 776. Дѣло о разбойническомъ атаманѣ Васильѣ Тимофеевѣ, эсаулѣ Андрѣѣ Татаринѣ, съ шайкою. 1799 г.



таринова. Разбойники приготовили нѣсколько ружей, атаманъ купилъ себѣ, кромѣ того, пистолеть (за который заплатилъ полтинникъ!), шашку, достали пороху, желѣзный кистень и 25-го мая, взявъ небольшую лодку, выѣхали на Волгу въ числѣ только шести человѣкъ и направились прямо къ Денежному острову, лежащему въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Царицына. Это было самое удобное мѣсто для наблюденія за проходящими по Волгѣ судами, и разбойники избрали его для своей стоянки, остановившись на самомъ «приверхѣ» острова, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ дѣлитъ Волгу на два рукава. Разбойники провели ночь въ своемъ станѣ, провели и весь слѣдующій день, наблюдая за всѣмъ, что происходило на Волгѣ: наконецъ, на закатѣ солнца они выбрали одно сплавное судно, шедшее сверху, и, сообразивъ, что оно не устоитъ противъ нихъ, потому что не было защищено ни однимъ орудіемъ, атаковали его и ограбили. Судно это принадлежало балахнинскому дворцовому крестьянину Овчинникову, провіантскому поставщику, и находилось подъ присмотромъ работника его, экономическаго крестьянина Бѣлухина. Такъ какъ судно нагружено было хлѣбомъ, а не красными или другими цѣнными товарами, то разбойники и не могли собрать на немъ богатой добычи: они взяли желѣзный сундучекъ съ деньгами, какія находились на суднѣ, разное платье, топоры и прочіе инструменты, нужные для домашняго обихода, захватили четверикъ пшена себѣ на кашу и отпустили судно, не сдѣлавъ никому вреда. Едва они возвратились къ своему стану, на приверхѣ острова, и



раздѣлили добычу, какъ увидѣли снова два судна, плывшія сверху, и, пропустивъ первое изъ нихъ, сдѣлали нападеніе на второе. Судно было защищено и, замѣтивъ приближеніе разбойниковъ, встрѣтило ихъ выстрѣлами изъ пушки; не имѣя равнаго оружія, разбойники должны были отступить, и такимъ образомъ судно прошло благополучно. Опасаясь, вѣроятно, чтобы станъ ихъ на Денежномъ островѣ, не былъ открытъ, и они не переловлены царицынскими разбѣздами, въ случаѣ подачи объявленія однимъ ограбленнымъ и другимъ спасшимся судномъ, разбойники не ночевали въ станѣ, а поплыли на другую сторону Волги, нагорную, и пристали къ берегу выше устья рѣчки Второй Мечетной; тамъ они расположились ночлегомъ, а утромъ опять направились къ Ахтубѣ. Но когда ночью они пристали къ берегу въ среднемъ Ахтубинскомъ городкѣ, на нихъ напала разбѣздная команда, высланная изъ Царицына, подъ начальствомъ пятидесятника Протопопова, «ради поиску и искорененія воровъ, разбойниковъ и ихъ пристанодержателей»; къ разбѣздному отряду присоединились крестьяне Ахтубинскаго городка, — и разбойники должны были сдаться. Но одинъ изъ нихъ, желая спастись, бросился въ воду, чтобы вплавъ перебраться на другую сторону Ахтубы; въ то время, когда онъ уже плылъ, раздался выстрѣлъ, и разбойникъ былъ убитъ кѣмъ-то изъ разбѣздной команды.

На другой день разбойники привезены были въ Царицынъ, сданы, вмѣстѣ съ оружіемъ и пограбленными вещами, въ комендантскую канцелярію и въ тотъ же день допрошены. Атаманъ признался во всемъ,



эсауль также, а за ними и ихъ подначальные товарищи. Все, что было взято ими съ судна, возвращено по принадлежности, кромѣ денегъ, которыя были разобраны ахтубинскими крестьянами при поимкѣ разбойниковъ; сами они отправлены были въ воеводскую канцелярію, «для надлежащаго по законамъ изслѣдованія и за дерзости ихъ наказанія».

Именнымъ указомъ, отъ 1763 года 10-го февраля, повелѣвалось выдавать изъ казны денежныя награды всякому, кто поймаетъ вора или разбойника и приведетъ въ судъ; за разбойничьяго атамана велѣно было платить по 30 рублей, за простаго разбойника 10, а за пристанодержателя 50 рублей. На основаніи этого указа пятидесятникъ Протопоповъ, поймавшій, вмѣстѣ съ своимъ отрядомъ, атамана Тимофѣева, его эсаула и двухъ разбойниковъ, требовалъ себѣ вознагражденія. Долго не получая его, онъ подалъ коменданту «доношеніе», которое мы выписываемъ ниже <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> «Пойманные мною съ командою воровской атаманъ, есауль и разбойники отъ комендантской отосланы въ воеводскую канцелярію при промеморіи, а таково-жъ требовано о выдачѣ мнѣ съ командою за поимку тѣхъ разбойниковъ принадлежащихъ денегъ, но точію я и понынѣ неудовольствованъ; а высочайшимъ имяннымъ ея императорскаго величества, состоявшимся 763 г. февраля 10, опубликованнымъ въ народъ указомъ, по 4 пункту между прочаго ясно изображено: «если кто разбойническаго атамана или разбойника поймавъ приведетъ, таковымъ давать изъ казны нашей за атамана по тридцати, а за разбойника по десяти рублей, а возвращать оныя потомъ въ казну», и откуда, то въ томъ указѣ изъяснено-жъ. Того ради царицынскую комендантскую канцелярію покорнѣйше прошу, всходность всевысочайшаго матерняго ея императорскаго величества (указа), обнародованнаго вѣрноподданнымъ къ поощренію ловить и приводить воровъ, о выдачѣ за то награжденія мнѣ съ командою, повелѣннаго за приводъ атамана и трехъ человѣкъ разбойниковъ, въ



Само собою разумѣется, что уничтоженіе такой незначительной шайки, какъ Тимофѣева, не имѣло никакихъ послѣдствій для прочихъ поволжскихъ разбойниковъ. Такое болѣзненное явленіе въ русской исторіи, какъ поволжскіе разбои, не могло быть закрыто въ народной жизни одними палліативными средствами, потому что корни его лежали глубоко.

числѣ коихъ и есауль, дабы какъ я, такъ команда моя, за неудовольствіемъ остатка обиженными быть не могли, о томъ въ царицынскую воеводскую канцелярію покорнѣйше прошу сообщить еще промеморію, учинить милостивую резолюцію.»



## Атаманъ Шагала и Рыжій.

### I.

Истребленіе поволжскихъ разбойничьихъ шаякъ, при всей ихъ многочисленности, не было сопряжено съ такими трудностями, какъ преслѣдованіе воровскихъ партій, бродившихъ по степямъ и лѣсамъ и производившихъ свои набѣги или пѣшими отрядами въ десять, двадцать и тридцать человѣкъ, или на лошадяхъ, смотря по обстоятельствамъ и мѣсту дѣйствія. Поволжскія шайки, разъѣзжавшія вдоль береговъ Волги, всегда могли опасаться встрѣтить разъѣздныя команды, наконецъ, могли быть атакованы съ берега, въ самыхъ притонахъ, между тѣмъ какъ лѣса и степи съ своими балками и оврагами представляли для разбойниковъ безопасныя убѣжища. Притомъ сухопутныя шайки могли скорѣе, въ случаѣ опасности, расходиться по домамъ, у кого было свое пристанище, или къ становщикамъ, которыхъ можно было найти въ каждой деревнѣ. Въ эти шайки шли не одни понизовые бурлаки и бродячая вольница, но



и люди осѣдлые, крестьяне, спокойно возвращавшіеся къ сохѣ и боронѣ, послѣ удачной экспедиціи. Оттого иной разбойникъ, въ разное время, могъ участвовать въ нѣсколькихъ шайкахъ и, бросивъ одного атамана, когда его товарищамъ угрожала опасность, выжидалъ удобнаго случая, чтобъ или самому «подобрать» вѣрныхъ людей, или примкнуть къ другому удалцу. Такъ разбойники трехъ шакъ, грабившихъ въ поволжьѣ въ продолженіе десяти лѣтъ, 1771—1781 г.), атамановъ Ивана Рыжаго, Шагала и Дегтяренка, — одни и тѣ же лица, — то иногда являются въ шайкѣ одного, то другаго <sup>1)</sup>).

Этимъ характеромъ отличаются похождения Шагала, бывшаго и простымъ разбойникомъ у Ивана Рыжаго, и атаманомъ другой шайки. Шагала представляетъ собой олицетвореніе типа тогдашняго понизоваго бурлака, о родѣ и племени котораго никто, кромѣ его самого, не зналъ; имени опредѣленнаго онъ также не носилъ, хотя и былъ приписанъ къ обществу камышинскихъ малороссіянъ «нагорной стороны», подъ именемъ Василья Полякова. Послѣ оказалось, что имя его было совсѣмъ не то, какое стояло въ именныхъ спискахъ камышинскихъ малороссіянъ и даже не Шагала, какъ онъ слылъ въ народѣ. Относительно этого прозвища онъ говорилъ, когда его впослѣдствіи поймали. «Я же называюсь и Шагала, оттого что назадъ тому года съ

---

<sup>1)</sup> Цар. арх. № 701. Дѣло о разбойникахъ вѣдомства царицынской канцеляріи, приписныхъ въ подушный окладъ малороссіянъ Иванъ Збойковъ и бѣгомъ царицынскаго 1-го баталіона солдатъ Василь Овчинниковъ. 1778 года.



четыре послѣ пугачовщины здѣшній малороссіянинъ, Софронъ Вискалинъ, кой и нынѣ живъ, ходя со мною въ осеннее время для работъ, черезъ случившіеся на то время ручейки, усмотрѣлъ меня перепрыгивающимъ, сказалъ: «*Будь отнынѣ Шагала*». О происхожденіи своемъ Шагала рассказывалъ, будто отецъ его былъ родомъ малороссіянинъ изъ города Рыльска, откуда еще въ молодости переселился на Донъ и, занимаясь плотничнымъ ремесломъ, жилъ въ разныхъ мѣстахъ. «Между тѣмъ въ Пятиизбянской станицѣ сжился б..... дѣломъ съ россійскою женщиною, Марьею Лаврентьевою дочерью, кою и имѣлъ безъ вѣнца за свою жену, и, живучи въ той станицѣ, отъ ней рожденъ я, а больше у нихъ дѣтей не было. Я при матери, до смерти ея, былъ лѣтъ восьми, а послѣ той ея смерти, отецъ мой сошелъ со мною въ волгское войско, въ городокъ Дубовку и работалъ тамъ, вскармливая меня, по разнымъ людямъ; а оттуда, оставя меня у волгскаго казака, Кирея Степанова, сына Мигузова, пошелъ онъ работать на Донъ, гдѣ и померъ.» Будущій разбойникъ остался послѣ отца лѣтъ пятнадцати и жилъ у казака Мигузова года четыре. Деятнадцати лѣтъ онъ началъ свою бродячую жизнь, оставивъ Мигузова и переселившись въ Дубовку, гдѣ жилъ у казака Семисотнова не больше года; затѣмъ перебрался въ Балыклейскую станицу и нанялся къ казаку Бочарову «къ рыбной ловлѣ на лодку, въ весельную работу». Здѣсь онъ прожилъ лѣтъ восемь, и Бочаровъ, за усердіе Шагала, записалъ его въ Камышинъ, въ число малороссіянъ, назвавъ сиротою. Когда волжское войско переведено было на



такъ-называемую «новую линію», въ Моздокъ, и Бочаровъ уѣхалъ вмѣстѣ съ другими казаками, Шагала остался въ Балыклейской станицѣ и переходилъ отъ одного хозяина къ другому.

Во время этихъ странствій по дворамъ, перекочевывая съ хутора на хуторъ, въ 1776 году Шагала поселился у камышинскаго бобыля Алексѣя Рускова, на рѣчкѣ Елховкѣ, и женился, говоритъ онъ, на дочери его, «дѣвкѣ Аннѣ, съ которою и вѣнченъ въ здѣшной (камышинской) городской успенской церкви; но кто былъ священникъ, не припомню. Женись жилъ у тово тестя около году, а потомъ, не захотя съ нимъ вмѣстѣ жить, передъ Покровомъ днемъ отошелъ и съ своею женою къ живущему на той же рѣчкѣ Елховкѣ своимъ хуторомъ не больше какъ въ полуверстѣ, здѣшнему мѣщанину Василью Алексѣеву, сыну Свѣтышеву, онъ же прозывается и Разстрыгинъ; и жилъ у него въ особливой землянкѣ.» Бродячая жизнь сводила его не разъ съ людьми такого закала, для которыхъ не было другаго дѣла, какъ «подбирать воровскія партіи», жить лѣто на волѣ, на конѣ и съ пикой, а зиму—въ острогѣ. Сидя въ кабакѣ, бродяги и прочая «голытьба» обыкновенно заводили рѣчь о трудности своего житья-бытья, о тяжелой нищетѣ, о провинностяхъ, къ которымъ приводила эта же нищета, о томъ, что рано ли, поздно ли, безпаспортная жизнь доведетъ до острога, до тяжелыхъ наказаній, — что не легко выправлять эти паспорта бѣдному батраку, еслибъ онъ и хотѣлъ избавиться отъ бродяжничества; говорили и о томъ, что есть-де и богатые люди, которые не боятся остроговъ, во-время



ѣдятъ и пьютъ, во-время спать и веселятся, тепло одѣты, никѣмъ не обижены. Отсюда рѣчь заходила въ сторону; говорилось, наприимѣръ, о томъ, что есть-де и такой народъ, что пьютъ-ѣдятъ некупленное, носятъ платье съ чужаго плеча, никого не боятся; что живутъ они среди степи, знаютъ одного атамана-батюшку, да и тотъ такой же, какъ они, простой бурлакъ, который слушается артели.... Вотъ такой кабацкій знакомый пріѣхалъ однажды и къ Шагаль. Пріѣзжаго звали Иваномъ Чернымъ («онъ же прозывается и Щербакъ, потому что у него нѣтъ во ртѣ одного передняго зуба»), и жилъ онъ, въ качествѣ батрака, у одного малороссіянина, по имени Островскаго, на Княжихъ или Костаревыхъ хуторахъ. Черный звалъ Шагала на эти хутора въ гости къ малороссіянину Сумцову гулять, какъ онъ выражался, имѣя на самомъ дѣлѣ намѣреніе привлечь его въ шайку, которая собиралась у послѣдняго. Шагала поѣхалъ съ нимъ и нашелъ у Сумцова гостя, пріѣхавшаго изъ волжскаго войска, стараго отставнаго казака, Василья Колесникова съ сыномъ Иваномъ; хозяинъ и гости пьянствовали, а вмѣстѣ съ ними стали пить Шагала и Щербакъ и все семейство старика Сумцова; у Сумцова же, кромѣ того, былъ въ работникахъ бродяга «русскій человѣкъ», Иванъ Рыжій, который также присталъ къ попойкѣ на правахъ разбойника. Между тѣмъ старики Сумцовъ и Колесниковъ заговорили о «разбойномъ дѣлѣ»; думали ѣхать въ волжское войско — разбивать богатыхъ людей. Составилась маленькая шайка: старый Сумцовъ съ двумя сыновьями, ихъ батракъ Рыжій, старый Колесниковъ съ сыномъ



и Шагала съ Щербакомъ, — всего семь человѣкъ. У каждаго была верховая лошадь, кромѣ молодаго Колесникова и Шагала, у котораго конь не годился для разбоевъ и быстрыхъ переѣздовъ. Нужно было достать лошадей, и Шагала съ Колесниковымъ въ ту же ночь успѣли съѣздить въ сосѣдніе Барановскіе хутора, украли тамъ изъ табуна пару коней и воротились къ шайкѣ. Здѣсь произошло избраніе атамана и эсаула, и атаманская власть досталась на долю Ивана Рыжаго, волѣ котораго, вѣроятно, всѣмъ было безопасно покориться, да и удалъ его, безъ сомнѣнія, была уже испытана, когда такіе старые люди, какъ Сумцовъ и Колесниковъ, признали надъ собой его голосъ. Эсауломъ шайки назначенъ былъ молодой Колесниковъ.

Прежде всего разбойники отправились въ предѣлы волжскаго войска, именно на Саламатины хутора, къ знакомому казаку Гусеву, который снабдилъ ихъ на дорогу хлѣбомъ и выпроводилъ въ путь. Въ осеннюю ночь (это было въ концѣ октября 1777 года), они выѣхали отъ Гусева, и атаманъ повелъ ихъ степью, прямо черезъ сыртъ, въ предѣлы войска донскаго. Всѣ разбойники были на коняхъ и вооружены, какъ походные ратники. Скоро они пріѣхали на рѣчку Тишанку, въ округъ Качалинской станицы, и напали на хуторъ донскаго полковника Дулимова: окруживъ его домъ, они схватили Дулимова, его маленькаго пасынка и бывшаго съ нимъ крестьянина, перевязали ихъ и начали грабить все, что было цѣннаго въ домѣ; брали деньги, лошадей, кафтаны и другое платье, казачьи арчаки (сѣдла); взяли ружья на погонѣ, *турку* (такъ на-



зывался особый родъ ружей) и сверхъ того захватили «масла коровьева пуда съ два». Ограбивъ Дулимова, они въ ту же ночь поворотили къ сѣверу, проскакали верстъ двадцать пять безъ роздыха и явились на Илавлѣ, въ Балыклейскихъ хуторахъ, гдѣ жилъ богатый казакъ Трофимъ Монацковъ, можетъ быть, потомокъ того «Сеньки Монацкова злодѣя», который

Крѣпкой думушки съ стариками не думывалъ, —

Думывалъ онъ крѣпкую думушку со ярыжками...

Перекинулся собака ко азовскому пашѣ <sup>1)</sup>).

Вѣхавъ въ хуторъ, разбойники бросились къ усадьбѣ Монацкова, окружили его домъ, желая схватить самого хозяина. Но Монацковъ успѣлъ выскочить изъ дому, бросился бѣжать отъ разбойниковъ, которые замѣтили его и пустились въ погоню. Нѣсколько разъ молодой Колесниковъ, эсаулъ шайки, догонялъ Монацкова; нѣсколько разъ, настигнувъ бѣглеца, кололъ его («толкалъ») дротикомъ, но или тупа была пика, или невѣренъ былъ ударъ, только Монацковъ не падалъ; эсаулъ пустилъ ему, наконецъ, въ догонку пулю изъ своей винтовки, — но и пуля не убила его. Монацковъ скрылся, добѣжавъ до рѣки. Между тѣмъ другіе разбойники грабили его домъ: забирали деньги и платье, захватили

---

<sup>1)</sup> Этотъ Сенька Монацковъ измѣнилъ казакамъ и бѣжалъ въ Азовъ. Когда паша спрашивалъ его, «что думаютъ въ черкасскомъ городу», онъ отвѣчалъ, что старики пьютъ-гуляютъ, «по бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ». Тогда паша, чтобъ казаки не прошли въ море, протянулъ черезъ Каланчу-руку цѣпи, привязалъ къ нимъ струны и «подвелъ ихъ къ звонкимъ колколамъ». Ни одна лодка не могла пройти, не задѣвъ за цѣпь: «тогда звонили колокола, и турки вооружались», но казаки обманули турокъ.



до шестидесяти аршинъ холста, одиннадцать паръ сапоговъ, тринадцать паръ рукавицъ бараньихъ, пятьдесятъ паръ подошвъ, «бешметъ китаишной синей одинъ, сарафанъ женской кумачной одинъ, двѣ женскія сорочки съ подзатыльниками золотого позументу, шапокъ красныхъ двѣ, зеленую съ ушками одну, кушакъ полупелюковой одинъ, рубахъ мужскихъ бѣлыхъ три, портъ тяжныхъ двои, два ружья, арчакъ съ приборомъ и сѣделкой одинъ, масла коровьева четыре пуда, меду полпуда» и т. д. Самъ атаманъ бросился съ огнемъ въ клѣтъ; анбаръ тотчасъ вспыхнулъ; за нимъ загорѣлся чуланъ, бывшій въ одной связи съ анбаромъ; въ то же мгновеніе пламя охватило избу, крытую соломой, — и огонь быстро распространился <sup>1)</sup>. Въ домѣ, въ чуланѣ спали маленькіе дѣти, мальчикъ и дѣвочка. Когда пламя разлилось по всему строенію, разбойникъ Шагала бросился въ чуланъ спасать дѣтей и вынесъ ихъ на своихъ рукахъ со всѣмъ съ постелью <sup>2)</sup>. Оставивъ дѣтей и видя, что хуторъ весь горитъ, разбойники бросились въ сторону, опасаясь погони. «Испугавшись, чтобъ на пожаръ не сбѣжались люди, поѣхали всѣ наскорѣ по рѣкѣ Илавлѣ, не доѣзжая Саламатиныхъ хуторовъ, въ сырту, пограбленное у Дулимова и Монацкова по себѣ раздували», говорилъ Шагала. На долю каждого разбойника досталась довольно-цѣнная добыча; награб-

---

<sup>1)</sup> Послѣ разбойники говорили, что атаманъ нечаянно зажегъ хуторъ: доставая со стѣны ружья, онъ поджегъ висѣвшія тамъ конопли.

<sup>2)</sup> «И я едва успѣлъ изъ чулана вынести спящихъ на постелѣ малолѣтнихъ мальчика и дѣвочку, коихъ и съ тою постелею отъ погорѣнія спасъ и оставилъ ихъ въ живыхъ», говорилъ впослѣдствіи Шагала на допросѣ.



лено было столько, что каждый могъ брать изъ вещей что угодно— «брать отъ товарищей было невозбранно».

Послѣ этого набѣга шайка на время разошлась, и каждый изъ разбойниковъ поѣхалъ въ свой домъ. Шагала съ Щербакомъ отправились на Саламатины хутора, къ пристанодержателю Гусеву, о которомъ мы упоминали выше, и отдали ему всю добычу на сохраненіе. Шагала, кромѣ того, предложилъ хозяйкѣ дома, женѣ Гусева, подарокъ отъ себя, именно кумачный сарафанъ, взятый у Монацкова. На другой день разбойники еще разъ собрались у стараго Сумцова и отпраздновали удачную экспедицію, — «цѣлой день пили магарычи». Шагала отправился потомъ домой, въ свою бѣдную землянку, пѣшкомъ, потому что не посмѣлъ ѣхать на краденой лошади и бросилъ ее въ Саламатинскихъ займищахъ. Мѣщанинъ Светышевъ, у котораго Шагала занималъ землянку, понялъ, что постоялецъ его не даромъ пропадалъ около десяти дней и воротился безъ лошади; что сосѣдство такого гостя, какъ Шагала, весьма опасно. Когда Светышевъ спросилъ его о причинѣ отлучки и потерѣ лошади, Шагала отвѣчалъ, что «пьянствовалъ на Илавлѣ у разныхъ знакомыхъ людей, а лошадь продалъ». — «Знать, ты не за добромъ отгуливаешь», говорилъ ему Светышевъ и велѣлъ оставить землянку: «выбирайся вонъ изъ моего дому, чтобъ мнѣ за тебя не нажить хлопотъ». Прогнанный Светышевымъ, Шагала опять началъ бродить съ мѣста на мѣсто, перетаскивая съ собой и жену, которая ни въ чемъ не была виновата: сначала онъ жилъ у тестя, но покойная жизнь не удовлетворяла его, а бѣдность вынуждала искать



средствъ для существованія. И вотъ онъ пригласилъ къ себѣ четырехъ товарищей, чтобы на слѣдующее лѣто отправиться на Елтонское озеро ломать соль; наняли себѣ за Волгой, въ Николаевской слободѣ, землянку и поселились въ ней. Но судьба какъ бы нарочно толкала бродягу на новыя приключенія, на новые переходы съ мѣста на мѣсто, на безконечное по бѣлу свѣту мыканье, въ которомъ вполнѣ выражается невеселая жизнь русскаго батрака. Во время этихъ переходовъ онъ посѣтилъ мѣста, гдѣ начались его первые разбои; исходилъ все волжское войско, батрачилъ по самымъ глухимъ захоlustьямъ и, наконецъ, лѣтомъ 1778 года, услышалъ, что нѣкоторые изъ товарищей его по разбою взяты подъ караулъ и преданы суду. Опасно было возвращаться домой, и Шагала, забывъ жену и свое жалкое хозяйство, снова забирался въ глушь, пока не набрелъ на людей, которые узнали въ немъ разбойника, бывшаго въ шайкѣ Рыжаго. Его поймалъ казакъ Забурунновъ, которому впослѣдствіи Шагала заплатилъ разбоемъ за эту поимку. Войсковой старшина Савельевъ плетью заставилъ Шагалу признаться въ своихъ преступленіяхъ, хотя не вынудилъ у него признанія въ томъ, кто онъ и откуда. Сначала Шагала говорилъ, что онъ бѣглый рекрутъ; но старые казаки уличали разбойника тѣмъ, что знали его еще маленькимъ, когда онъ жилъ въ волжскомъ войскѣ; доказывали, что онъ взросъ между ними. Савельевъ набилъ ему на ноги большія колодки и отправилъ въ Дубовку, гдѣ Шагалу и засадили въ тюрьму. Наконецъ, разбойникъ повинился во всемъ, и такъ какъ дѣло о шайкѣ



Рыжаго производилось въ Камышинѣ, то и Шагала отправили туда съ двумя конвойными казаками. Ночью они выѣхали изъ Дубовки, заѣхавъ предварительно въ кабакъ, гдѣ Шагала напоилъ конвойныхъ до-пьяна и самъ напился; кромѣ того, онъ взялъ на дорогу, какъ самъ говорилъ, «хорошую бутылку вина», которая и спасла его въ дорогѣ. До перваго форпоста, что стоитъ въ широкомъ буеракѣ, они доѣхали благополучно; а когда на другой день утромъ конвойные смѣнились, и Шагала приближался къ Балыклейскому форпосту, Шагала сталъ снова поить своихъ караульныхъ. Наконецъ, выбравъ удобную минуту, онъ снялъ съ ноги колодку и, «ударя кулакомъ того казака, что на телѣгѣ сидѣлъ, по затылку такъ больно, что онъ съ телѣги свалился запылуемъ, ушелъ въ лѣсъ, и, хотя меня другой караульщикъ (верховой казакъ) и ловилъ, но не поймалъ».

Глухими дорогами Шагала пробрался на Липовы хутора, къ пристанодержателю Никольскому, бывшему яицкому казаку, перешедшему послѣ въ волжское войско. Подобно всѣмъ яицкимъ казакамъ, Никольскій мало подчинялся стѣснительному порядку и, если самъ не всегда ходилъ на разбой, то охотно принималъ понизовую вольницу, снабжалъ ее всѣмъ необходимымъ и снаряжалъ въ воровскіе походы. У Никольскаго Шагала опять встрѣтилъ извѣстнаго атамана Ивана Рыжаго, вся жизнь котораго отдана была сформированію шакъ и безконечнымъ разбоямъ. Отданный въ рекруты еще въ 1771 г. по мірскому приговору государственныхъ крестьянъ села Кріушей, симбирскаго уѣзда, онъ вскорѣ, послѣ приведенія къ присягѣ, бѣжалъ изъ рекрутской



партіи и восемь лѣтъ бродилъ по всему поволжью, оставляя по себѣ память вездѣ, куда ни заносила его бочевая жизнь понизоваго бурлака: жилъ онъ и у нѣмецкихъ колонистовъ за Волгой, и ломалъ соль на Елтонскомъ озерѣ, вмѣстѣ съ прочей вольницей, и ходилъ по Волгѣ на судахъ, былъ и въ волжскомъ войскѣ, пробрался, наконецъ, на Терекъ. Но на одной покражѣ онъ былъ пойманъ отцемъ того казака Забуруннаго, который изловилъ Шагала, былъ въ Царицынѣ подъ судомъ, получилъ 6,000 ударовъ шпиль-рутенъ и отданъ въ царицынскій баталіонъ въ солдаты, откуда, по выздоровленіи, едва зажили на спинѣ кровавые слѣды наказанія, бѣжалъ на третій день по опредѣленіи въ службу и увелъ съ собой еще трехъ солдатъ, сдѣлавшихся подобными ему разбойниками. У Никольскаго же Шагала встрѣтилъ еще одного разбойника, который слылъ подъ именемъ *стародубскаго купца Якова* и былъ однимъ изъ лучшихъ пріятелей атамана Рыжаго. Естественно, что Рыжій не замедлилъ пригласить Шагала въ свою шайку, говоря: *Есть у насъ добрые товарищи, не хочешь ли съ нами разбойничать?* Шагаль ничего больше не оставалось какъ принять предложеніе атамана, который вскорѣ и объявилъ воровской походъ въ окрестныя степи, на большія проѣзжія дороги. Шайка сошлась у Никольскаго, и Рыжій, котораго разбойники называли *предводителемъ*, повелъ товарищей прежде всего добывать лошадей: каждый взялъ узду, и шайка пѣшкомъ отправилась верстъ за тридцать, въ урочище Озерки, гдѣ ходилъ въ полѣ богатый табунъ войсковаго атамана волжскаго войска, Василя Персидскаго. Разбой-



ники выбрали для себя самыхъ лучшихъ коней, взяли нѣсколько казачьихъ арчаковъ съ приборомъ, ружье, дротикъ и къ ночи воротились къ Никольскому. Однако, вся шайка не въѣзжала въ хуторъ, чтобъ не обратить на себя вниманіе, а остановилась въ сосѣднемъ бугорѣ; разбойники отдали лошадей подъ присмотръ нѣкоторымъ изъ товарищей, отправились въ хуторъ и вскорѣ воротились съ полнымъ запасомъ оружія, съ винтовками, пистолетами, пиками, шашками, арчаками и прочей военной сбруей; они захватили въ путь съѣстныхъ припасовъ, дорожнаго платья, осѣдлали лошадей, «нарядились, точно какъ казаки», и въ ту же ночь шайка двинулась по направленію къ Волгѣ.

Рѣдко разбойники того времени избирали определенное направленіе для своихъ походовъ, рѣдко имѣли въ виду лице или мѣсто, а шли куда глаза глядятъ, били того, кто попадался, и сторожили на большихъ дорогахъ пѣшаго и коннаго; иногда, впрочемъ, дѣлали набѣги на какого-нибудь извѣстнаго богатаго человѣка, а на пути брали все, что ни встрѣчалось. Рыжій повелъ свою шайку къ Караваинской станицѣ, гдѣ у него были знакомые, съ которыми ему нужно было переговорить. Разбойники остановились въ степи, недалеко отъ станицы, а атаманъ съ однимъ изъ разбойниковъ, котораго называлъ Димитріемъ *Легионнымъ*, потому что онъ служилъ когда-то въ московскомъ легионѣ, заходилъ въ станицу на нѣсколько часовъ, откуда принесъ для шайки хлѣба и еще одинъ пистолетъ. Затѣмъ шайка направила путь къ Антиповской станицѣ; все въ ту же ночь и еще до разсвѣта, за полверсты отъ ста-



ницы, атаманъ приказалъ остановиться въ полѣ кормить лошадей, а самъ взялъ съ собою эсаула и Легіоннаго и отправился съ ними въ станицу, гдѣ у него и въ Караваинкахъ были пріятели и становщики. На разсвѣтѣ Рыжій воротился и опять принесъ съ собою хлѣба и пару пистолетовъ. Онъ сообщилъ товарищамъ, что въ тотъ день одинъ изъ его недруговъ и врагъ Шагала, подпоручикъ Забурунновъ, поѣдетъ въ Камышинъ. Положено было ограбить Забуруннова. Не медля ни минуты, шайка поскакала по направленію къ Камышину и остановилась въ Широкинскихъ вершинахъ, гдѣ намѣревалась встрѣтить Забуруннова. Разбойники вывели лошадей на опушку лѣса и, спутавъ ихъ, пустили на поляну пастись, а сами залегли по кустамъ. Легіонный назначенъ былъ часовымъ и, для наблюденія за проѣзжими, взлѣзъ на высокое дерево, откуда видна была вся окрестность. Разбойники недолго ждали: «ѣдетъ!» закричалъ караульный, и въ одно мгновеніе шайка была готова; всѣ сѣли на лошадей, поскакали на встрѣчу Забуруннову, сдѣлали кругъ около его кибитки и повели съ дороги въ лѣсъ, на ту поляну, гдѣ паслись ихъ лошади. Забурунновъ былъ не одинъ; съ нимъ была его жена; на нее сильно подѣйствовало появленіе разбойниковъ, которые, впрочемъ, какъ сами потомъ увѣряли, обошлись съ своими плѣнными очень великодушно и не произнесли даже ни одного «браннаго слова». «И хотя Легіонный Дмитрій (одинъ изъ самыхъ буйныхъ и дѣятельныхъ разбойниковъ) и стращалъ его, Забуруннова, повѣсить или застрѣлить, прикладываясь нарочно изъ ружья, но какъ на то у насъ



условія не было и отъ атамана приказу не отдано, а онъ, Забурунновъ, ни въ чемъ не противился, жена ево и малолѣтній слуга плакали, то, взявъ у него грабежомъ изъ кибитки денегъ двадцать одинъ рубль, саблю офицерскую съ мѣдною оправою одну, ружье одно, патронницу съ патронами, платокъ бумажной пестрой одинъ, да сняли съ одной лошади узду и со слуги ево шапку, не чиня никакова насилія, не только побой, ниже браннова слова, выпровадя на дорогу, отпустили» <sup>1)</sup>. Ограбивъ Забуруннова, они тотчасъ же остановили еще двухъ проѣзжихъ, слѣдовавшихъ въ Камышинъ, и отняли у нихъ нѣсколько денегъ. Потомъ поскакали въ горы, въ такъ называемыя Сестренины вершины, гдѣ остановились для дувана пограбленнаго, и, раздѣливъ деньги и вещи, поскакали далѣе, по направленію къ Илавлѣ. Но едва разбойники переѣхали эту рѣчку, какъ увидѣли обозъ, подвигавшійся къ Саламатинымъ хуторамъ. Не медля нисколько, они поскакали на проѣзжихъ и по обыкновенію окликнули ихъ: «что за люди?» «Камышинскіе!» отвѣчали проѣзжіе торговцы и безъ сопротивленія отдались въ руки шайки. Разбойники и этихъ ограбили. Взяли нѣсколько мѣшковъ мѣдныхъ денегъ, множество платя, товару, три ружья, пороху, два казачьихъ дротика и проч. Димитрій Легіонный, какъ послѣ оказалось, и здѣсь сдѣлалъ по-своему и ловко успѣлъ припрятать отъ товарищей одинъ мѣшокъ съ деньгами. Впрочемъ, и съ

---

<sup>1)</sup> Взятъ былъ также у Забуруннова слитокъ серебра, но кто-то изъ разбойниковъ утаилъ его.



этими ограбленными жертвами, какъ съ Забурунновымъ, разбойники обошлись ласково, «не дѣлая имъ никакова зла (!) и побой, потому что они не противились».

Послѣ этого нападенія шайка болѣе двухъ дней оставалась въ лѣсу, около рѣчки Песковатки, гдѣ произошелъ новый дуванъ денегъ и пограбленной «пажити», и какъ добыча была очень богата, то въ де-лежъ шли только деньги, а всего прочаго дозволено было брать сколько душѣ угодно. Два старыхъ ружья бросили въ Песковатку, потому что въ хорошемъ оружіи уже никто не чувствовалъ недостатка, а съ лишнимъ неудобно было возиться въ быстрыхъ походахъ и въ постоянныхъ ожиданіяхъ погони. Разбойники потому оставались такъ долго на одномъ мѣстѣ, что двое сутокъ шелъ проливной дождь, да кромѣ того нужно было припрятать часть добычи, а иначе трудно было таскать съ собой и мѣшки съ деньгами, и лишнія вещи. Шайка разбрелась по лѣсу, и каждый пряталъ свои деньги и свою пажить отдѣльно, таясь отъ товарищей, потому что какъ ни дружна была шайка во всякомъ нападеніи, какъ ни строго таилась тайна ихъ общаго дѣла, однако, никто не рѣшался повѣрить своей доли другому: они прятали ее «кто куда разсудилъ, таясь одинъ отъ другаго, зарывая въ землю, а иные по малому дѣлу оставляли и при себѣ». Только Шегала не зарылъ своихъ денегъ, тайно придумывая, какъ бы покинуть шайку и пробраться въ свою землянку, къ женѣ, которую онъ такъ давно бросилъ на произволъ судьбы. Для этого онъ передалъ артели, что ему необходимо побывать въ Камышинѣ, заpastись



хорошей «сбруей» и порохомъ и просилъ товарищей отпустить его на время. Шагала былъ отпущенъ. Тогда Рыжій повелъ свою шайку за Илавлю, въ глухія медвѣдцкія и саратовскія степи, гдѣ лежала торговая дорога изъ верховыхъ городовъ къ поволжью, между тѣмъ и самая необходимость требовала немедленно удалиться отъ предѣловъ волжскаго войска, потому что слухи о шайкѣ Рыжаго начали переходить изъ устъ въ уста, и, какъ мы прежде видѣли, со всѣхъ сторонъ на Илавлю наряжены были разъѣздныя команды, по селамъ и хуторамъ разосланы были нарочные съ повѣстками, вездѣ читались приказы объ истребленіи разбойниковъ и каждая община обязана была ловить ихъ, указывать ихъ становщиковъ и выдавать тѣхъ и другихъ правительству. Но въ Красноярскомъ юрту, недалеко отъ Медвѣдицы, Рыжій снова напалъ на проѣзжихъ малороссіянъ и захватилъ богатую добычу деньгами. Недѣли двѣ онъ держалъ въ осадномъ положеніи всѣ красноярскіе хутора, бралъ съ нихъ поборъ баранами и хлѣбомъ; потомъ онъ заворотилъ свою шайку на югъ и привелъ ее къ своему становщику Никольскому, на Липовы хутора; снова произвелъ дѣлежъ награбленныхъ денегъ, арчаки велѣлъ побросать въ буеракъ, сбрую и оружіе раздать, лошадей снова пустить въ табунъ, а товарищей по домамъ, то-есть велѣлъ имъ идти, куда кто вздумаетъ, пока снова они ему не понадобятся.

Скоро мы увидимъ, что Рыжій опять встрѣтится съ своими товарищами.



II.

Мы оставили Шагала на илавлинской степи, у рѣчки Песковатки, гдѣ разбойники шайки Рыжаго зарыли въ землю свои деньги. Получивъ согласіе артели на проходъ до Камышина, Шагала поѣхалъ вдоль Илави, по направленію къ городу, однако, сознавая опасность своего положенія, не думалъ скоро возвращаться къ женѣ, а желалъ какимъ бы то ни было образомъ скрыть слѣды своихъ преступленій и рѣшился укрыться въ такихъ мѣстахъ и между такими людьми, которые его не знали. Не оставалось ничего болѣе, какъ бросить, хотя на время, ремесло разбойника и выждать, чѣмъ кончится дѣло всей шайки. У Петрушиныхъ хуторовъ, за 25 верстъ отъ Камышина, Шагала сошелъ съ своего коня, снялъ съ него сѣдло и пустилъ въ поле на свободу; свои разбойничьи доспѣхи, — ружье и пикю, вмѣстѣ съ арчакомъ, спряталъ въ терновые кусты, чтобы оружіе не могло никому попасться на глаза и навести на слѣды преступленій. Мѣшокъ съ деньгами, доставшимися ему по дувану, онъ перекинулъ черезъ плечо, въ видѣ котомки, и опять, какъ бродяга перехожій, потащился пѣшкомъ по глухимъ проселкамъ, обошелъ стороной тѣ мѣста, гдѣ могли узнать въ немъ разбойника, оставилъ вправѣ Камышинъ и выбрался на саратовскую дорогу. Когда Камышинъ остался въ сторонѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мѣста походовъ шайки Рыжаго, тогда, наконецъ, товарищи не могли уже нагнать его, еслибъ и вздумали.



Шагала рѣшился отдохнуть послѣ трудныхъ переходовъ: забравшись въ канаву, оставшуюся еще отъ шлюзныхъ работъ при Петрѣ I, когда думали соединить Волгу съ Дономъ, Шагала пролежалъ подъ землянымъ валомъ цѣлыя сутки. Около нѣмецкой колоніи Каменки онъ зарылъ въ землю свои деньги и снова сталъ такимъ же батракомъ, какъ былъ прежде, нанявшись къ колонистамъ косить сѣно. Затѣмъ онъ подрядилъ какого-то гусара, продававшего по колоніямъ деготь, отвезти его въ Саратовъ: изъ Саратова онъ переправился за Волгу, жилъ въ Покровской слободѣ, косилъ траву и жалъ хлѣбъ у тамошнихъ малороссіянъ; затѣмъ сѣлъ на судно и поплылъ къ Царицыну, гдѣ жизнь все-таки была вольнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ понизовые бурлаки могли скрыть и пріютить своего товарища бездомнаго, гдѣ можно было день проводить за работой, а ночью грѣться на разбойничьемъ притонѣ, у горящаго костра. Потомъ судьба занесла его къ одному польскому переселенцу, Петру Полякову, жившему на рѣчкѣ Пичугѣ своимъ хуторомъ, недалеко отъ Царицына. Поляковъ хотѣлъ уже Шагалу записать въ «малороссійскій окладъ», въ число приписныхъ обывателей Царицына, и Шагала соглашался навсегда остаться въ этихъ мѣстахъ и, конечно, вызвалъ бы къ себѣ жену, — какъ появились изъ Царицына полицейскіе сыщики, разосланные по всѣмъ хуторамъ и селеніямъ, потому что разбойничьи шайки и безпаспортные наводнили всѣ окрестности города, все среднее и нижнее поволжье и, наконецъ, всѣ степныя равнины между Дономъ, Мѣдвѣдицей, Хопромъ,



Бузулукомъ и Илавлей. Шагала долженъ былъ снова покинуть это покойное мѣсто и снова бродить по бѣлу свѣту. «И сошелъ я въ Качалинскую станицу (говорилъ Шагала присутствующимъ, когда его допрашивали въ Камышинѣ) и тамъ работалъ поденно на пристани до самой глубокой осени, и какъ уже работы не стало, то сошелъ я оттуда донскаго жъ войска въ Лавлинскую станицу и побывъ тамъ съ недѣлю, видя, что наступать стала зима, а безъ пашпорта нигдѣ держать не стануть, взялъ намѣреніе возвратиться въ домъ къ тестю своему бобылю Рускову и въ своихъ разбойныхъ дѣлахъ принести повинную въ димитріевской гражданской канцеляріи, почему и шелъ, пробираясь Илавлею рѣкою, и сколь скоро пришелъ въ Княжіе хутора, то тѣхъ малороссійской десятникъ Прокофей Поташевъ, имѣя отъ канцеляріи и отъ полиціи о поимкѣ меня давно публикаціи, съ прочими мірскими людьми взялъ подъ караулъ и привезъ сюда въ городъ, въ малороссійское громацкое правленіе, а изъ онаго при рапортѣ атамана Ильи Косенка представленъ въ димитріевскую гражданскую канцелярію. Окромѣ выше-значущихъ разбоевъ, въ другихъ злодѣйствахъ нигдѣ и ни съ кѣмъ я не бывалъ, смертныхъ убивствъ и пожеговъ не чинилъ, воровъ, разбойниковъ и ихъ пристанодержателей, также бѣглыхъ солдатъ, матросовъ и рекрутъ не знаю, да и что я на значущихъ разбояхъ былъ, про то жена моя Анна, Алексѣева дочь, ея отецъ, а мой тестъ, бобыль Алексѣй Русковъ, подлинно никакъ не вѣдаютъ, потому что я къ нимъ ничево изъ воровства не приносилъ и, бываючи въ отлучкахъ,



сказывалъ имъ, что находился въ работахъ, и въ семь допросѣ объявляю самую истинную правду?»

Такъ заключилъ онъ свои показанія, не зная, что сказать объ атаманѣ Рыжемъ и о судьбѣ его шайки, хотя поимка Шагала и Сумцова наводила начальство на слѣдъ прочихъ разбойниковъ. Впрочемъ, Рыжій и не думалъ измѣнять образа жизни, а составлялъ уже новые планы, ничего не зная объ участи Шагала. Распустивъ свою шайку и простившись съ нею у пристанодержателя Никольскаго, Рыжій оставилъ при себѣ только Дмитрія Легионнаго и стародубскаго купца Якова, которые всегда были самыми вѣрными его товарищами. Личность Легионнаго сама по себѣ представляетъ очень интересное явленіе, какъ типъ разбойника прошлаго вѣка, и такъ какъ онъ еще не развстрѣтится намъ впослѣдствіи, то мы и скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Настоящее имя этого человѣка Дмитрій Посконновъ. Родился онъ между яицкими казаками, въ яицкой крѣпости, и первыя впечатлѣнія, окружившія его дѣтство, были вѣчныя неурядицы и войсковыя смуты, бунты и рѣзни на улицахъ, вольныя пѣсни и недовольство всѣмъ, что нѣсколько мѣшало и разгулу, и привычной свободѣ. Когда мальчику было десять лѣтъ, отецъ его оставилъ войско и перекочевалъ въ медвѣдицко-хоперскія степи, взявъ съ собой ребенка. Онъ поселился въ Баландинскомъ городкѣ, за Медвѣдицей, гдѣ черезъ девять лѣтъ умеръ, оставивъ сына круглымъ сиротой. Сынъ бродяги, дѣвятнадцатилѣтній Дмитрій не хотѣлъ оставаться на мѣстѣ, а пошелъ



искать счастья на-сторонѣ, потому что ему было все равно гдѣ ни жить, только бы никто не стѣснялъ его привычной воли. Молодой бродяга пошелъ въ поволжье, гдѣ такую завидную славу нажила себѣ понизовая вольница, и сталъ шататься между волжскими казаками, нанимаясь въ работу не надолго и не давая своей воли въ тяжкую кабалу. Нанялся потомъ въ казаки, въ военную службу, но не больше какъ на годъ и отправился въ Саратовъ. Въ то время черезъ Саратовъ проходилъ Пугачовъ съ своими оборванными полками, оборванными полковниками и бородатыми генералами, и Посконновъ взятъ былъ въ его армію вмѣстѣ съ другими. Недалеко отъ Царицына онъ оставилъ Пугачова за болѣзнію и воротился къ своимъ прежнимъ знакомымъ, къ волжскимъ казакамъ, гдѣ оставался недолго, переходя то къ Волгѣ, то на Медвѣдицу; былъ снова въ Баландинскомъ городкѣ, гдѣ жилъ прежде съ отцемъ, потомъ опять явился въ поволжье, доходя собственнымъ опытомъ, что не такъ легка и весела жизнь понизовой вольницы, какъ ему казалось прежде. Одинъ казакъ предложилъ ему назваться своимъ сыномъ, съ тѣмъ чтобы, вмѣсто этого сына, подъ его именемъ записаться въ казаки въ московскій легіонъ; объ этомъ просилъ его и станичный атаманъ Ощепкинъ (тотъ самый, который былъ въ короткихъ отношеніяхъ съ разбойничьимъ атаманомъ Наумомъ Филиповымъ),—и Посконновъ продалъ себя, лишь бы только имѣть какое-нибудь имя и не быть бродягой, котораго всякій можетъ и задерживать, и допрашивать, и пытать. Но и въ легіонѣ онъ оста-



вался недолго и, подговоривъ шестнадцать подобныхъ себѣ товарищей, захвативъ казацкихъ лошадей, бѣжалъ съ ними изъ легіона, когда отрядъ ихъ находился на рѣчкѣ Сарпѣ. Бѣжавъ изъ войска, они по какой-то странной прихоти, тогда же вѣхали въ Дубовку и добровольно явились къ начальнику волжскаго войска, старшинѣ Савельеву, который, разумѣется, немедленно отправилъ ихъ въ Царицынъ. Дезертеры отданы были подъ караулъ, но Посконновъ, взявъ съ собой нѣсколько человѣкъ арестантовъ и тѣхъ же лошадей, на которыхъ они ушли изъ легіона, снова вырвался на свободу и сталъ разбойникомъ. Красноярская степь, между Волгой и Медвѣдицей, глухая и ровная, перерѣзанная дорогами и усѣянная сторожевыми курганами, представляла удобное поприще для разбоевъ, и товарищи Посконнова отправились на эту степь, хотя самъ онъ почему-то не могъ вѣхать съ ними. Пошатавшись нѣсколько мѣсяцевъ на Илавлѣ и по берегу Волги, Посконновъ снова по какой-то непонятной прихоти, точно въ насмѣшку, добровольно явился къ старшинѣ Савельеву, въ Дубовку, и, само собою разумѣется, отправленъ былъ подъ карауломъ въ Царицынъ вмѣстѣ съ другими колодниками. Изъ Царицына онъ опять бѣжалъ изъ-подъ караула и уже не явился ни къ кому съ повинной. Въ это время онъ столкнулся съ атаманомъ Рыжимъ и разбойникомъ Шагалою, стародубскимъ купцомъ Яковомъ и прочею вольницей шайки Рыжаго. Стародубскій купецъ—это личность нѣсколько загадочная, хотя нѣтъ сомнѣнія, что имя это было вымышленное. Онъ такъ хорошо зналъ поволжье, всѣ входы и



выходы, что служилъ проводникомъ своей шайки, и Рыжій съ Легионнымъ, послѣ разлуки съ товарищами, воспользовались его знаніемъ мѣстности.

Стародубскій купецъ провелъ атамана и Легионнаго къ Волгѣ, гдѣ они выше Балыклейской станицы, переправились на луговую сторону, чтобы укрыться отъ преслѣдованіи. Двѣ недѣли они жили въ лѣсу, ничего не предпринимая, и потомъ отправились въ Верхній Погроменскій городокъ, что на Ахтубѣ, и нашли пріютъ у одного цѣловальника. Скучая праздною жизнію, единственной цѣлію которой были разбои, они снова начали думать о томъ, какъ бы наполнить эту жизнь подвигами, сообразными съ ихъ наклонностями; снова начали сходиться и толковать о разбойныхъ дѣлахъ, о вербованіи новыхъ товарищей въ свою семью; снова являлись на нагорной сторонѣ Волги, заходили къ знакомымъ становщикамъ, узнавали о томъ, гдѣ и какъ устроились ихъ прежніе сподвижники. Особенно любили они собираться въ саду одного царицынскаго офицера, Носкова, на рѣчкѣ Пичугѣ, гдѣ ихъ радушно принималъ дворовой человѣкъ этого офицера, Сергѣй Гавриловъ, старый знакомый стародубскаго купца. Между тѣмъ этотъ послѣдній успѣлъ записаться въ число крестьянъ ахтубинскаго шелковичнаго завода «за взятку» начальствомъ его денегъ; другой разбойникъ изъ шайки Рыжаго, тоже перебравшійся за Волгу, въ Ахтубинскій городокъ, сблизился съ тамошнимъ священникомъ, нашелъ себѣ невѣсту и женился на ней. О разбояхъ стали было забывать; но въ концѣ 1778 года, на святкахъ, Рыжій пришелъ къ мнимому старо-



дубскому купцу и говорилъ: «Пичужинскіе робята зовутъ меня на разбой, разбивать обозы»... «А еще есть здѣсь бывшій съ нами Дмитрій Легіонный» сказалъ купецъ, — и пріятели порѣшили дѣло скоро. Легіонный успѣлъ отыскать еще двухъ товарищей, бывшихъ прежде въ шайкѣ Рыжаго, а самъ атаманъ, при помощи извѣстнаго уже намъ двороваго человѣка офицера Носкова, жившаго въ саду, успѣлъ подговорить новыхъ разбойниковъ съ Пичужинскихъ хуторовъ, именно малороссіянъ Збойкова и Морошникова. Это тѣ именно «пичужинскіе робята», о которыхъ онъ говорилъ старородубскому купцу. 28 декабря разбойники собрались въ саду Носкова, запаслись оружіемъ, провизіей и въ тотъ же вечеръ выѣхали на разбой. «Поберегите себя и меня» — сказалъ имъ Сергѣй Гавриловъ, провожая изъ сада. Разбойники заѣхали въ Мечетинскіе хутора, гдѣ захватили съ собой другихъ товарищей, трехъ человѣкъ, которые имѣли при себѣ по пистолету и одинъ дротикъ. Утромъ 29 числа они направились къ Царицыну, встрѣтились на дорогѣ съ знакомымъ полякомъ Мукосѣевымъ (или Бугай), который снабжалъ ихъ порохомъ и сказалъ, подобно Сергѣю Гаврилову: «берегитесь сами и меня берегите!» Проѣзжая чрезъ Царицынъ, они взяли вина и отправились внизъ по Волгѣ.

Въ первый же день, къ ночи, нагнали на берегу рѣки обозъ, слѣдовавшій изъ Москвы въ Сарепту съ товарами, отправленными въ эту колонію членами сарептскаго евангелическаго братскаго общества. При обозѣ, кромѣ поставщиковъ, коломенскихъ крестьянъ



княгини Черкасской и графини Скавронской, находилось десять человекъ рабочихъ. «Съ чѣмъ и куда ѣдете?» спросили по обыкновенію разбойники, поровнявшись съ обозомъ. — «Съ котлами и краскою въ въ колонію», отвѣчали изъ обоза. Когда наступила ночь, разбойники напали на обозъ, «выпала по нихъ, начали бить, разбивать и выпрягать изъ возовъ лошадей». Ограбили у нихъ деньги и продолжали неистовствовать, какъ вдругъ услышали вдали звяканье почтоваго колокольчика. Вскорѣ замѣтили, что скачетъ курьеръ, а за нимъ цѣлый рядъ экипажей. То ѣхалъ изъ Астрахани въ Петербургъ тогдашній астраханскій губернаторъ Иванъ Варѣоломѣевичъ Якобіи. Надо замѣтить, что путешествіе знатныхъ особъ прошлаго вѣка совершалось огромными кортежами, въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ, курьеровъ, цѣлаго штата чиновниковъ и всякаго рода прислуги. Поѣздъ Якобіи смутилъ разбойниковъ, такъ что они окончательно растерялись, особенно когда узнали, что ѣдетъ такая важная особа, какъ губернаторъ: «тѣ разбойники обробѣвъ и оставя выпряженныхъ у нихъ (у обозчиковъ) лошадей и еще одну свою съ двумя санями и въ оныхъ пироги, калачи, шапки, рукавицы и дротикъ, выстрѣля по обозу его превосходительства одинъ разъ, всѣ разбѣжались.» Дѣйствительно, не смутился одинъ только Дмитрій Легіонный, повидимому, никогда не унывавшій; онъ выстрѣлилъ въ поѣздъ Якобіи, — и затѣмъ всѣ разбойники, безъ шапокъ, не смотря на морозную ночь, бросились въ горы. Вслѣдъ за ними поскакала погоня, но ни одного разбойника не поймали.



Это былъ первый неудачный разбой шайки, руководимый атаманомъ Рыжимъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе неудаченъ, что самъ атаманъ, вслѣдствіе этого несчастнаго происшествія, лишился свободы.

На другой день утромъ ограбленные извозчики подали царицынскому коменданту объявленіе о ночномъ происшествіи; представлены были, по приказанію Якобія, покинутыя разбойниками сани, шапки и прочія вещи; схвачены были какіе-то подозрительные люди и приведенъ какой-то мальчикъ, показаніями котораго надѣялись открыть слѣды преступниковъ. Самъ Якобій допрашивалъ ихъ, но ничего не могли узнать <sup>1)</sup>. Тогда Якобій лично приказалъ коменданту Цыплетеву изслѣдовать это дѣло особой комиссіей и отыскать неизвѣстныхъ разбойниковъ. Началось самое дѣятельное слѣдствіе, какое когда-либо производилось надъ разбойниками.

Въ рукахъ слѣдователей находилась нить, по которой они могли дойти до раскрытія истины. Явилось подозрѣніе, что между неизвѣстными разбойниками и обывателями Пичужинскихъ хуторовъ, людьми довольно сомнительнаго поведенія, существовала связь, и это обстоятельство указало на слѣдъ преступниковъ. Въ день пріѣзда Якобія въ Царицынъ, 30 декабря, отправленъ былъ на Пичужинскіе хутора капитанъ

---

<sup>1)</sup> «По нѣкоторымъ уликамъ привезенныя вѣдомства царицынской воеводской канцеляріи бобыля Клима Васильева дѣти бывшимъ съ ними мальчикомъ были въ присутствіи его превосходительства доказываны и въ томъ разбоѣ не признались.» Сколько и намъ извѣстно, никакихъ Васильевыхъ въ шайкѣ Рыжаго не было.



Дударь, которому поручалось вывѣдать что-либо о разбойникахъ. Прискакавъ на хуторъ, Дударь вѣхалъ на квартиру къ одному тамошнему малороссіянину и показалъ ему оставленные разбойниками шапки, говоря, что нашелъ ихъ на дорогѣ. Въ одной изъ нихъ хозяинъ и его жена узнали шапку малороссіянина Збойкова. За нимъ послали. Оказалось, что Збойкова не было въ хуторѣ, а когда привели его жену, то она сказала, что 29 декабря мужъ ея съ самаго утра уѣхалъ въ Царицынъ и не возвращался оттуда; когда же показали ей шапку, то сначала она отказывалась отъ нея, а потомъ призналась, что шапка эта дѣйствительно принадлежала ея мужу. Дѣлая обыскъ по домамъ, Дударь нашелъ на дворѣ у одного поляка, именно у Мукосѣева, какое-то сѣдло съ уздою, и Мукосѣевъ говорилъ, что онъ не знаетъ, кому принадлежатъ эти вещи. Вслѣдствіе разныхъ подозрѣній, Дударь захватилъ болѣе десяти человѣкъ, которые казались ему сомнительными, и привезъ въ Царицынъ. Начались допросы, вывѣдыванья, очныя ставки. Всѣ единодушно показали, что шапка принадлежитъ Збойкову. Тогда явилась одна царицынская солдатка, Аксинья Драконова, и объявила, что 30 декабря, рано утромъ, еще на зарѣ, пріѣхалъ къ ней Збойковъ, верхомъ и безъ шапки; лошадь была въ хомутѣ и вся въ поту; на вопросы Драконовой онъ отвѣчалъ, что нанимался будто бы у верховыхъ ямщиковъ, за усталюю ихъ лошадей, подвозить ихъ кладъ къ Царицыну; что шапку потерялъ на Волгѣ, уснувъ въ саняхъ во время ѣзды. Потомъ онъ ушелъ на базаръ покупать себѣ новую шапку



и заходилъ къ подпоручику Носкову, откуда пришелъ уже въ шапкѣ и тотчасъ уѣхалъ со двора. Начались новыя посылки за подозрительными людьми, снова брали царицынскихъ жителей, обвиняемыхъ въ пристанодержательствѣ. Изъ-за какого-то несоблюденія пустой формальности едва не поссорились главные начальственные лица Царицына и едва не потеряны были слѣды разбойниковъ; изъ-за того, что комендантъ отнесся къ воеводѣ не «промеморіею», а ордеромъ, воевода не хотѣлъ оказывать содѣйствія коменданту въ розыскѣ разбойныхъ людей и писалъ этому послѣднему, что-де «по указамъ ея императорскаго величества, въ случаѣ какого воеводскихъ канцелярій съ комендантами сношенія, переписку по законамъ имѣть вѣлѣно благопристойно сообщеніями, а не ордерами; и такъ-де царицынскою канцеляріею опредѣлено — присланный отъ него, коменданта, къ царицынскому воеводѣ ордеръ, съ прописаніемъ вышеписаннаго обстоятельства, отослать обратно,.... чтобъ онъ никогда впредь воеводу не ордировалъ, а присылалъ бы не на ево одно лицо, но въ воеводскую канцелярію сообщенія, ибо-де онъ никакого особаго присутствія, кромѣ воеводской канцеляріи не имѣетъ».

Но въ то время, когда возникъ этотъ забавный споръ между царицынскими властями, начальникъ волжскаго войска, войсковой старшина Савельевъ прислалъ въ Царицынъ трехъ разбойниковъ, пойманныхъ выше Дубовки, именно: самого атамана Рыжаго, Збойкова и Мирошникова. За Дмитріемъ Легіоннымъ, стародубскимъ купцомъ и еще однимъ разбойникомъ, какимъ-то



Николаемъ, посланъ былъ изъ Дубовки розыскъ за Волгу въ Погроменскій городокъ; партія посланныхъ имѣла при себѣ одного изъ пойманныхъ разбойниковъ, который долженъ былъ уличить своихъ товарищей. — Однако, погроменскіе крестьяне не допустили эту партію до розысковъ, и она воротилась въ Дубовку, не сдѣлавъ ровно ничего; точно также ровно ничего не сдѣлалъ офицеръ, отправленный главнымъ смотрителемъ ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, надворнымъ совѣтникомъ Рычковымъ, хотя поиски были произведены по всѣмъ ахтубинскимъ селеніямъ. Тогда взяли къ допросу женъ, замѣшанныхъ въ дѣло обывателей, Збойкова и Мукосѣева, и онѣ уличили разбойниковъ въ томъ, въ чемъ тѣ не сомнѣвались, и навели на слѣдъ другихъ преступленій. Онѣ подробно рассказали, какъ разбойники собирались въ путь, какъ совѣтовались между собою и какое участіе принимали жены въ дѣлѣ своихъ мужей. Жена Збойкова говорила, что работникъ Мукосѣева, Иванъ Мирошниковъ, передъ походомъ на разбой, ночевалъ у нихъ въ домѣ съ 27 на 28 декабря, потомъ пробылъ съ ея мужемъ весь день и уже вечеромъ, послѣ ужина, ходилъ къ своему хозяину, откуда возвратился въ полночь; тутъ они говорили о предстоящихъ разбояхъ, снова ночевали вмѣстѣ, а рано утромъ, 28 декабря, Збойковъ взялъ у Мукосѣева сани, приготовилъ все къ поѣздкѣ, взялъ также два пистолета, которые принесла въ ихъ домъ жена Мукосѣева и вручила разбойникамъ. Черезъ два дня послѣ ихъ отъѣзда, пришелъ къ Збойковой садовникъ офицера Носкова, Сергѣй Гавриловъ, и сказалъ, что мужъ ея и разбойникъ



Мирошниковъ, послѣ неудачнаго погрома на Волгѣ, едва бѣжали отъ погони и теперь лежатъ у него въ саду; Гавриловъ принесъ ей муки и денегъ и обѣщалъ, что самъ Збойковъ будетъ къ ней черезъ два дня. Жена Збойкова вмѣстѣ съ тѣмъ призналась, что въ 1777 году, 26 октября (именно въ то время, когда атаманъ Рыжій вывелъ въ поле свою шайку), мужъ ея и еще два другіе малороссіянина ограбили въ Сарептѣ лавку съ красными товарами и привезли съ собой множество суконъ, бархату, полуплису, китайки, канифасу и проч.

Съ каждымъ днемъ число оговоренныхъ возрастало и съ каждымъ днемъ открывались новыя обстоятельства, показывавшія, какіе страшные безпорядки и какія темныя дѣла творились въ той части поволжья, съ исторіей котораго связано имя понизовой вольницы. Не было почти ни одного дома, въ которомъ не нашелся бы слѣдъ какого-нибудь запутаннаго происшествія, тайныхъ преступленій, участниками которыхъ были не одни понизовые бурлаки, но и другія лица, повидимому, неимѣющія съ ними ничего общаго.

Самыя мѣстныя власти являются далеко нечистыми отъ подозрѣній. Не станемъ раскрывать всѣхъ скучныхъ подробностей дѣла, связаннаго съ именами Рыжаго, Збойкова, Мирошникова, Шагала и прочихъ, разбирать запутанныя отношенія властей къ подсудимымъ, какъ напр. офицера Носкова къ вору Збойкову, царицынскаго воеводы Фатьянова къ другимъ ворамъ, подобнымъ этому послѣднему. Довольно того, если мы скажемъ, что Носковъ, въ качествѣ слѣдователя, воруетъ у воровъ краденые товары, шьетъ себѣ изъ нихъ



казакины и плисовые штаны, учить воровъ ложной присягѣ, потомъ безстыдно обманываетъ и ихъ, и своихъ главныхъ начальниковъ. Для насъ, конечно, важно и то, какъ подсудимые являются къ воеводѣ *съ поздравленіями*,—но все это не относится прямо къ исторіи понизовой вольницы, а характеризуетъ другія стороны русской жизни, которыхъ мы, до времени, не намѣрены касаться. Было бы весьма утомительно передавать здѣсь всѣ мелкія подробности безчисленнаго множества злодѣяній, открытыхъ по слѣдствію; каждый изъ взятыхъ въ судную комиссію былъ виновенъ въ томъ или другомъ дѣлѣ; у cadaго былъ за душой хотъ одинъ мелкій нечистый поступокъ и болѣе или менѣе тяжелый грѣхъ. Но лицъ этихъ такъ много, проступки cadaго такъ разнообразны, что нѣтъ никакой возможности все исчислить и привести въ порядокъ. Намъ остается только указать на нѣкоторые отдѣльные факты изъ жизни этихъ разбойниковъ и только на личности болѣе крупныя. Мы обходимъ молчаніемъ частныя дѣйствія такихъ лицъ, какъ Збойковъ, Гавриловъ, Муко-сѣевъ или Бугай, офицеръ Носковъ со всей своей командой, старостами и разсылными, потому что иначе пришлось бы заносить на страницы исторіи сотни и тысячи такихъ разбойниковъ, безъ которыхъ болѣе видныя личности сами по себѣ какъ-то блѣднѣютъ, ступшеваются, теряютъ ту драматическую обстановку, которая сопровождаетъ каждый моментъ ихъ жизни. За атаманомъ Рыжимъ, Дмитріемъ Легіоннымъ и другими просятся на сцену историческихъ воспоминаній сотни второстепенныхъ атамановъ, у которыхъ были свои



шайки, свое поприще и свои жертвы. Вся сущность картины состоитъ въ подробностяхъ, въ мельчайшихъ эпизодахъ, такъ что нѣтъ никакой возможности обнять ее разомъ; чтобъ разомъ видѣть всю ея драматичность и жизненность, надо вглядываться близко въ отдѣльныя личности, которыхъ такъ много, что память не можетъ удержать ихъ, — и только такимъ образомъ историкъ и читатель могутъ составить понятіе о цѣлой эпохѣ, ея характерѣ и преобладающихъ стремленіяхъ общества. — Подобно огромной картинѣ, изображающей битву двухъ многочисленныхъ армій, когда войска смѣшались въ общемъ рукопашномъ бою и когда издали ничего не видно, кромѣ дыму, пыли, кое-гдѣ сверкающихъ оружій и крови, когда даже опытный глазъ полководца не можетъ угадать, на чьей сторонѣ побѣда, — значеніе изображеннаго понимается не въ общемъ видѣ, а въ отдѣльно-поставленныхъ группахъ...

Но возвратимся къ фактамъ. Показанія разбойничьихъ женъ навели комиссію на слѣдъ другихъ преступленій, уже забытыхъ или искусно замаскированныхъ; они разоблачили поступки Збойкова, Мирошникова, Мукосѣева и нѣсколькихъ десятковъ другихъ воровскихъ людей, изъ коихъ мы остановимся лишь на личности Мирошникова, потому что впоследствии, въ 1781 году, мы узнаемъ его, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Легіоннымъ, въ шайкѣ атамана Дегтяренка, подъ другимъ уже именемъ. «Мирошниковъ родился въ землѣ войска донскаго, въ Михайловской станицѣ и тамо (говорилъ онъ о себѣ), по воспитаніи матерью Анисьею Васильевою, которая волею Божіею умре, остался послѣ



ея осьми лѣтъ и, будучи тамъ, жительство имѣлъ у разныхъ людей.» Это былъ такой же бездомный бродяга, сирота, безъ родныхъ и доброжелателей, какъ и Дмитрій Легіонный. Подобно Легіонному, онъ блуждалъ съ мѣста на мѣсто и нигдѣ не находилъ покоя: вѣчный батракъ, питавшійся поденной работой и голодавшій иногда по цѣлымъ днямъ, онъ не могъ даже выработать столько, чтобы купить себѣ землянку въ десятокъ рублей. Тяжелая жизнь выгоняла его на разбой, потому что терять ему было нечего, кромѣ жизни, которая была такъ некрасна, что онъ цѣнилъ ее очень дешево. Сначала бродяга началъ воровать; былъ пойманъ, отпущенъ изъ-подъ караула по доброжелательству часто-упоминаемаго офицера Носкова и, наконецъ, поступилъ въ шайку Рыжаго, съ которымъ и пойманъ послѣ неудачнаго разбоя на Волгѣ. Вмѣстѣ съ ними и по ихъ уликамъ перебывали въ судной комиссіи десятки лицъ, которыхъ или судили въ комиссіи, или отсылали въ воеводскую канцелярію, смотря по сословіямъ, къ которымъ принадлежали подсудимые. Главныхъ разбойниковъ и находившихся съ ними въ сношеніяхъ обывателей разсадили по разнымъ казематамъ: атаманъ Рыжій сидѣлъ у предтеченскихъ воротъ вмѣстѣ съ прочими колодниками; Сергѣй Гавриловъ, Мирошниковъ и другіе—на гауптвахтѣ, а Мукосѣевъ, Збойковъ и ихъ жены содержались у царицынскихъ воротъ. Шагала между тѣмъ сидѣлъ въ камышинской тюрьмѣ и скрывалъ свои отношенія къ атаману Рыжему. Случайно обличилась его связь съ этой шайкой. Офицеръ Забурунновъ, ограбленный Рыжимъ во время поѣздки



въ Камышинъ, въ половинѣ января 1779 года, приѣхалъ за чѣмъ-то въ городъ и зашелъ на тамошнюю гауптвахту по знакомству съ караульнымъ офицеромъ. Находясь тамъ, онъ увидѣлъ, какъ изъ тюрьмы вели — «видно-де по тогдашнимъ морозамъ для обогрѣнія въ колодничью караулку — колодника», который находился въ шайкѣ Рыжаго и, вмѣстѣ съ прочими, грабилъ Забуруннова въ Широкинскихъ вершинахъ. Забурунновъ заявилъ объ этомъ кому слѣдуетъ, и Шагала разоблачилъ всѣ похождения своихъ товарищей и въ томъ числѣ свои собственные, такъ что для слѣдователей открылись новыя обстоятельства, о которыхъ они не знали. Но въ самый разгаръ царицынскаго слѣдствія Рыжій бѣжалъ изъ каземата. Популярность этого человека, его слава какъ разбойника и прежніе искусные побѣги изъ рекрутской партіи и изъ баталіона, недаромъ заставляли царицынское начальство опасаться, чтобы Рыжій не ушелъ снова. Едва только атаманъ привезенъ былъ изъ Дубовки и посаженъ въ казематъ у предтеченскихъ воротъ, какъ изъ комендантской канцеляріи уже данъ былъ приказъ стоящему въ караулѣ старшему оберъ-офицеру, чтобы непременно были осмотрѣны на разбойникахъ ножныя деревянныя колодки и желѣза и «буде окажутся не суть въ твердости (говорилось въ приказѣ), оныя подкрѣпить, а притомъ, дабы чрезъ злодѣйской ихъ вымыселъ не могли учинить побѣга, *черезъ часъ надсматривать* и никого изъ постороннихъ людей къ нимъ не подпускать и всегда содержать въ совершенной строгости, по законамъ; для чего и набить *на однихъ только*



мужиковъ наручни и каждое утро въ запискахъ особо объ нихъ показывать». На другой день отданъ былъ новый строжайшій приказъ всѣмъ караульнымъ офицерамъ, въ которомъ между прочимъ говорилось, что «по важности ихъ (разбойниковъ) преступлений, непременно надлежитъ къ строгому за ними присмотру прикомандировать въ городской караулъ одного офицера», кромѣ стоявшихъ уже тамъ; что офицеры эти должны содержать «важныхъ разбойниковъ подъ наистрожайшимъ карауломъ и притомъ никого къ нимъ для разговоровъ постороннихъ людей не допускать, дабы сіи злодѣи не могли какимъ случаемъ изъ-подъ караула учинить побѣга» и т. д. Потомъ сочли нужнымъ дать и третій приказъ, чтобы разбойники разсажены были вновь, по списку, «въ кордегаріи», и, кромѣ часовыхъ, стояли бы при нихъ постоянно «два притина» и проч. Однако, не смотря на всѣ эти предосторожности, Рыжій бѣжалъ, хотя этотъ послѣдній побѣгъ, какъ и послѣдній разбой, былъ для него вполне несчастливъ: — не далѣе какъ черезъ два дня Рыжій былъ пойманъ за Волгой и снова присланъ въ Царицынъ. Онъ бѣжалъ 21 февраля, ровно въ полночь. Надо имѣть необыкновенное здоровье, чтобы вынести то, что вынесла натура этого человѣка, изнуреннаго двухмѣсячнымъ сидѣньемъ въ сыромъ казематѣ, на самой скудной пищѣ и при всѣхъ душевныхъ страданіяхъ, какія испытывалъ преступникъ. Онъ вырвался изъ-подъ караула въ холодную зимнюю ночь, совершенно раздѣтый, въ одной только рубашкѣ, и голыми ногами долженъ былъ бѣжать по снѣгу черезъ



Царицынъ, потомъ перебѣжать всю Волгу по льду, пока, наконецъ, уже на другомъ берегу рѣки, на луговой сторонѣ, онъ могъ надѣть сапоги, которые все время несъ въ рукахъ. Въ одной рубашкѣ онъ провелъ за Волгой всю ночь, продолжая идти по берегу, пока, наконецъ, къ утру не нашель стогъ сѣна, въ которомъ скрылся отъ преслѣдованій и пролежалъ цѣлыя сутки. Но мы перенесемъ въ примѣчаніе собственные слова атамана объ этомъ побѣгѣ <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> «Сего февраля 21-го числа (говорилъ онъ на допросѣ), будучи въ ручной и ножной колодкахъ, попросился яко бы для испражненія на дворъ, съ намѣреніемъ тѣмъ, чтобъ бѣжать, ежели удастся, у часового, внутри караулни стоящаго, Ивана, а прозванья не знаю, въ которое время въ караульной сержантъ сидѣлъ впереди караулни, и тотъ часовой, выпустя меня, сказалъ и другому часовому жъ, стоящему у сѣней, Алексѣю, — прозванія также не знаю, который меня отпустилъ за караульную, а самъ ходилъ по крыльцу и за мною не пошелъ, — коего видя слабость за мною несмотрѣнія, снявъ съ себя ручную такъ сильно, что у лѣвой руки съ кисти кожу задернулъ до крови, а потомъ и ножную (колодки), и зайдя за состоящую поблизости караулни избу и прямо къ мясному ряду чрезъ палисадникъ перелѣзъ и побѣжалъ за Волгу, въ одной рубашкѣ и босикомъ, имѣвъ сапоги въ рукахъ, кои при снятіи колодки съ ногъ скинулъ для легчаго чрезъ палисадъ перелазу, а, перешедъ за Волгу, обулъ и пошелъ по берегу до самаго свѣту, и какъ нашель стогъ сѣна, лежалъ цѣлыя сутки, а на другой день изъ стога вышедши, увидѣлъ мужика, дрова приготавлиющаго, а какъ зовутъ и откуда, не знаю, попросилъ одежды, которой, видя меня въ одной рубашкѣ, и далъ съ себя старой суконной зипунъ и кусокъ хлѣба... Мужикъ остался на томъ мѣстѣ, а я пошелъ, вѣдомства ахтубинскихъ шелковыхъ заводовъ, въ Нижнее Погромное селеніе и по прежней знаемости пришелъ къ тамошнему крестьянину Петру Кремлеву на дворъ и, опасаясь, нѣтъ ли у него стороннихъ людей, залѣзъ къ нему въ сѣнницу и зарылся въ сѣно, пробывъ одну ночь, поутру присланными изъ ахтубинскаго городка казаками и того жительства крестьянами въ сѣнѣ найденъ.» Атаманъ говорилъ при томъ на допросѣ, что къ побѣгу его никто не подговаривалъ и самъ онъ не подкупалъ часовыхъ. «Здѣсь въ городѣ я ни къ кому не заходилъ, пищею и одеждою снабденъ никѣмъ не былъ, окромѣ одного мужика, какъ



Надъ караульными офицерами и часовыми солдатами, по случаю побѣга Рыжаго, наряженъ былъ судъ («Фергеръ и Криксрехтъ»), подробности котораго представляютъ много интереснаго для характеристики того времени; но такъ какъ онѣ не касаются прямо предмета нашей статьи, то мы и оставляемъ ихъ. Замѣтимъ только, что на основаніи «Воинскаго артикула» главы 4. арт. 40, главы 24, арт. 207, и «Уложенія» гл. 21, ст. 17 <sup>1)</sup>, опредѣлено: «подпоручика Хомуцкова, «за нечиненіе, будучи на караулѣ у воротъ, повелѣннаго осмотра чрезъ часъ того времени, когда *важный разбойникъ Овчинниковъ* (такъ назывался Иванъ Рыжій въ баталіонѣ) бѣжалъ», сержанта Шумилина, «за неосторожность, будучи на караулѣ при такихъ важныхъ колодникахъ, употребляемой сонъ, такъ что во время вы-

выше сказано, изъ другихъ никто меня не видалъ, и какъ я, скинувъ колодки, бѣжалъ до самой Волги, погони не видалъ же и крику не слышалъ, изъ помянутаго жъ селенія намѣреніе имѣлъ идти въ Соленой городокъ, что близъ Камышинки, и тамъ укрыватца въ имѣющихся близъ соленой пристани землянкахъ у бурлакъ, гдѣ прежде сего я, будучи въ бѣгахъ, укрывался.»

1) 1) «Каждый офицеръ, который въ крѣпости, лагерѣ, на валу, у воротъ или въ полѣ караулъ имѣетъ, долженъ въ томъ отвѣтъ дать. Ежели онъ то презреть, что исправить долженъ, или на караулѣ своемъ неосмотрителенъ, и неостороженъ, и лѣнивъ будетъ, *онъ имѣетъ живота мѣшкѣ быть, аркибузировавъ* (въ скобкахъ прибавлено: разстрѣлявъ).» — 2) «Когда злодѣй караулу или генераль-гевалдигеру или профосамъ уже отданъ, и онымъ оно стеречь приказано будетъ, а злодѣй чрезъ небреженіе ихъ уйдетъ или отъ нихъ безъ указу отпуститца, тогда оные, которые въ семъ виновны, вмѣсто преступителя имѣютъ надлежащее наказаніе претерпѣть.» — 3) «А буде разбойника поймаютъ на разбоѣ вдругіе, и его потому же пытать и въ иныхъ разбояхъ, да будетъ онъ повиненъ только въ двухъ разбояхъ, а убивства хотя и не учинилъ и его за другой разбой казнить смертию, а животы его отдать въ выть истцамъ!»



пуску того колодника черезъ не малое время спустя происхожденія отъ разговоровъ часовыхъ пробудиться не могъ... написать въ рядовые перваго на мѣсяцъ, а послѣдняго до выслуги», а двухъ часовыхъ солдатъ приговорено *казнить смертію*.

Когда все это происходило въ Царицынѣ, Шагала, сидя въ камышинскомъ острогѣ, искусно запутывалъ слѣдователей своими показаніями: то онъ говорилъ, что бѣжалъ когда-то изъ рекрутства и никогда не принадлежалъ къ тому званію, къ которому причислялъ себя въ прежнихъ допросахъ, то снова сводилъ на свои старыя признанія; путалъ въ свое дѣло всѣхъ, кого только зналъ и видѣлъ въ жизни. Выискался, наконецъ, въ Камышинѣ Троицкаго собора церковникъ, который говорилъ о Шагаль, что зналъ его когда-то, двадцать два года назадъ, когда Шагала жилъ въ Балыклейской станицѣ. «Мы съ нимъ вмѣстѣ съ робячества игравали», говорилъ церковникъ, — «и ему въ то время было около пятнадцати лѣтъ, а кто его былъ отецъ и мать и какова онъ званія и отколь родиною, того я не знаю, да и съ того времени его не видывалъ, и гдѣ онъ имѣлъ жительство, о томъ я неизвѣстенъ.» А Шагала все наговаривалъ да сговаривалъ съ знакомыхъ и незнакомыхъ, съ друзей и недруговъ. Его требовали въ Царицынъ; камышинскія власти не хотѣли отпустить отъ себя разбойника, и только въ октябрѣ 1779 года Шагала былъ перевезенъ въ Царицынъ, гдѣ находился подъ арестомъ его атаманъ. Время шло, а разбойники сидѣли, и слѣдствіе все тянулось. Уже успѣли сформироваться



новыя шайки, новыя атаманы вышли на сцену, по городамъ мѣнялись воеводы и коменданты, разбойничьи притоны переносились отъ Волги въ глубь степей, въ лѣсныя балки, грабежи начались на большихъ дорогахъ,—вездѣ былъ еще просторъ для понизовой вольницы,—а Рыжій и его товарищи все сидѣли по царицынскимъ казаматамъ и ждали рѣшенія своей участи. Черезъ полтора года послѣ поимки атамана пойманъ былъ, наконецъ, и его ближайшій товарищъ, Димитрій Легіонный, который еще прежде того былъ разлученъ съ стародубскимъ купцомъ, схваченнымъ за Волгою разбѣздными командами. Потерявъ послѣдняго стараго товарища и побродивъ за Волгой, Легіонный перебрался на нагорную сторону, прошелъ въ свои любимыя мѣста, на Илавлю, и самъ составилъ маленькую шайку. Шатаясь по дорогамъ, онъ напалъ на партію малоросіянъ, ѣхавшихъ въ Камышинъ, и ограбилъ ихъ, захвативъ, по обыкновенію, деньги и другія вещи, казавшіяся ему цѣнными; ограбилъ потомъ казака Караванской станицы и уже собирался пройти черезъ Царицынъ въ Моздокъ, гдѣ въ то время, на моздокскихъ степяхъ, заводились новыя разбойничьи партіи, начинали раздаваться тѣ удалыя и грустныя пѣсни, которыя два столѣтія пѣлись на Волгѣ и по степямъ саратовскимъ, царицынскимъ и хоперскимъ. Понизовая вольница, въ восьмидесятыхъ годахъ, стала перебираться къ Кавказу, въ южныя равнины донскихъ земель — въ степь моздокскую. Туда-то велъ Легіонный своихъ товарищей, но по пріѣздѣ на рѣчку Мечетную, въ село Никольское, набуянилъ и попался въ руки.



Оставивъ товарищей за селомъ, онъ поѣхалъ въ кабакъ, чтобъ заpastись виномъ, напился пьянъ и сталъ показывать свою удалъ собравшемуся народу: выстрѣливъ изъ пистолета въ кузницу, онъ возбудилъ ропотъ и навлекъ на себя подозрѣніе; одинъ гусаръ схватилъ подъ уздцы его лошадь, сталъ ругать разбойника, который, «будучи пьяной, осерчась изъ другаго пистолета, заряженнаго мокрымъ пыжомъ, выстрѣлилъ» и попалъ гусару въ голову.... Разбойника тотчасъ же схватили, забили въ колодки и привезли въ Царицынъ. Другіе его товарищи пропали безъ-вѣсти.



— 165 —

**Атаманъ Дегтяренко.**

Въ теченіе 1780 — 1782 годовъ положеніе дѣлъ въ поволжѣ мало измѣнилось, хотя, повидимому, много произошло перемѣнъ въ колонизовавшихся тогда приволжскихъ провинціяхъ. Въ сущности перемѣны эти касались только наружной стороны жизни, тогда какъ самая жизнь шла своимъ чередомъ, по старой дорогѣ, представляя мало утѣшительнаго. Старое раздѣленіе Россіи на губерніи замѣнилось новымъ; новыя лица вступили въ управленіе провинціями. Верхняя часть средняго поволжья, вмѣстѣ съ Саратовомъ, Камышиномъ и Царицыномъ, вошла въ составъ вновь-открытаго саратовскаго намѣстничества, правителемъ котораго назначенъ былъ генераль-маіоръ Поливановъ; вмѣсто канцелярій явилась «верхняя» и «нижняя расправы»; по наружности измѣнилось многое, — хотя въ расправахъ засѣдали тѣ же лица, которыя были въ канцеляріяхъ, и руководствовались тѣми же правилами, оставались при тѣхъ же понятіяхъ, съ какими родились и воспитались. Жизнь не стала лучше, потому что при-



чины, дѣлавшія ее тяжкою, не были уничтожены съ переменною названій и формъ, а такія неблагопріятныя обстоятельства вызывали, конечно, и соотвѣтствующія имъ явленія. Правда, не такъ громко раздавались по Волгѣ разгульныя и въ то же время тоскливыя пѣсни понизовой вольницы, какъ прежде; опытъ научилъ осторожности и терпѣнію; рѣже плавали отъ притона до притона косныя лодки разбойниковъ; рѣже слышалось страшное *сарынь на кичку*; — однако, зло, не было уничтожено въ самомъ корнѣ. Только партіи вольницы сдѣлались не такъ многочисленны, атаманы менѣе популярны и могущественны; крупныя личности исчезаютъ со сцены и на мѣсто ихъ являются простые, робкіе, такъ сказать — мелочныя разбойники, жалкіе воры и конокрады. Шайки разбойниковъ разбиваются на мелкіе кружки, удаляются отъ Волги и дѣйствуютъ въ разсыпную. Названіе атамановъ, съ эпитетами «важныхъ», «славныхъ», «продерзкихъ», переходитъ въ менѣе громкое названіе «душегубцевъ», «смертоубійць» и проч.

Въ этотъ послѣдній періодъ времени уничтожена была даже попытка на похищеніе царскаго имени; въ восьмидесятыхъ годахъ схваченъ послѣдній самозванецъ, воспользовавшійся для своихъ цѣлей именемъ покойнаго императора Петра III, слесарь и ружейникъ Максимъ Ханинъ <sup>1)</sup>, заговоръ котораго задавленъ былъ при самомъ началѣ. Ханинъ и его соумышленники дѣйствовали въ одно время съ атаманомъ Рыжимъ и

---

<sup>1)</sup> См. томъ I, стр. 268.



въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ дѣйствовала шайка извѣстнаго разбойника. Они даже судились въ Царицынѣ въ одно и то же время, съ тою только разницей, что атаманъ еще сидѣлъ въ казематѣ, когда самозванецъ былъ уже вывезенъ въ Саратовъ, гдѣ и рѣшилась его участь.

Преемникомъ Рыжаго былъ атаманъ Максимъ Дегтяренко, едва ли не послѣдній намъ извѣстный народный агитаторъ прошлаго вѣка. Въ его шайкѣ были лица, знавшія Рыжаго и дѣйствовавшія съ нимъ вмѣстѣ. Они почти одновременно и погибли. Дегтяренко, подобно прочимъ предводителямъ понизовой вольницы, былъ изъ военныхъ людей, и только горькая жизнь, испытанная имъ во время дезертированія, заставила его сдѣлаться разбойникомъ. Вольницу преимущественно составляли казаки и всякій сбродъ людей, вышедшихъ изъ верховыхъ городовъ, гдѣ жизнь была еще тяжеле, положеніе еще безвыходнѣе, чѣмъ въ поволжѣ; ядро вольницы составляли собственно бурлаки и переселенцы — малороссіяне. Изъ малороссіянъ былъ и послѣдній поволжскій атаманъ, имя котораго сохранилось въ забытыхъ провинціальныхъ архивахъ, Максимъ Дегтяренко, и который родился въ «гетманщинѣ», въ острогожскомъ полку, въ слободѣ Отготяновой. Въ 1778 году онъ былъ отданъ въ «москаля», то-есть взятъ въ рекруты и поступилъ въ гусары въ острогожскій гусарскій полкъ. Само собою разумѣется, что военная жизнь для посполитаго малоросса показалась тяжкою и невыносимою; воинскіе порядки, которымъ съ трудомъ подчинялся даже и «россійскій», привыкшій ко всему, людъ, были нестерпимы для малоросса, знавшаго, хотя



по наслышкѣ, о «звычаяхъ казаковъ запорожскихъ». Дегтяренко не могъ примириться съ военною жизнью и бѣжалъ. Онъ прошелъ въ землю донскихъ казаковъ и началъ шататься съ мѣста на мѣсто да пріискивать себѣ работы и пропитанія; жилъ онъ недолго у одного донскаго полковника, на рѣчкѣ Чирахъ, а оттуда вздумалъ пройти въ славное поволжье, гдѣ, какъ онъ слышалъ, легко жилось на волѣ всякой голытьбѣ, и гдѣ голытьба наживала немалыя деньги разбойными промыслами. Скоро Дегтяренко увидѣлъ и поволжье, и широкую Волгу, и понизовую вольницу, и нашелъ, что вольница — та же оборванная и бездомная голытьба, и что деньги и здѣсь наживаются нелегко, тѣмъ болѣе, что онъ пришелъ на Волгу, когда уже миновала пора поволжскихъ разбоевъ и о знаменитыхъ атаманахъ оставалась только память въ народѣ да слова въ пѣсняхъ, годъ отъ году искажавшихся. Дегтяренко, не останавливаясь долго ни въ одномъ селеніи и не приставаая ни къ одной шайкѣ, которая еще изрѣдка появлялись выше Камышина, прошелъ въ качествѣ бродяги до колоніи Верхней Добренки и поселился тамъ на время. Здѣсь онъ нашелъ одного малороссіянина, не имѣвшаго, подобно всей вольницѣ, ни кола, ни двора; малороссіянинъ этотъ рылъ для себя землянку и принялъ Дегтяренка къ себѣ въ товарищи. Эти землянки составляли обыкновенное жилище осѣдлой вольницы; перекочевывая съ мѣста на мѣсто, бурлаки на зиму вырывали себѣ въ землѣ ямы и, покрывъ ихъ хворостомъ и дерномъ, жили до свѣтлыхъ весеннихъ дней. Въ этихъ землянкахъ была страшная бѣдность; сюда



принимались всѣ безпаспортные и подозрительные люди, воры и атаманы, не успѣвшіе на зиму запасть въ хорошимъ притомѣ и теплой избой. Такія землянки вырыты были по всему поволжью, около городовъ и селеній, вблизи торговыхъ пристаней и въ самой дикой глуши. Въ такой же ямѣ поселился и Дегтяренко, въ ожиданіи лучшей доли, которой онъ пришелъ искать въ поволжьѣ, назвавшись выходцемъ изъ Николаевской малороссійской слободы, что противъ Камышина.

Обманувшись на счетъ привольной жизни въ поволжьѣ, Дегтяренко не сталъ жить праздно и сдѣлался швецемъ и кожевникомъ, выдѣлывалъ овчины, шилъ шубы и кафтаны. Мѣстныя власти не обращали на него вниманія, потому что бродяги иногда были люди не безполезные, а въ случаѣ преслѣдованія ихъ становились страшными мстителями. Какой-то комиссаръ, находившійся въ Добренкѣ, маіоръ Александръ Алфировичъ Пиль, взялъ даже Дегтяренка къ себѣ въ услуженіе, и будущій атаманъ находился у него полтора года въ качествѣ казака, пока зависимая жизнь деньщика не надоѣла бродягѣ, какъ и военная служба. Въ полтора года Дегтяренко могъ узнать обычаи поволжской вольницы, познакомиться съ краемъ и его обитателями, насколько это нужно было знать будущему вождю шайки. Въ 1780 году Дегтяренко сталъ думать о наборѣ партіи, открылъ свои планы неизвѣстному бродягѣ, бывшему въ Добренкѣ табунщикомъ, Ивану Губченко, малороссіянину же, и съ начала весны этого года они бѣжали изъ Добренки въ медвѣдицко-бузулуцкія степи. Не имѣя ни опредѣленнаго плана, ни то-



варищей, они должны были на время оставаться все еще батраками, выжидать охотников, запастись на подъем деньгами, лошадьми и оружіемъ. Вслѣдствіе этого они прошли на хутора Березовской станицы, къ казаку Каменному <sup>1)</sup>, который, не смотря на то, что зналъ о ихъ намѣреніяхъ, охотно принялъ бродягъ къ себѣ въ работники. Цѣлое лѣто бѣглецы косили у него сѣно, отбывали всѣ другія работы, зимой плотничали, а на весну 1781 года уже готовы были, чтобъ идти въ разбой. У Каменнаго они сошлись съ старымъ разбойникомъ Алешкой Поповичемъ, или Бурькинымъ, который говорилъ о себѣ, что онъ *«съ Дону, чинитъ разбои, идѣ тамъ случится»*, и притомъ оказался человекомъ грамотнымъ, могшимъ справлять должность секретаря и въ случаѣ надобности писать своей шайкѣ какіе угодно виды и паспорта. Дегтяренко подобралъ еще одного товарища, который шатался въ окрестностяхъ и готовъ былъ на всякое сомнительное дѣло. Разбойники добыли себѣ лошадей, которыхъ захватили въ первомъ попавшемся табунѣ, приготовили оружіе, съ которымъ и прежде того охотились въ свободное время. Каменный снабдилъ ихъ порядочнымъ количествомъ пороху, а Алешка Поповичъ написалъ паспорта, сообразно съ наружностью каждаго <sup>2)</sup>. Прежде шайки вмѣ-

---

<sup>1)</sup> Это тѣ самые хутора, гдѣ нѣсколько лѣтъ передъ симъ скрывался разбойничій атаманъ Буковъ (въ «урочищѣ Черни», у монаха Льва).

<sup>2)</sup> Пули разбойниками не всегда употреблялись литыя, круглыя, но часто стрѣляли *жеребьями*, — продолговатыми и гранеными пулями, грубо нарѣзанными изъ свинца, которыя, впрочемъ, на близкомъ разстояніи, били едва ли не удачнѣе овальныхъ. За неимѣніемъ пуль они употребляли въ дѣло и крупную дробь съ чѣмъ-нибудь смѣшанную. Одинъ



щали въ себѣ иногда десятки и сотни разбойниковъ; но съ тѣхъ поръ, какъ понизовая вольница обратила на себя всеобщее вниманіе, большія партіи были слишкомъ подозрительны, скоро волновали населеніе, привлекали вооруженную силу изъ мѣстныхъ полковъ и баталіоновъ, и потому атаманы уже не рѣшались выходить въ поле съ толпою бродягъ конныхъ и пѣшихъ, а начинали разбой ничтожными партіями, отъ пяти до десяти человѣкъ, и легко избѣгали преслѣдованій, потому что легко укрывались во всякомъ оврагѣ и во всякомъ болѣе или менѣе густомъ кустарникѣ. Въ этихъ видахъ и Дегтяренко взялъ съ собой столько товарищей, сколько казалось нужнымъ. Они прежде всего отправились на красноярскія степи, о которыхъ мы говорили выше, въ рассказѣ о разбояхъ шайки Рыжаго. Въ тридцати верстахъ отъ Краснаго Яру, за Медвѣдцей, находилось удобное мѣсто для притона, глубокая ложбина «разсыпнаго буерака», мимо котораго шли проѣзжіе тракты. Для своихъ временныхъ становъ разбойники обыкновенно избирали, когда производили степные разбои, ровныя и возвышенныя мѣста, съ ложбинами или балками, заросшими мелкимъ лѣсомъ; предпочитались большею частію степи проѣзжія, покрытыя высокими курганами, которые могли бы служить сторожевыми пикетами, и гдѣ бы проходили торговые дороги. <sup>1)</sup>

---

изъ шайки Дегтяренко, разбойникъ Мирошниковъ (бывшій прежде подъ начальствомъ атамана Рыжаго), стрѣлялъ дробью, смѣшанною съ *пуговицами*, вѣроятно, металлическими.

<sup>1)</sup> До настоящаго времени указываютъ въ поволжѣ на такія мѣст-



Отъ времени до времени Дегтяренко выѣзжалъ изъ разсыпнаго буерака на степь и разбивалъ проѣзжихъ, а потомъ снова уходилъ въ свой безопасный станъ. Ограбивъ чумаковъ-малороссіянъ, ѣхавшихъ въ Камышинъ съ солью, и взявъ у нихъ деньги, разбойники снова поворотили къ югу искать болѣе удобныхъ для разбоя мѣстъ и пріѣхали въ землю донскихъ казаковъ, въ мѣста, знакомыя Алешкѣ Поповичу. Впрочемъ, они почти вездѣ находили радушный пріемъ, особенно у малороссіянъ и казаковъ, потому что за пріютъ платили щедро, а въ случаѣ отказа и сопротивленія мстили всѣми возможными средствами. Такой пріютъ они нашли и въ донскихъ земляхъ, близъ Медвѣдицы на Даниловскихъ хуторахъ, гдѣ и прожили у одного малороссіянина недѣли три, отдыхая послѣ продолжительныхъ переѣздовъ. Собравшись съ силами, они опять поѣхали къ сѣверу и, колеса по всѣмъ проѣзжимъ дорогамъ, успѣли въ короткое время совершить нѣсколько разбоевъ на рѣчкѣ Латрыкѣ, ниже колоніи Поповки, потомъ за Медвѣдицей у краснаго куста и недалеко отъ Рудни, куда въ то время народъ собирался на ярмарку. Но притонъ въ разсыпномъ буеракѣ предпочитался всѣмъ мѣстностямъ, и Дегтяренко отъ Рудни опять по-

ности, усѣянные курганами, изъ которыхъ многіе и теперь носятъ названіе «разбойныхъ могилъ» или кургановъ. Со многими соединяются имена славныхъ разбойниковъ, или убитыхъ тамъ, или жившихъ тамъ постоянно, или, наконецъ, прославившихся какимъ-нибудь героическимъ или злодѣйскимъ поступкомъ. На курганахъ, говорятъ, разбойники ставили шести съ соломой, зажигая которую, часовые извѣщали своихъ товарищей или о приближеніи разѣздныхъ командъ, или о проѣздѣ обозовъ съ товарами.



велъ своихъ товарищей къ старому стану. На дорогѣ охотою присталъ къ нимъ еще одинъ разбойникъ, выѣзжалъ потомъ вмѣстѣ съ ними на разбой, когда грабили какихъ-то проѣзжихъ, жилъ нѣсколько дней въ станѣ разсыпнаго буерака и въ одну ночь, неизвѣстно по какой причинѣ, тайно скрылся отъ товарищей. Скучая однообразною жизнью въ станѣ, разбойники вновь покинули его, посѣтили своего прежняго хозяина, казака Каменнаго, отдохнули у него нѣсколько дней, вновь собрались и отправились на промыселъ. Въ эту поѣздку они успѣли перебивать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только разсчитывали на удачный грабежъ и куда только могли донести ихъ кони, измученные безпрестанными странствованіями по степямъ съ одного тракта на другой. Теперь разбойники поѣхали по направленію къ Илавлѣ, гдѣ прежде была такая привольная жизнь для воровскихъ людей, и переѣхали Разщепной буеракъ, не менѣе Разсыпнаго удобный для разбойничьихъ притоновъ, ночлеговъ и дневокъ. Въ колоніи Грязнухъ они посѣтили знакомаго нѣмца (которые замѣтимъ кстати, въ прошломъ вѣкѣ не отличались особыми гражданскими доблестями и водили иногда дружбу съ разбойниками, хотя сами не годились для разбоя, и, сколько намъ извѣстно, ни разу имя колониста не встрѣчается въ цѣлой сотнѣ именъ, принадлежавшихъ къ понизовой вольницѣ); пьянствовали у него въ гостяхъ, дарили его награбленными вещами и деньгами и совѣтовались съ нимъ о предстоящихъ разбояхъ, о мѣстахъ удобныхъ для притоновъ и проч. Колонистъ указалъ имъ станъ въ буе-



ракѣ, пріѣзжалъ потомъ самъ къ нимъ, снабжалъ ихъ хлѣбомъ, пьянствовалъ съ ними и вообще дѣлалъ все, что могъ бы только сдѣлать самый ловкій становщикъ. Неудивительно, что въ колоніи Верхней Добренкѣ, гдѣ два года прожилъ Дегтяренко батракомъ и куда теперь привелъ своихъ товарищей, какъ атаманъ шайки, онъ нашелъ пріютъ даже между нѣмцами, изъ которыхъ одинъ принялъ разбойниковъ въ своемъ домѣ, зарѣзалъ для нихъ барана, какъ для дорогихъ и опасныхъ гостей, и дозволилъ имъ переночевать у себя.

Но разбойникамъ не сидѣлось на мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что самыя выгоды ихъ требовали постоянной перемѣны мѣста, постояннаго мыканья по свѣту. Волга не могла привлечь къ себѣ «полевыхъ» разбойниковъ; условія поволжскихъ разбоевъ были не тѣ, что полевыхъ; въ полѣ теперь было больше простора, — и они оставили Добренку для своихъ степей, отъ Волги повернули къ Медвѣдицѣ, переѣхали эту рѣку у Рудни, порыскали по бузулуцкимъ степямъ, гдѣ присталъ къ нимъ, «изъ своей воли», невѣдомый человѣкъ, такой же, какъ и они, разбойникъ, называвшійся бѣглымъ солдатомъ, и въ третій разъ пріѣхали на отдыхъ къ казаку Каменному. Они требовали отдыха, и лошади были изнурены не меньше своихъ наѣздниковъ, такъ, что нужно было или оставаться на хуторѣ у Каменнаго до ихъ поправленія, или взять свѣжихъ коней для новыхъ экспедицій. Каменный позволилъ имъ взять лошадей изъ своего табуна, потому что за все это разбойники платили щедро, и Дегтяренко, не покидая хутора, успѣлъ сдѣлать удачный набѣгъ



на проходившій тамъ изъ Малороссіи обозъ и ограбить его. Вѣроятно, подъ руководствомъ Алешки Поповича, они предприняли оттуда походъ въ глубь донскихъ земель и, доѣхавъ до Филиповской станицы, прожили съ мѣсяцъ у становщика Чоблова, но, дѣлали ли тамъ какіе-нибудь набѣги, — неизвѣстно. Знаемъ только, что, наградивъ становщика порядочной суммой денегъ, они оставили донскую землю и направились къ Саратову, не опасаясь войскъ и разъѣздовъ, которыхъ тамъ было достаточно. Впрочемъ, они скрывались у села Ахмата, въ безопасныхъ буеракахъ, гдѣ и въ настоящее время, во второй половинѣ XIX вѣка, часто скрывались шайки бродягъ и военныхъ дезертеровъ и по временамъ выѣзжали на дорогу для наблюденія за проѣзжими. Тамъ напали они на какого-то офицера, ѣхавшаго изъ Астрахани, и взяли у него, «безъ всякихъ побоевъ», порядочную сумму денегъ, платье и нѣсколько серебряныхъ вещей, раздѣлили все это между собой и лишнее спрятали недалеко отъ своего притона, въ стогѣ сѣна.

Выше мы говорили, что въ числѣ разбойниковъ шайки Рыжаго сидѣли въ царицынскихъ казаматахъ колодники Димитрій Легіонный и Иванъ Мирошниковъ. Во время послѣднихъ грабежей Дегтяренка разбойники эти успѣли обмануть стражу и бѣжать изъ Царицына. Впрочемъ, побѣгъ имъ удался только при помощи конвойнаго солдата, съ которымъ они заблаговременно условились объ этомъ. Въ одно время арестантовъ выслали на казенную работу — носить землю на крѣпостной валъ, и колодники вмѣстѣ съ конвойнымъ



пошли «выпить по чаркѣ вина». Тайно отъ капрала (признавался послѣ Мирошниковъ) они пробрались въ Спасскій питейный домъ, «выпили всѣ трое алтына на два вина; потомъ, взявъ на базарѣ хлѣба и калачей, всѣ, какъ согласились бѣжать, оставя солдатъ,... пошли вверхъ по Царицѣ-рѣчкѣ». Бѣглецы явились на знакомые имъ Пичужинскіе хутора и прямо пришли въ домъ къ поляку Мукосѣеву, который, какъ мы видѣли, судился вмѣстѣ съ прочими разбойниками шайки Рыжаго и, неизвѣстно по какой причинѣ, былъ выпущенъ изъ тюрьмы. Едва Мукосѣевъ увидѣлъ бѣглецевъ, какъ объявилъ, что ихъ уже ищутъ, и велѣлъ на время укрыться въ лѣсу. Скоро прискакалъ изъ Царицына офицеръ, посланный за Мирошниковымъ и Легионнымъ, все высмотрѣлъ въ домѣ Мукосѣева, но бѣглыхъ не нашелъ и долженъ былъ воротиться въ городъ. Тогда они, сбивъ съ ногъ послѣдніе остатки желѣзъ, покинули хуторъ и вышли въ степь, гдѣ ихъ уже трудно было поймать самому многочисленному разбѣзду. У Сажина (конвойнаго) были свои планы и намѣренія, и потому онъ разстался съ разбойниками, думая пройти въ Москву, а Легионный и Мирошниковъ пошли искать счастья въ старомъ, привычномъ ремеслѣ, тѣмъ болѣе, что о медвѣдичьихъ разбойникахъ ходили уже слухи въ поволжѣ, а слѣдовательно, и можно было присоединиться къ одной изъ медвѣдичьихъ партій. Дѣйствительно, имъ недолго пришлось искать атамана, потому что Дегтяренко, послѣ разбоевъ у Ахмата, когда приставшій къ нему въ бузулуцкихъ степяхъ неизвѣстный разбойникъ оставилъ его шайку, опять на-



правился къ Илавлѣ и самъ встрѣтился съ бѣглецами у Разщепнаго буерака. Легіонный и Мирошниковъ охотно пошли въ его шайку, и Дегтяренко повелъ ихъ въ свой станъ, гдѣ и оставилъ на время «за неисправностію», а самъ съ прочими товарищами, отдохнувъ въ станѣ только четыре часа, снова выѣхалъ въ поле и снова проѣзжалъ въ сутки сотни верстъ, навѣдывался во всѣ захолустья, рыскалъ по всѣмъ проѣзжимъ тропамъ и дорожкамъ, точно для его маленькой шайки и не существовало усталости. Намъ удивляетъ эта неутомимая подвижность шайки Дегтяренко и ея необыкновенная отвага, когда, въ числѣ четырехъ человѣкъ, разбойники никому не давали покоя, не пропускали ни одного проѣзжаго и прохожаго, ни одного чумацкаго и купеческаго обоза. Сегодня ихъ видѣли въ одномъ мѣстѣ, а на другое утро Дегтяренко появлялся уже за сто верстъ отъ него; въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ разбойники успѣли сдѣлать нѣсколько тысячъ верстъ, только не болѣе трехъ разъ перемѣняя усталыхъ коней свѣжими. Не смотря на однообразіе разказа объ этихъ походахъ, записаннаго со словъ самого атамана и нѣкоторыхъ его товарищей, разказъ этотъ, при всей простотѣ и краткости, живо характеризуетъ описываемую нами годину и, при всей видимой сухости, много говоритъ воображенію, переносящемуся въ эту любопытную эпоху, со времени которой прошло не болѣе восьмидесяти лѣтъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ встрѣчи съ Легіоннымъ и Мирошниковымъ, мы уже видимъ Дегтяренко на Волгѣ, въ Золотовской волости, издавна извѣстной



разбойничьими притонами. Въ Золотовской волости всего болѣе свирѣпствовали толпы пугачовской вольницы, къ которымъ присоединились крестьяне и разбойники этой волости, гористая и лѣсистая мѣстность которой всегда давала убѣжище многочисленнымъ партіямъ бродягъ. Около села Золотова Волга представляла самое опасное мѣсто для каравановъ; въ этой волости поволжскіе разбойники соединялись съ полевою вольницею и были непобѣдимы. Сюда же пріѣзжалъ на время и Дегтяренко, гдѣ оставался не болѣе двухъ сутокъ у становщика Дутика, въ Щербаковскомъ хуторѣ. Здѣсь же, недалеко отъ колоніи Морь, партія Дегтяренка встрѣтилась на степи съ проѣзжавшими крестьянами какого-то помѣщика Салтыкова, которые, впрочемъ, смѣло отразили первое нападеніе разбойниковъ ружейными выстрѣлами. Но когда завязалась перестрѣлка, разбойники побѣдили проѣзжихъ и ограбили. Во время схватки раненъ былъ товарищъ Дегтяренка, Иванъ Губченко, въ горло и въ руку; со стороны проѣзжихъ раненъ одинъ мужикъ, которому разбойники прострѣлили ногу. «И послѣ, говорилъ Дегтяренко, отъ нихъ взявъ, *безъ всякихъ уже побоевъ*, денегъ ассигнаціями пятьдесятъ, мелкими двадцать пять рублевъ, одно ружье, два пистолета, тулупъ нагольной одинъ, рубашекъ мужскихъ три, поѣхали къ рѣчкѣ Горючкѣ.» На рѣчкѣ Горючкѣ находился становщикъ ихъ, табунщикъ Буровъ, у котораго разбойники имѣли притонъ, укрываясь въ буеракѣ. Здѣсь они рѣшились отдохнуть и съ помощью Бурова узнать, что говоритъ о нихъ народная молва. Пустивъ лошадей въ табунъ Бурова,



разбойники залегли въ станѣ, а Буровъ отправился въ Саратовъ для развѣдыванія относительно слуховъ и для закупки пороху и вареныхъ кремней къ оружію; раненый Губченко лечилъ между тѣмъ свои увѣчья. Скоро воротился и Буровъ съ покупками и сказалъ разбойникамъ: «Слышно про васъ въ Саратовѣ». Тогда разбойники, побывъ въ станѣ нѣсколько дней и «чрезъ то поправля себя», пустились въ путь и тутъ же, на рѣчкѣ Горючкѣ, напали на партію татаръ, ѣхавшихъ изъ Саратова, отняли у нихъ деньги, восемь лошадей и потомъ повернули къ Медвѣдицѣ. Въ селѣ Рыбушкѣ, на мельницѣ, они пьянствовали у знакомаго мельника; одаривъ его деньгами и вещами, поѣхали искать оставленныхъ ими Легіоннаго и Мирошникова, которые между тѣмъ пріобрѣли себѣ лошадей, успѣли вооружиться, запаслись порохомъ и другими необходимыми принадлежностями.

Но едва партія Дегтяренко съѣхалась съ Легіоннымъ и Мирошниковымъ, у Разщепнаго буерака, какъ была атакована вооруженными мужиками, высланными противъ разбойниковъ изъ ближайшихъ селеній, потому что молва о разбояхъ распространялась съ каждымъ днемъ, всѣ ожидали нападеній Дегтяренко и никто не былъ безопасенъ ни дома, ни въ полѣ. Между разбойниками и мужиками произошла жаркая схватка, во время которой, *между итурмою*, какъ говорилъ самъ Дегтяренко, разбойники убили четырехъ мужиковъ и окончательно отразили нападеніе, не давшись въ руки крестьянамъ. Можно вообразить, какъ отчаянно защищались разбойники, когда на мѣстѣ схватки оста-



лось четыре мертвыхъ тѣла и, безъ сомнѣнія, нѣсколько раненыхъ, а между тѣмъ какъ можно догадываться изъ словъ Дегтяренка, съ нимъ было только три товарища: Алешка Поповичъ, Легіонный и Мирошниковъ. Губченко, раненый еще прежде, до этой схватки, и послѣдній разбойникъ этой шайки, ѣздили къ Ахмату, чтобъ захватить серебро и другія вещи, награбленныя тамъ и спрятанныя въ стогъ сѣна. Впрочемъ, если въ дѣлѣ были и всѣ шесть человѣкъ, то и въ такомъ случаѣ безъ особенной храбрости они не могли отбиться отъ вооруженной высылки, не заплатившись кѣмъ-либо изъ товарищей; а между тѣмъ «штурма» кончилась безъ всякой потери со стороны разбойниковъ, по крайней мѣрѣ, изъ документовъ не видно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ былъ убитъ или раненъ. Однако, какъ ни счастливы были разбойники, слухи о нихъ дѣлались все громче и громче. Дегтяренко не могъ не понимать опасности своего положенія: но, при всемъ томъ, онъ какъ будто презиралъ опасностью и не покидалъ степей, можетъ быть, рассчитывая на малочисленность своей шайки, съ которой онъ могъ вездѣ быть незамѣтенъ, или на многочисленность становщиковъ, которые могли укрыть его въ самую критическую минуту. Какъ бы то ни было, но и послѣднее происшествіе не остановило его, а какъ будто прибавило въ немъ дерзости и безумной отваги. Онъ видитъ, что лошади его товарищей истомлены отъ частыхъ переѣздовъ, и немедленно нападаетъ на табунъ, разгоняетъ табунщиковъ и беретъ свѣжихъ коней; ему не удавалось до сихъ поръ произвести разбоя въ тѣхъ



мѣстахъ, гдѣ ходили шайки его предшественниковъ, и онъ проводитъ свою шайку по всему протяженію Илави и выводитъ ее къ низовьямъ Медвѣдицы, на рѣчку Арчаду; смѣло онъ является въ хуторъ походнаго эсаула Маневскаго и даритъ ему, неизвѣстно за что, «отъ своей артели денегъ пятнадцать рублей да двѣ лошади», живетъ у него свободно нѣсколько дней и тутъ же вознаграждаетъ себя тѣмъ, что около самаго хутора беретъ изъ табуна четыре лошади. Онъ начинаетъ сорить деньгами и всѣмъ награбленнымъ имуществомъ; до сихъ поръ онъ щедро награждалъ становщиковъ и всѣхъ, у кого гостилъ, — такъ онъ платилъ довольно большія, по тому времени, деньги на Даниловскихъ хуторахъ, колонистамъ въ Грязнухѣ и въ Верхней Добренкѣ, своему прежнему хозяину Каменному, становщику Филановской станицы Коблову, становщику на Щербаковскомъ хуторѣ, табунщику Бурову, его товарищу, потомъ мельнику въ селѣ Рыбушкѣ, наконецъ, походному эсаулу Маневскому; теперь онъ сталъ платить еще щедрѣе: направившись съ Арчады, вверхъ по Медвѣдицѣ, и пріѣхавъ къ Каменному, онъ даетъ ему лошадей, денегъ и тутъ же, отѣхавъ нѣсколько верстъ вверхъ по Медвѣдицѣ и своротивъ въ сторону, грабитъ мужиковъ, которые ѣхали на Донъ, и самъ скачетъ къ Дону, является къ прежнему становщику Коблову и отдаетъ ему захваченныя у проѣзжихъ деньги; снова ѣдетъ въ предѣлы саратовскаго намѣстничества, грабитъ или «усильнымъ образомъ» беретъ, что ему нужно на мельницѣ, на рѣчкѣ Латрыкѣ; а черезъ нѣсколько времени мы ви-



димъ его уже у становщика Бурова, переносившаго разбойникамъ вѣсти о томъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ и какіе слухи ходили о Дегтяренкѣ. — «За вами послана высылка», сказалъ имъ на этотъ разъ Буровъ, и разбойники должны были, наконецъ, подумать о своемъ спасеніи.

Но и послѣ этого Дегтяренко дѣйствуетъ такъ же странно, какъ и прежде. вмѣсто того, чтобы спастись, онъ ѣдетъ почти прямо къ Саратову, выводитъ свою партію на Волгу, поворачиваетъ на югъ, заходитъ на Буркину ватагу, чтобы застисъ хлѣбомъ, скачетъ къ Камышину и на дорогѣ посѣщаетъ колонію Добренку, гоститъ у знакомаго колониста, даритъ его деньгами, снова возвращается вверхъ по Волгѣ, платитъ деньги на Щербаковскомъ хуторѣ и, наконецъ, опять является къ Бурову, въ свой давнишній притонъ. Видно, что онъ уже дѣйствуетъ безъ цѣли, бросается въ разныя мѣста и ищетъ исхода; его преслѣдуютъ слухи, говоръ; ему грозятъ высылки; степи становятся не безопасны, укрыться негдѣ, надо разстаться съ шайкой, или попасться въ руки разъѣзднымъ командамъ. Оставалось три дороги: броситься въ глубь Россіи, — но тамъ еще опаснѣе, чѣмъ въ поволжьѣ; пройти въ «гетманщину», какъ онъ и думалъ, — но это было не такъ легко; бѣжать за Волгу — это всего возможнѣе. Приходилось принять, хотя на время, послѣднее рѣшеніе. Дегтяренко, покинувъ въ своемъ станѣ товарищей, лошадей и оружіе и, простившись съ становщикомъ Буровымъ, взялъ съ собой одного Губченко, и вдвоемъ пошли по направленію къ Волгѣ. Выше села Синень-



каго они переѣхали на луговую сторону въ ловецкой лодкѣ и пришли въ колонокъ Козицкій, гдѣ и думали переждать самое опасное время поисковъ разѣздныхъ командъ. Губченко имѣлъ съ собой два паспорта, и разбойники явились съ ними къ старостѣ, который и позволилъ имъ остаться въ колоніи. Но Дегтяренко не могъ ужиться покойно ни на одномъ мѣстѣ, потому что съ вольной жизнью привились къ нему такія привычки, которыя, рано или поздно, должны были погубить его. Нажитыя грабежемъ деньги доставляли ему свободный доступъ во всѣ кабаки, а въ кабакахъ заводились знакомства, и въ пьяномъ видѣ говорилось многое, что не легко сказалось бы при другихъ обстоятельствахъ. Кабакъ свелъ Дегтяренко съ такими людьми, которые выдали тайну его занятій и едва не погубили его. — Онъ поилъ всѣхъ безъ разбора и также безъ разбора сорилъ деньгами, привлекая тѣмъ вниманіе мѣстныхъ властей. Такъ, между прочимъ, «будучи въ питейномъ домѣ, говоритъ Дегтяренко, по знакомству свидѣлись мы Покровской малороссійской слободы атамана Степана Мартыненко съ племянникомъ, которой отъ насъ выпилъ чарку вина, на вопросъ сказалъ, что де скоро пріѣдетъ въ свои хутора дядя ево, атаманъ, а мы притомъ его просили, естли пріѣдетъ, то бѣ онъ къ намъ побывалъ въ колонокъ, которой на четвертый день пріѣхавъ пилъ вмѣстѣ, а между тѣмъ я и Губченко дали ему, атаману Мартыненку, въ подарокъ четыре рубли денегъ». Вѣроятно, разбойники желали задобрить подаркомъ атамана, однако, напрасно. Черезъ нѣсколько дней



Мартыненко явился въ колонію съ вооруженными людьми и захватилъ разбойниковъ. Произошла страшная суматоха, крикъ пошелъ по всей колоніи, «сдѣлался великій шумъ и сбѣжалось много колонистовъ». По праву гостепріимства, колонисты отняли разбойниковъ у Мартыненко и повезли ихъ въ другую колонію, къ военному начальнику, для освидѣтельствованія паспортовъ. Но Дегтяренко спасся и въ этомъ случаѣ, потому что паспорта оказались неподозрительными, личности разбойниковъ не внушали никакого сомнѣнія на счетъ ихъ благонамѣренности, и разбойники были отпущены. Но послѣ того и за Волгой оставаться было не безопасно и разбойникамъ приходилось думать о гетманщинѣ, куда они прежде желали пробраться. Снова переѣхали они на горную сторону Волги и снова побрели къ стану, къ табунщику Бурову, гдѣ и нашли оставленныхъ товарищей. Не было другого исхода, какъ покинуть саратовское намѣстничество, разстаться съ поволжьемъ, гдѣ окончательно погибала понизовая вольница, и искать новыхъ мѣстъ для удалыхъ походовъ. Притомъ время приближалось къ концу лѣта, всѣ поля были заняты народомъ, убиравшимъ хлѣбъ, жизнь у становщиковъ оказалась невозможною, и Дегтяренко рѣшился разстаться съ товарищами навсегда.

Въ сентябрѣ 1781 года Дегтяренко въ послѣдній разъ вывелъ въ поле свою шайку и, доведя ее до истоковъ рѣчки Бузулука, распустилъ товарищей въ разныя стороны. Съ нимъ остался только Мирошниковъ, да и тотъ, потерявъ всякую возможность остаться



въ поволжьѣ, гдѣ его знали еще со времени разбоевъ атамана Рыжаго, думалъ пройти на Терекъ, въ моздокскія степи, куда стала мало-по-малу перебираться понизовая вольница, и гдѣ еще можно было погулять и поголодать на свободѣ. Но Дегтяренко помнилъ свою далекую родину, «гетманщину», какъ онъ ее называлъ, и, разставаясь съ поволжьемъ, гдѣ шатался безпріютнымъ бродягой и голодалъ, и ходилъ въ лохмотьяхъ, и терпѣлъ униженіе, гдѣ, наконецъ, властвовалъ въ небольшомъ кругу, надѣлалъ шуму и тревоги, и хотѣлъ увести съ собой Мирошникова <sup>1)</sup>. Однако, намѣренія ихъ не исполнились: Алешка Поповичъ, котораго они нашли потомъ на одномъ изъ Бузулуцкихъ хуторовъ и просили написать имъ паспорта для проѣзда въ Малороссію, былъ схваченъ казаками и предалъ товарищей. Хотя они и были пойманы безъ оружія; однако, скоро отыскалось и оружіе, которое они успѣли было скрыть <sup>2)</sup>. Разбойниковъ сначала повезли на судъ въ

<sup>1)</sup> «Намѣренъ былъ (Мирошниковъ), отыскавъ билетъ проѣхать для празднаго жительствова на Терекъ, который (Дегтяренко) ему выговорилъ: «Поѣдемъ-де на Бузулукъ и тамъ сыщемъ себѣ подорожную. Обѣщался ево съ собой провестъ въ гетманщину.»

<sup>2)</sup> «По доказательству казака Луки Минаева въ стогу вынута ево, Кузнецова (такъ назывался Мирошниковъ послѣ побѣга изъ царицынской тюрьмы), снаряду два ружья, пистолетъ, казачья лядунка, да труска черепашья, егарская, охотничья красной кожи потронница и съ двадцатью тремя порохомъ наполненными патронами и вложенною въ нихъ смѣшанною съ пуговками дробью, одна казачья шашка, два дротика, полтора фунта въ мѣшкѣ пороху; снятъ съ него кафтанъ синей китайки, избита лѣвая пола пулею, а сзади дробью, да синей толстаго сукна азымъ, шапка жаркова сукна, что все значитца къ подозрѣнію реченнаго Кузнецова, кромѣ Дехтярева, коего разбойнической снаряды взятъ особо въ куренѣ казака Кобтова,» знакомаго намъ становщика.



Черкасскъ, но съ дороги воротили въ Саратовъ, гдѣ Дегтяренко, послѣ «пристрастнаго» допроса, сознался въ своихъ преступленіяхъ. Но Алешка Поповичъ и Мирошниковъ, не смотря на допросъ подъ «пристрастіемъ батововъ» и на увѣщанія судей и священника, не хотѣли открыть всего, въ чемъ были виновны.

Такъ какъ Мирошниковъ принадлежалъ нѣкогда къ шайкѣ атамана Рыжаго, а онъ до сихъ поръ сидѣлъ въ царицынской тюрьмѣ и судился вмѣстѣ съ прочими соучастниками своихъ походовъ, то и Мирошникова привезли въ Царицынъ, а Дегтяренка и Алешку Поповича отослали въ мѣста ихъ родины. Уже въ концѣ 1782 года кончился судъ надъ царицынскими арестантами, преступленія которыхъ подведены были подъ слѣдующія статьи законовъ.

По Соборному Уложенію, главы 2, ст. 4. «А будетъ кто умышленіемъ и измѣною городъ зазжетъ или дворы и въ то время или послѣ того зажигальщикъ изыманъ будетъ и сыщется про то ево воровство допряма, и его самого зжечь безъ всякаго милосердія». Гл. 10, ст. 228. «А будетъ кто нѣкія ради вражды или разграбленія зазжетъ у кого дворъ и послѣ того онъ будетъ изыманъ и сыщется про него допряма, что пожаръ онъ учинилъ нарочнымъ дѣломъ, и такова зажигальщика казнити зжечь.

Гл. 21, ст. 16. «А будетъ приведутъ разбойника и его пытать, да будетъ онъ съ пытки повинитца, что онъ разбивалъ впервые, а убивства не учинилъ, и у того разбойника за первый разбой послѣ пытки отрѣзать правое ухо. да въ тюрьмѣ сидѣть три года, а



животы его отдать въ выти исцамъ, а изъ тюрьмы вынимая его, посылати въ кандалахъ работать всякое издѣлье, гдѣ государь укажетъ, а какъ онъ въ тюрьмѣ три года отсидитъ, послати въ украинные города, гдѣ государь укажетъ, и велѣти ему въ украинскихъ городахъ быти въ какой чинъ пригодитца и дать ему по тому же письму за дьячьею приписью, что онъ за свое воровство въ тюрьмѣ урочные годы отсидѣлъ и изъ тюрьмы выпущенъ.»

Ст. 12. «А которые разбойники говорятъ на себя въ распросѣ и съ пыткою, что они были на одномъ разбоѣ, да на томъ же разбоѣ учинили убивство или пожгли дворы или хлѣбъ, и тѣхъ разбойниковъ и за первый разбой казнити смертію.»

Къ этимъ статьямъ подведены были соотвѣтствующія мѣста воинскаго артикула, и положено было слѣдующее рѣшеніе: *«По сентенціи присутствующихъ приговорено, въ силу воинскихъ правъ, подпоручика Носкова, капрала Архипова и солдата Горева повѣсить; Овчинникова, Гончарова и Журенкова колесовать и на колесо тѣла ихъ потомъ положить, а Старкова сжечь<sup>1)</sup>»*.

<sup>1)</sup> Подпоручикъ Носковъ обвинялся въ приѣмѣ воровскихъ вещей и въ потворствѣ разбойникамъ; а прежде этого, 1777 года, «за непорядочное солдата Драконова наказаніе палками и за неучтивые и грубые передъ командиромъ ево, Носкова, отвѣты, написанные въ рапортѣ ево угрозы, арестованъ былъ на одну недѣлю на хлѣбъ и воду»; 1788 года, «за приходъ въ канцелярію въ ночное время пьянымъ образомъ, за битіе солдата Боброва обнаженнымъ тесакомъ и за порубленіе ему руки и за битіе жъ стоящаго на часахъ солдата Карпова пинками и за посаженіе въ тюрьму въ цѣпь арестованъ былъ на три недѣли». Капралъ Архиповъ и солдатъ Горевъ — его соучастники въ перекражѣ у воровъ воровскихъ вещей. Овчинниковъ это настоящая фамилія атамана Рыжаго; Гонча-



Прочіе разбойники-становщики, знакомые Рыжаго, нѣсколько бабъ, какъ разбойничьихъ женъ, такъ и любовницъ, судились въ воеводской канцеляріи въ Царицынѣ, а соучастники Дегтяренка развезены были по другимъ городамъ и такимъ образомъ были уничтожены двѣ послѣднія поволжскія шайки.

Восемьдесятъ лѣтъ, протекшихъ со времени поимки послѣднихъ разбойничьихъ атамановъ, много измѣнили характеръ понизовой вольницы. Но съ восьмидесятыми годами прошедшаго столѣтія поволжская вольница не умерла окончательно, только разбойничьи шайки мельчали и рѣдѣли, и атаманы становились все жалче и безсильнѣе. Долго водились на Волгѣ небольшія партіи этихъ людей, разбойники «шалили» еще въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія у Самары, въ Жегулевскихъ горахъ, но теперь уже ничего не слышно. Года три тому назадъ уничтожены, наконецъ, гардкаютныя команды, нѣчто въ родѣ древнихъ «высылокъ» и «разѣздовъ», наблюдавшія за спокойствіемъ на Волгѣ, — потому что понизовая вольница обратилась окончательно въ бурлаковъ.

Но народная память, равнодушная къ громкимъ историческимъ именамъ, къ славѣ преобразователей и великихъ администраторовъ, вѣрно сохраняетъ другія

---

*ровъ* — товарищъ Рыжаго, называвшійся *Стародувскимъ купцомъ*; *Журенковъ* тоже соучастникъ Рыжаго; *Старковъ* былъ не кто другой, какъ разбойникъ *Шагала*, что открыто было уже въ 1762 году, по безымянному письму, поданному неизвѣстнымъ человѣкомъ саратовскому намѣстнику Поливанову въ пріѣздъ его въ Царицынъ. Старковъ воспользовался именемъ умершаго малороссіянина и скрывался съ его паспортомъ.



имена, не занесенныя на страницы исторіи. Народъ почти ничего не помнитъ изъ прошедшаго нашей родины, но хорошо знаетъ все, что имѣло отношеніе непосредственно къ нему и къ его спокойствію: у него своя исторія и свои громкія имена. Много полусказочнаго, полуправдиваго расскажетъ онъ и теперь про разбойника Быкова, дѣйствовавшаго около Казани въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія <sup>1)</sup>, про разбойника Гусева, нѣсколько разъ бѣгавшаго изъ Сибири и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ограбившаго соборъ въ Саратовѣ. Народъ не знаетъ гармоническихъ стиховъ Пушкина и не сочувствуетъ имъ, а между тѣмъ охотно разучилъ и поетъ, передавая по всему поволжью, нескладную и нелѣпую пѣсню, сочиненную этимъ разбойникомъ, Гусевымъ, въ саратовскомъ острогѣ. Замѣчательно, что самъ народъ говоритъ, что эту пѣсню сложилъ Гусевъ. Мы приведемъ ее здѣсь, какъ образчикъ новѣйшей народной поэзіи. Станный размѣръ и присутствіе риѣмы обнаруживаютъ знакомство разбойника съ новѣйшими риѣмованными пѣснями. Вотъ она:

Мы заочно, братцы, распростимся  
Съ бѣлой, каменной тюрьмой,  
Больше въ ней сидѣть не будемъ,  
Скоро въ путь пойдемъ большой.  
Скоро насъ въ Сибирь погонять,  
Мы не будемъ унывать, —  
Намъ въ Сибири не бывать,

---

<sup>1)</sup> Въ анатомическомъ кабинетѣ казанскаго университета находится бюстъ, или слѣпокъ съ головы этого разбойника и скелетъ изъ его костей, потому что онъ, кажется, умеръ въ Казани, во время наказанія. Тамъ же мы видѣли скелетъ и бюстъ разбойника Чайкина.



Въ глаза ее не видать:  
Здѣсь дороженька большая,  
И съ пути можно бѣжать;  
Деревушка стоитъ къ пути близко  
На краю — Самаръ-кабакъ,  
Цаловальникъ намъ знакомый,  
Онъ изъ насъ же, изъ бродягъ.  
За полштофъ ему вина  
Только деньги заплатить,  
Кандалы съ насъ снимаетъ,  
Можно будетъ намъ бѣжать.

Ты зачѣмъ, бѣдный мальчишка,  
Въ свою сторону бѣжалъ?  
Никого ты не спросилъ,  
Кромѣ сердца своего.  
Прежде пилъ ты, веселился,  
Какъ имѣлъ свой капиталъ,  
Съ товарищами поводился,  
Капиталъ свой промоталъ.  
Капиталу не сыстало  
Во неволю жить попалъ,  
Во такую во неволю  
Въ бѣлый каменный острогъ.  
Во неволѣ сидѣть трудно,  
Но кто знаетъ про нее?  
Посадили насъ на недѣлю  
Мы сидѣли круглый годъ.  
За тремя мы за стѣнами  
Не видали свѣтлый день;  
Но небось, Господь творецъ съ нами.  
Часты звѣзды намъ въ ночи сіяли,  
Мы и тутъ зарю видали,  
Мы и тутъ не пропадемъ!  
Часты звѣзды потухали,  
Заря бѣла занялась,  
Какъ зоринька занялася,  
Барабанъ зорю пробилъ.  
Барабанушка пробивалъ,  
Ключникъ двери отпиралъ.  
Ключникъ двери отпираетъ,  
Офицеръ съ требой идетъ,  
Всѣхъ на имя насъ зоветъ:



Одѣвайтесь, ребятенки,  
Въ свои сѣры чапаны,  
Вы берите сумочки, котомки,  
Вы сходите сверху внизъ,  
Говорите всѣ одну рѣчь.  
Что за шутова коляска  
Проявилась въ городу?  
Коней пару запрегаютъ,  
Подаютъ ее сейчасъ;  
Подаютъ эту коляску  
Ко парадному крыльцу,  
Сажаютъ бѣднаго мальчишку  
Меня задомъ напередъ,  
Подвозили бѣднаго мальчишку  
Къ эшафотному столбу.  
Палачъ Оедька разбѣжался,  
Меня за руки беретъ,  
Становить меня мальчишку,  
У траурнаго столба,  
Велятъ мнѣ, бѣдному мальчишкѣ,  
На восходъ солнца молиться,  
Со всѣмъ міромъ проститься  
Палачъ Оедька разбѣжался,  
Рубашенку разорвалъ,  
На машину меня клалъ.  
На машину меня клали,  
Руки, ноги привязали  
Сыромятнымъ ремнемъ.  
Беретъ Оедька кнутъ въ руки,  
Закричалъ: братъ, берегись!  
Онъ ударилъ въ первый разъ,  
Полились слезы изъ глазъ;  
Онъ ударилъ другой разъ,  
Закричалъ я: помилуйте насъ!... <sup>1)</sup>

---

<sup>1)</sup> Пѣсня эта, вѣроятно, сложена въ концѣ сороковыхъ годовъ, когда Гусевъ, послѣ убійства соборнаго сторожа, былъ вторично (или въ третій разъ) пойманъ и сидѣлъ въ острогѣ. Въ пѣснѣ прощанье съ товарищами и описаніе позорнаго наказанія кнутовъ; «шутова коляска» — позорная колесница; палачъ Оедька — очень популярное лице. — Самарь-кабакъ и цаловальникъ напоминаютъ «Бродягу» И. С. Аксакова.



## Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ.

«Наши историки (Карамзинъ, Соловьевъ и проч.) обратили преимущественное вниманіе такъ сказать на центроостремительную силу нашей исторіи, почти вовсе опуская изъ виду значеніе силы центробѣжной... Эта центробѣжная сила нерѣдко представляетъ такихъ же *грозныхъ* дѣятелей, какъ и противоположная ей. Самыя дикія ея обнаруженія доказываютъ только, что въ русскомъ народѣ всегда жило, хоть и смутно, сознаніе необходимости существованія, помимо государства, — еще гражданского общества, — истина, которую вполне ясно и опредѣленно выразить предоставлено было нашему времени. Нерѣдко страшныя проявленія этой центробѣжной силы въ нашей исторіи — не что иное, какъ протестъ ея противъ излишнихъ притязаній силы ей противоположной.»

В. Ламанскій.

(О славянахъ въ Малой Азии и пр.)

Въ предлагаемомъ здѣсь небольшомъ очеркѣ на первый планъ выступаютъ не полководцы, не законодатели, а простые разбойники, которые заслужили право на вниманіе исторіи не личными качествами, не какими-либо особенными подвигами а, вопервыхъ, тѣмъ, что въ нихъ выразился характеръ эпохи, о которой



у насъ большею частью судятъ ошибочно; воторыхъ, тѣмъ вліяніемъ, какое имѣли они на окружавшую ихъ среду (а эту среду составляли массы такихъ же сѣрыхъ людей, какъ и они сами), и, наконецъ, тѣмъ, что заставляли задумываться и тревожиться полководцевъ и законодателей.

Нельзя не пожалѣть, что исторія разбоевъ, происходившихъ въ нашемъ отечествѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія, мало разработана. Никто изъ писателей даже прошлаго вѣка не счелъ нужнымъ обратить вниманіе на эти странныя корпораціи разбойниковъ, какъ будто ихъ не было вовсе. Только имя атамана Заметаева сохранилось въ одной иностранной монографіи, посвященной описанію походовъ Суворова. Ф. Антингъ, авторъ весьма пространнаго сочиненія: *Les campagnes du Feldmaréchal Comte de Souvoroff-Rumnikski*, — называетъ Заметаева «преемникомъ Пугачова» (*successeur de Pugatschew*), даетъ ему эпитетъ «умнаго и мужественнаго», прибавляетъ, что только быстро-принятая мѣра помѣшала этому человѣку достаточно усилиться, и въ нѣсколькихъ словахъ рассказываетъ объ его подвигахъ на Каспійскомъ морѣ и объ его поимкѣ<sup>1)</sup>. Впрочемъ, и о Заметаевѣ упомя-

---

<sup>1)</sup> Ф. Антингъ называетъ Заметаева *Semetriew* и *Sametriow*. Антингъ говоритъ, что этотъ разбойникъ — «un successeur de Pugatschew, nommé *Sametriow*, s'était montré sur les bords de la mer Caspienne. *Semetriow* avait exercé divers brigandages contre les Turcs, il s'était emparé de quelques vaisseaux marchands avec 4 canons, il faisait des incursions par eau et par terre et il s'approchait d'Astracan du côté du lac Aral. — On prit aussitôt contre lui les mesures nécessaires. Le comte (Суворовъ) envoya 2 bataillons avec de l'artillerie et quelques escadrons de dragons



нулось только потому, что подошелъ случай. А между тѣмъ исторія лицъ, подобныхъ Заметаеву, весьма любопытна и объясняетъ многое въ исторіи прошлаго вѣка. Это былъ особеннаго рода протестъ слабого противъ сильнаго, протестъ, при которомъ не разбиралось средствъ, именно вслѣдствіе увѣренности, что честными путями ни въ какомъ случаѣ выиграть его невозможно.

Почти въ одно время съ Заметаевымъ дѣйствовали еще атаманы Кулага, Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ, каждый съ своею шайкой. Кулага, какъ и Заметаевъ, производилъ свои пиратскія экспедиціи на Каспійскомъ морѣ и на Волгѣ, на легкихъ лодочкахъ, тогда какъ послѣдніе дѣйствовали на сушѣ, предпринимая отдаленные походы въ глубь Россіи. Брагинъ и Зубакинъ не пользовались такою громкою популярностью въ Россіи, какъ Заметаевъ, который, какъ выражался о немъ

---

dont les uns s'embarquèrent et les autres descendirent le Wolga sur la rive. En même tems il fit part de cette nouvelle au gouverneur d'Astracan. *Semetriow* avait été simple soldat d'infanterie sous Tottleben en Géorgie, ensuite appointé, et il avait déserté. Il était homme d'esprit et de courage, mais il n'eût pas le tems de se procurer des moyens; son parti était d'environ 300 hommes avec lesquels il vint à Tschernoyar, d'où il se retira au travers des landes d'Astracan à peu pres vers la melieu du Don. Ses gens qui apprirent qu'on le poursuivait, l'abandonnèrent en route, et quand il arriva sur le Don, il lui restait tout au plus dix hommes. De là il en envoya quelques uns chercher du pain dans un village voisin. On les arrêta comme suspects. Ils indiquèrent l'endroit où il se trouvait à un demi-mille de là dans la plain. On y envoya des Casaques du Don qui le firent prisonier ainsi que les autres pendant qu'ils dormaient». (*Les campagnes etc.*, par Frédéric Anthing. Trad. de l'Allemand par M. de Serionne, Membre de plus. académies. Avec des planches. Gotha. 1799. I vol. p. 170—171.) Ср. нашу статью о Заметаевѣ на стр. 48.



Суворовъ, «былъ оглашаемъ въ разныхъ странахъ»; но ихъ шайка имѣла соучастниковъ на Волгѣ, на Илавлѣ, на Медвѣдицѣ, Хопрѣ и Воронѣ-рѣкѣ. Товарищи Брагина и Зубакина принадлежали къ разнымъ сословіямъ: были между ними казаки, малороссіяне, русскіе рекруты и русскіе крестьяне; косвенно къ корпораціи ихъ принадлежали и помѣщики, и духовенство, и чиновники. Разбойничьи станы этой шайки находились не въ одномъ мѣстѣ: они собирались то въ одинъ притонъ, то въ другой; сегодня станъ ихъ на Медвѣдицѣ, на Илавлѣ, а черезъ мѣсяцъ они держатъ «воровской» совѣтъ гдѣ-нибудь за триста, за четыреста верстъ оттуда. Передъ отправленіемъ въ походъ, они сходились въ одномъ изъ становъ, совѣтовались, куда идти, вооружались, запасались иногда подводами для перевозки добычи и подъ предводительствомъ атамана, эсаула или одного изъ старшихъ и опытныхъ разбойниковъ, какимъ былъ Зубакинъ, шли на промыселъ. Послѣ удачнаго или неудачнаго похода, когда шумъ о разбояхъ распространится по городамъ и селамъ, и правительство поспѣшитъ принять противъ разбойниковъ мѣры, шайка разбредется въ разныя стороны: кто убить или пойманъ и попалъ въ острогъ, кто идетъ на Волгу, кто за Волгу, иной на Илавлю, на Каспійское взморье, кто въ лѣсъ и степи, и шатаются бѣглецы до новаго случая, до призыва атаманскаго, распѣвая старинныя пѣсни про свои станы да лѣса темные.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!

Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!



Ахъ, станы ли вы, станочки, станы теплые!  
Еще всѣ-то вы кусточки ужъ повыжжены,  
Еще всѣ наши станочки пораззорены,  
Еще всѣ наши товарищи переиманы.  
Какъ и первой-то товарищъ въ градѣ Кіевѣ,  
А второй-то нашъ товарищъ въ камменной Москвѣ,  
Какъ и третій-то товарищъ въ славномъ Питерѣ.  
Я остался, добрый молодецъ, въ темныхъ лѣсахъ...  
Закружилася моя головушка, закружилася!..

Объ одной изъ такихъ экспедицій шайки Брагина и Зубакина мы намѣрены разказать здѣсь по старымъ архивнымъ документамъ <sup>1)</sup>. Какъ оказывается изъ дѣла, разбойники снарядились въ походъ нѣ-скоро, и хотя шайка ихъ была многочисленна, однако, опасаясь ли возбудить подозрѣніе или разчитывая, что небольшими партіями удобнѣе дѣлать набѣги, Брагинъ собралъ въ поле лишь нѣсколько человѣкъ. Это было лѣтомъ 1775 года. Онъ снаряжался въ путь въ то самое время, когда Кулага пробирался отъ Астрахани вверхъ по Волгѣ, а Заметаевъ, покончивъ разбой на Каспійскомъ морѣ и простившись съ своимъ эсауломъ послѣ побѣды надъ высланнымъ противъ нихъ отрядомъ, пробирался на Донъ, уклоняясь отъ посланныхъ Суворовымъ драгунскихъ эскадроновъ.

Въ то время, когда Брагинъ собралъ въ одномъ изъ своихъ становъ нѣсколько человѣкъ изъ предводительствуемой имъ шайки, въ Камышинъ пріѣхалъ изъ верховыхъ городовъ купецъ, котораго въ городѣ знали подъ именемъ Бѣлевцова. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ тархана, хотя не торговалъ ничѣмъ; иногда являлся

---

<sup>1)</sup> Изъ числа полученныхъ нами отъ Н. И. Костомарова.



въ видѣ перекупщика старыхъ вещей, въ другой разъ прїѣзжалъ въ качествѣ хлѣбнаго торговца; былъ онъ и рыбникомъ и повѣреннымъ по дѣламъ; отъ чужаго имени продавалъ онъ даже и людей, которыхъ бралъ Богъ-вѣсть откуда. Однимъ словомъ, личность довольно подозрительнаго свойства, и видно было, что профессія торгаша маскировала что-то другое. На этотъ разъ Бѣлевцовъ прїѣзжалъ для покупки рыбы, но, неизвестно почему, рыбы не купилъ, а задумалъ какое-то новое дѣло. Наѣзжая въ Камышинъ, онъ останавливался обыкновенно у одного малороссіянина, камышинскаго бобыля, по прозванію Пучка. Слѣдуетъ замѣтить, что около того времени среднее поволжье стало заселяться выходцами изъ Украйны, которыхъ называли «черкасами». Стѣсняемые на родинѣ въ своихъ вольностяхъ посполитые люди, особенно изъ наиболее тѣснимыхъ мѣстностей, разбрелись по всей Россіи: кто шелъ въ Запорожскую Сѣчь, къ тогдашнему атаману Потемкину, кто на Донъ, иные пробирались на Волгу. Большія передвиженія начались особенно послѣ жестокаго усмиренія бунта гайдамаковъ: избавившись отъ кола и висѣлицы, бездомные и безпріютные гайдамаки разсыпались по всей южной Россіи, «съ ножомъ за голенищемъ», по выраженію народнаго поэта. Потянулись гайдамаки и къ привольному поволжью, пошелъ въ крестьяне, кто въ бурлаки на суда, подѣлались честными гражданами: кто въ бобыли; но при своихъ честныхъ занятіяхъ не забывали и гайдамацкихъ привычекъ, особенно когда трудъ не спасалъ отъ бѣдности. Оттого такъ часто и охотно приставали они къ разбойничь-



имъ шайкамъ; иные изъ нихъ сами дѣлались атаманами. Изъ числа такихъ переселенцевъ было и семейство бобыля Пучка. Бѣлевцовъ, будучи давно знакомъ съ бобылемъ, пригласилъ его отправиться съ нимъ въ Русь, для разныхъ торговыхъ дѣлъ, подговоривъ еще другаго малороссіянина, тоже давно ему знакомаго и пріятеля Пучка. Бѣлевцовъ звалъ ихъ на Медвѣдицу, въ село Кочетовку, для покупки, какъ онъ говорилъ, ржаной и пшеничной муки на продажу. Онъ обѣщаль «не обидѣть» ихъ, когда отъ этой операціи получить прибыль. Малороссіяне согласились, и всѣ втроемъ отправились въ путь на двухъ телѣгахъ.

Но они ѣхали не долго. За рѣчкою Карамышемъ, за поселкомъ Топовкою, когда они проѣзжали по степи, изъ буерака, «на перехватъ ихъ», выѣхало нѣсколько вооруженныхъ всадниковъ.

— Что за люди? закричали они ѣхавшимъ: — куда ѣдете?

Тѣ отвѣчали, что ѣдутъ изъ Камышина за покупкой хлѣба. Тогда неизвѣстные вооруженные люди велѣли имъ идти съ собой къ разбойничьему стану, приглашая также вступить въ шайку. Это были разбойники. Они тѣмъ болѣе хотѣли завербовать къ себѣ въ соучастники трехъ своихъ плѣнниковъ, что Бѣлевцовъ, по роду своей торговли долженъ былъ очень хорошо знать, гдѣ разбойники могутъ получить важную добычу, и могъ указать имъ на самыхъ богатыхъ людей въ тѣхъ губерніяхъ, по которымъ онъ разѣзжалъ. Разбойники, кажется, знали что за человѣкъ этотъ Бѣлевцовъ, хотя, быть можетъ, онъ и не принадлежалъ



къ ихъ шайкѣ. Но ни Бѣлевцовъ, ни товарищи его, разумѣется, не желали слѣдовать за разбойниками къ ихъ притону. Разбойники грозили имъ смертью, били ихъ и особенно Бѣлевцова, въ которомъ наиболѣе нуждались. Не имѣя силъ сопротивляться, пойманные торгоши должны были слѣдовать за разбойниками, которые и привели ихъ въ свой станъ.

Въ то время, когда нижнее поволжье было еще такъ мало заселено, когда отъ поселка къ поселку вели пустынные степныя тропы или извилистыя лѣсныя дорожки, когда дремучіе лѣса, стоявшіе нетронутыми по отлогостямъ и вершинамъ волжскихъ горъ и по всѣмъ впадающимъ въ Волгу, Медвѣдицу и Хоперь рѣчкамъ, представляли безопасное убѣжище всякой вольницѣ—разбойничьимъ притонамъ было много мѣста. Темный лѣсъ, высокіе камыши у рѣчекъ и глубокія степныя балки, буераки и яры покрывали днемъ все, что дѣлалось ночью. Вновь заводимый гдѣ-нибудь на отшибѣ поселекъ, глухая, заросшая лѣсомъ деревенька, степныя хутора и уметы, гумна, раскиданные по полямъ, вдали отъ жилья, и даже большія села и кабаки по городамъ служили притонами для разбойниковъ. Жить было тяжело, и потому надо было или жить на чужой счетъ и грабить, или принимать у себя награбленное. Вотъ отчего такъ много было въ то время пристанодержателей и такъ много было воровскихъ становъ. Тамъ же, гдѣ былъ встрѣченъ Бѣлевцовъ, мѣстность представляла и другія удобства: около Топовки разстилается ровная степь, усѣянная множествомъ кургановъ, которые слывутъ въ народѣ подъ именемъ «та-



тарскихъ могилъ». Степь эта представляетъ плоскую возвышенность, владычествующую надъ всею окрестностью, и между курганами замѣтнѣе прочихъ «Большой Курганъ», съ котораго глазъ видитъ все, что дѣлается вокругъ, далеко въ степи. Разбойники умѣли выбрать эту мѣстность для своего стана: съ Большаго Кургана они наблюдали за каждымъ проѣзжимъ и прохожимъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь шла большая дорога, ведущая отъ поволжья въ «Русь». И при Пугачовѣ около Топовки было особенное движеніе.

Разбойники и ихъ плѣнные пробыли въ станѣ два дни. Это былъ притонъ Брагина и Зубакина. Самъ Брагинъ находился въ то время въ станѣ и правилъ имъ, какъ атаманъ. Брагинъ служилъ когда-то, какъ казакъ волжскаго войска, въ Московскомъ легіонѣ, и бѣжалъ оттуда. Это тотъ самый легіонъ, который формировался въ поволжьѣ за годъ до появленія Пугачова, и главнымъ командиромъ котораго былъ извѣстный князь Прозоровскій; въ этомъ легіонѣ служилъ предшественникъ Пугачова, молодой самозванецъ Богомоловъ, и часть этого самаго легіона, стоявшая у Дубовки, взбунтовалась въ 1772 году, защищая, въ лицѣ Богомолова, покойнаго императора Петра III и требуя, чтобы мнимый царь велъ бунтовщиковъ на Москву. Должно думать, что Брагинъ зналъ Богомолова. Во время пребыванія въ станѣ, въ продолженіе двухъ дней, Брагинъ, не разбиравшій средствъ для достиженія цѣли, успѣлъ сдѣлать все, что ему было нужно: онъ жестоко мучилъ Бѣлевцова, принуждая вступить въ шайку и быть ея провожатымъ по русскимъ селамъ; взятымъ



съ Бѣлевцовымъ малороссіянамъ грозили смертью, еслибъ они не согласились слѣдовать за шайкой <sup>1)</sup>. Бѣлевцовъ и малороссіяне должны были повиноваться. Брагинъ и другіе разбойники, находившіеся въ станѣ, изъ которыхъ одинъ былъ волжскій казакъ Кощеевъ, а другіе малороссіяне, вооружились передъ отъѣздомъ на разбой, точно шли на сраженіе: всѣ они сѣли на лошадей; каждый взялъ по ружью и по пикѣ съ дротикомъ; у каждаго была шашка и пистолеть. Неизвѣстно, былъ ли тогда въ станѣ и Зубакинъ: изъ показаній этого не видно. Можетъ быть, личность Брагина, какъ атамана, стояла на первомъ планѣ и закрывала собой простаго, хоть и опытнаго разбойника; только послѣдующія обстоятельства показываютъ, что Зубакинъ участвовалъ въ этой экспедиціи и болѣе другихъ навлекъ на себя преслѣдованіе правительства. Очень можетъ быть, что онъ присталъ къ шайкѣ уже послѣ, подъ новымъ вымышленнымъ именемъ, которыхъ у него было такъ много.

Впереди этой, выступившей въ путь партіи, ѣхалъ Брагинъ съ разбойниками, а за ними слѣдовалъ Бѣлевцовъ съ товарищами на двухъ телѣгахъ. Поѣздъ имѣлъ видъ небольшого казацкаго отряда, посланнаго съ какимъ-нибудь важнымъ порученіемъ, и дѣйствительно, когда въ селахъ и деревняхъ, черезъ которыя отряду приходилось проѣзжать, спрашивали разбойни-

---

<sup>1)</sup> «Тотъ Брагинъ съ Кощеевымъ, мучивши немилостиво Лукьяна Бѣлевцова, принуждали, чтобъ онъ, какъ изъ Россійскихъ мѣстъ, указалъ и повелъ ихъ въ лучшія мѣста для разбою и воровства.» (Слова Пучка на допросѣ).



ковъ: куда и зачѣмъ они ѣдутъ? Брагинъ отвѣчалъ, что онъ снаряженъ изъ Дубовки «съ командою по дѣлу». Продовольствіе для маленькаго отряда покупалось на деньги, а для ночлега отрядъ останавливался гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу, въ сторонѣ отъ жилья. Въ то смутное время, когда четверть населенія Россіи, бѣглецы крестьяне, солдаты, раскольники и даже не бѣглецы, но нищіе земледѣльцы всѣхъ наименованій, бродили по бѣлу свѣту, мыкаясь изъ конца въ конецъ и питаясь грабежомъ и воровствомъ, когда дубинка и ружье кормили сытнѣе, чѣмъ плугъ и соха, военные разъѣзды «для сыску воровъ и разбойниковъ» ходили по всѣмъ направленіямъ, по большимъ и малымъ дорогамъ, и потому разбойничій отрядъ Брагина не могъ никому внушить подозрѣнія; многіе, можетъ быть, думали, что онъ-то и спасетъ ихъ отъ оборванныхъ шаекъ, шатавшихся по проселкамъ.

По переправѣ черезъ рѣку Медвѣдицу, поѣздъ останавливался на-время, и атаманъ ѣздилъ зачѣмъ-то въ село Кочетовку, ко вдовѣ капитана Агишева, которая, по словамъ одного изъ разбойниковъ, «Брагину незнаемо почему называется своя». Есть причины думать, что между этою помѣщицей и атаманомъ разбойниковъ существовали какія-то странныя отношенія, можетъ быть даже родственныя, но всего скорѣй, что это было простое знакомство. Брагинъ могъ заѣзжать къ ней во всякое время, посѣщенія его не казались ни для кого странными и не считались предосудительными; въ отсутствіе помѣщицы, его принимали крестьяне и дворовые люди Агишевой, какъ знакомаго



ихъ госпожи. Можетъ быть, Агишева не знала о профессіи Брагина, хотя трудно было не догадаться, какимъ ремесломъ занимается этотъ странный гость. А можетъ быть, госпожа Агишева и посвящена была въ тайну имени и существованія атамана, и это тѣмъ вѣроятнѣе, что разбойники, пріѣзжавшіе къ нему, отправлялись обыкновенно прямо къ Агишевой, когда не находили своего предводителя въ стану. На этотъ разъ Брагинъ не засталъ вдовы дома и потому, взявъ у дворовыхъ людей припасовъ на дорогу, скоро воротился къ товарищамъ, и шайка отправилась далѣе.

Такъ ѣхали они пять дней по направленію къ сѣверу, «въ Русь», какъ они говорили, въ верховые города. Доѣхали, наконецъ, почти до Вороны-рѣки.

Въ одну ночь, по указанію Бѣлевцова, Брагинъ подступилъ съ своею шайкой къ довольно-большой деревнѣ, гдѣ жилъ самъ помѣщикъ, поручикъ Исѣевъ. Думали вѣроятно найти у него большія деньги, или, быть можетъ, Бѣлевцовъ имѣлъ свои причины не любить Исѣева и желалъ его гибели. Какъ бы то ни было, разбойники вѣхали въ деревню и приблизились къ господской усадьбѣ. Разсчитавъ, что только быстрота и нечаянность нападенія помогутъ имъ исполнить свой замыселъ, и что ничтожной горсти разбойниковъ не устоять противъ цѣлой деревни, Брагинъ приказалъ верховымъ пустить лошадей во весь опоръ, и скакать прямо къ помѣщику на дворъ. Прискакавъ къ самому дому, разбойники сдѣлали залпъ изъ ружей прямо въ окна помѣщичьяго дома и потомъ закричали, чтобы помѣщикъ тотчасъ выходилъ. Несчастный вышелъ на



крыльцо, и Брагинъ потребовалъ отъ него денегъ. Исѣевъ говорилъ, что денегъ у него нѣтъ; разбойники требовали, и одинъ изъ нихъ, малороссіянинъ, повидимому, самый жестокий изъ всей шайки (мы догадываемся, что это и былъ самъ Зубакинъ), схватилъ несчастнаго Исѣева, стащилъ съ крыльца и тутъ же повѣсилъ его на воротахъ, на волосяномъ арканѣ. Въ то время ворота всегда замѣняли висѣлицу, особенно когда требовалось быстрое исполненіе приговора; сколько жертвъ погибло на воротахъ во время форсированнаго марша Пугачова къ Царицыну, на разстояніи тысячи верстъ!.. Напрасно Пучокъ съ товарищемъ, которые оставались за воротами у своихъ телѣгъ, увидя эту сцену съ бѣднымъ Исѣевымъ, просили разбойника не дѣлать убійства; напрасно они плакали передъ нимъ...

— Коли его не повѣсимъ, сдѣлаетъ за нами погоню, — сказалъ разбойникъ и поднялъ несчастнаго къ воротамъ.

«И какъ сталъ малороссіянинъ Степанъ (онъ же и Фроль Зубакинъ) его, Исѣева, вѣшать, то мы его, чтобы не чинилъ смертнаго убійства, плакавши слезно просили; только онъ, сказавши, что-де когда не повѣсимъ, сдѣлаетъ погоню... не послушалъ», говорилъ послѣ Пучокъ, когда его допрашивали въ Камышинѣ.

Не медля ни минуты, разбойники вломились въ домъ и начали обыскъ, но, не смотря на всѣ усилія, нашли самую ничтожную сумму денегъ, которая даже не вознаграждала ихъ за ужасную смерть повѣшеннаго ими помѣщика: во всемъ домѣ отыскали только



около трехъ рублей да захватили платье, которое казалось поцѣннѣе. Жена несчастнаго и ея маленькія дѣти умоляли разбойниковъ оставить имъ жизнь, и Брагинъ, сжалившись надъ ихъ беззащитностью, тронутый просьбами дѣтей и бѣдной матери или не желая напрасно проливать кровь, сказалъ Исѣвой:

— Богъ, государь и мы тебя прощаемъ!

Въ деревнѣ слышали между тѣмъ, что на господскомъ дворѣ происходитъ что-то недоброе. Дворовые раньше поднялись на шумъ и выбѣжали. Стрѣльба разбудила и всю деревню. Собралась огромная толпа народа, и все вломилось на барскій дворъ. Тогда Брагинъ закричалъ сбѣжавшемуся народу:

— Кто станетъ мѣшать моему дѣлу, всѣхъ перестрѣляю и деревню выжгу!...

Двухъ изъ разбойниковъ онъ выслалъ за ворота на улицу, гдѣ въ то время, какъ мы сказали, находился Бѣлевцовъ съ товарищами, и они развели около самага двора большой костеръ, угрожая сжечь деревню, если кто-нибудь изъ народа осмѣлится препятствовать имъ въ грабежѣ; они жгли холстъ и показывали видъ, что готовятъ растопку для деревни. Между тѣмъ самъ Брагинъ и другіе разбойники таскали изъ дому все, что въ немъ было годнаго. Все награбленное они уложили въ телѣги, вывели изъ конюшни пару господскихъ лошадей и прежде, чѣмъ народъ могъ придти въ себя, ускакали изъ деревни.

Страннымъ можетъ показаться этотъ смѣлый набѣгъ ничтожной горсти разбойниковъ на большую населенную деревню. Но не забудемъ, что это происхо-



дѣло въ 1775 году. Въ то время имя Пугачова было еще у всѣхъ въ памяти. Хотя народъ и слышалъ, что на Москвѣ казнили какого-то Пугачова; но онъ этимъ слухамъ вѣрилъ только на половину. Слухъ между тѣмъ ходилъ о какомъ-то Заметаевѣ, который долженъ былъ сдѣлаться освободителемъ народа; слухъ этотъ, какъ извѣстно, встревожилъ даже Суворова и графа Петра Панина, занимавшихся возстановленіемъ тишины въ поволжьѣ, потому, что имя Заметаева произносилось даже за границей, и ему придавали какое-то особенное значеніе. Не удивительно, что народъ постоянно находился въ какомъ-то напряженномъ состояніи, чего-то боясь и ожидая, съ надеждой перемѣны своей доли. Оттого онъ даже не зналъ, за кого принимать разбойниковъ — за враговъ ли, или за своихъ друзей, предшественниковъ таинственнаго освободителя. Этимъ состояніемъ умовъ пользовался и Брагинъ, а потому обращался къ народу съ такою фразой: «Богъ, государь и мы тебя прощаемъ!...»

По убійствѣ Исѣева, разбойники продолжали свой путь въ глубь Россіи, переѣхали Ворону и слѣдовали вдоль этой рѣки. Три дня они ѣхали такимъ образомъ, не встрѣчая ни военныхъ разъѣздовъ, ни другихъ выслоекъ отъ командировъ, находившихся вездѣ «у сыску воровъ и разбойниковъ». Командиры вѣроятно предпочитали сидѣть въ городахъ и только доносили въ государственную военную коллегію о совершившихся преступленіяхъ или гонялись за шайками, на которыя имъ указывало мѣстное начальство, отправляясь на поиски уже тогда, когда разбойники уходили въ глубь



лѣсовъ или успѣвали прятаться въ станахъ, и когда искать уже было нечего. Иногда поиски ихъ возобновлялись съ большею силой, когда они нечаянно натыкались на мертвое тѣло, на ограбленный обозъ, на сожженное жилье, и, тщетно прождавъ прихода разбойниковъ, доносили, куда слѣдуетъ, что все обстоитъ благополучно, что они продолжаютъ наблюдать за спокойствіемъ страны «недреманнымъ окомъ». Чаше всего поиски начинались по взятіи въ кабакъ какого-нибудь подозрительнаго бродяги, который и навелъ командировъ на слѣды преступленій, утаивая въ показаніи девяносто девять процентовъ изъ всего, что сдѣлано имъ самимъ и артелью, къ которой онъ принадлежалъ и для выгодъ которой не жалѣлъ своей руки.

Шайка Брагина ѣхала благополучно до новой встрѣчи. Встрѣча не замедлила порадовать разбойниковъ. Въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ Вороны, въ лѣсу, они нагнали какихъ-то путешественниковъ и рѣшились попытать счастья. Впереди ѣхалъ, какъ видно, барскій «берлинъ», а за нимъ слѣдовали три повозки съ людьми, какъ обыкновенно ѣздили богатые люди въ то время. Тогда знатные господа путешествовали по Россіи съ маленькими отрядами своей дворцовой конницы, вооруженной по всѣмъ правиламъ военнаго искусства; а менѣе знатные брали съ собой дворовыхъ людей, снабжали ихъ ружьями, пистолетами, кинжалами, дубинами и чѣмъ попало. Когда берлинъ остановился зачѣмъ-то на горѣ, а слѣдовавшіе за нимъ повозки стали спускаться подъ гору, къ Воронѣ рѣкѣ, разбойники рѣшились напасть на путешественниковъ и упо-



требляли тотъ же маневръ, какой имъ такъ хорошо удался въ имѣніи Исѣева. По командѣ Брагина, разбойники во весь опоръ пустились къ берлину, подскакали и сдѣлали по немъ залпъ изъ ружей. По счастью, никто изъ находившихся въ каретѣ не былъ убитъ, даже никто не былъ раненъ, можетъ быть, потому что пули, пущенныя изъ дурныхъ казацкихъ ружей, не могли пробить кузовъ экипажа. Это нечаянное нападеніе навело такой ужасъ на путешественниковъ, что никто не думалъ защищаться, и даже люди, испуганные выстрѣлами, не только не думали спасти господина, но, быть можетъ, не чаяли даже спасти и свою собственную жизнь.

Изъ берлина вышелъ какой-то господинъ съ дамой и небольшою дѣвочкой. Застигнутые врасплохъ, покинутые людьми (ихъ было семь человѣкъ, но испуганные, они не смѣли тронуться съ мѣста), путешественники не знали, что дѣлать. Они умоляли Брагина взять все, что у нихъ есть, только не лишать жизни. Для Брагина было уже достаточно того убійства, которое онъ сдѣлалъ три дня назадъ, и онъ не тронулъ этихъ новыхъ жертвъ. Но, собравъ всѣхъ тѣлохранителей путешественника въ кучу, онъ поставилъ тутъ же его самого съ дамой и дѣвочкой и велѣлъ прочимъ разбойникамъ выбирать все изъ воровъ и сундуковъ берлина. Они взяли у путешественника пятьсотъ рублей серебряною монетою, множество платья, серебряной посуды, ложекъ, стакановъ, чарокъ и немалое количество оловянной и мѣдной посуды; кромѣ того, взяли у нихъ четыре лошади. Путешественника и его при-



слугу Брагинъ не велѣлъ обижать и самъ никого не тронулъ. Если бы не свирѣлость Зубакина, атаманъ вѣроятно не погубилъ бы и Исѣва.

Послѣ открылось, что этотъ новый ограбленный былъ майоръ Зайцевъ съ женой и дочерью. Можетъ быть, послѣ казни Пугачова и по усмирении народнаго волненія, Зайцевъ возвращался теперь въ покинутое имѣніе, изъ Москвы или другаго безопаснаго города, гдѣ онъ жилъ, пока шайки бродили по всей юго-восточной половинѣ Россіи; можетъ быть, съ нимъ находилось теперь все его достояніе; какъ бы то ни было, но Брагинъ не оставилъ ему ничего цѣннаго.

Ограбивъ Зайцева, разбойники повернули назадъ и снова переѣхали Ворону, принявъ направленіе къ югу. Можно думать, что дальнѣйшее ихъ слѣдованіе по направленію къ сѣверу и новые разбои могли быть уже не безопасны, тѣмъ болѣе, что разбойники заходили уже въ очень заселенныя мѣстности средней Россіи. Походъ ихъ могъ кончиться весьма трагически. Атаманъ зналъ это и потому рѣшился отступить заблаговременно. Зубакинъ на время исчезаетъ изъ виду, и объ немъ не слышно долго. Послѣ оказывается, что онъ опять перемѣнилъ имя и дѣйствовалъ въ пользу своей шайки.

Въ первую же ночь, проѣхавъ верстъ тридцать отъ мѣста разбоя, отрядъ Брагина, своротилъ въ лѣсъ, остановился отдохнуть и сдѣлалъ «дуванъ», то есть дѣлежъ всему награбленному. Бѣлевцову, какъ человеку торговому, оффиціально называвшемуся купцомъ, отдали все отнятое у Исѣва и Зайцева имущество,



серебряную, мѣдную и оловянную посуду и пару лошадей; Пучку съ товарищемъ удѣлили часть денегъ, а все остальное взялъ себѣ Брагинъ по праву атамана шайки. Здѣсь же разбойники положили на совѣтъ отпустить Пучка съ товарищемъ на родину, а Бѣлевцовъ долженъ былъ взять съ собой Кощеева и, подъ видомъ купца, ѣхать къ Волгѣ, именно въ Дубовку, для продажи награбленнаго имущества. Въ то время Дубовка была самымъ удобнымъ для этого мѣстомъ. Волжскіе казаки вообще никогда не пользовались репутаціей хорошихъ гражданъ и нижнее поволжье рѣдко было спокойно; къ Дубовкѣ шли выходцы («сходцы») изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно изъ верховыхъ городовъ, и изъ Малороссіи; рѣка Илавля считалась притономъ разбойниковъ и бродягъ; туда шли съ Волги бѣглые бурлаки, если находили, что на Волгѣ имъ оставаться опасно; туда стремились бѣглые солдаты и рекруты, бѣглые донскіе и волжскіе казаки, потому что здѣсь былъ конецъ цивилизованной Россіи и начало Азіи, предѣлъ, гдѣ было легко дышать всякой вольницѣ. Тамъ находили притонъ знаменитые поволжскіе атаманы разбойниковъ; тамъ явился предшественникъ Пугачова, самозванецъ Богомоловъ; тамъ же думалъ привести въ исполненіе свой планъ несчастный послѣдователь Пугачова и Богомолова, самозванецъ Ланинъ, объявившій о своемъ высокомъ происхожденіи черезъ три года послѣ описываемыхъ нами событій и, можетъ быть, также какъ и Богомоловъ, лично знавшій Брагина съ товарищами. Отправляя Бѣлевцова съ Кощеевымъ въ Дубовку, Брагинъ снабдилъ ихъ деньгами и



велѣлъ имъ возвратиться къ нему опять и искать его за Медвѣдицей, у капитанши Агишевой; или же въ разбойничьемъ стану, за поселкомъ Топовкою, тамъ, гдѣ взять былъ Бѣлевцовъ и Пучокъ съ товарищами. Отпуская Пучка на родину, Брагинъ подтверждалъ подъ прещеніемъ смерти, чтобы про него и про его товарищей ни въ какомъ случаѣ не сказывали. Не зная дороги, Пучокъ просилъ, чтобы Брагинъ позволилъ ему ѣхать вмѣстѣ съ Бѣлевцовымъ и Кошечевымъ.

Простившись съ атаманомъ, они отправились въ поволжье «глухими дорогами», которыя такъ хорошо были извѣстны Бѣлевцову. Дорогой, въ селѣ Баклушахъ, Бѣлевцовъ нанялъ себѣ въ работники одного экономическаго крестьянина, который скорѣе напоминалъ какого-нибудь коновода воровской партіи, чѣмъ простаго мужичка-работника; даже волосы носилъ по казацкому или по воровскому обычаю, подстригаясь «въ кругло» или въ кружало. Въ паспортѣ онъ назывался Васильемъ Михайловымъ. Послѣ мы узнаемъ, что настоящее имя этого работника было очень хорошо извѣстно Бѣлевцову и въ особенности Кошечеву. Нанявъ этого работника, Бѣлевцовъ вывелъ потомъ свою партію на Илавлю, къ Петрулиной мельницѣ. Съ этою мельницей связано много преданій и эпизодовъ изъ разбойничьихъ подвиговъ того времени: она была удобнѣйшимъ мѣстомъ для притоновъ и очень часто упоминается во всѣхъ показаніяхъ воровскихъ людей прошлаго вѣка. Здѣсь-то разбойники разстались: Бѣлевцовъ съ Кошечевымъ и нанятымъ работникомъ поѣхали въ Дубовку, а Пучокъ съ товарищемъ воз-



вратились въ Камышинъ; здѣсь они явились къ своему сотскому, и когда тотъ спросилъ ихъ, куда они ѣздили, они отвѣчали, что ѣздили было въ Русь покупать хлѣбъ, но не купили.

Между тѣмъ Бѣлевцовъ и нанятой имъ работникъ явились въ Дубовку и стали продавать награбленное имущество. Только Кошечевъ зналъ, кто они такіе; онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ Дубовку, но, впрочемъ, не какъ товарищъ, а какъ будто лицо совершенно постороннее. Онъ рассказывалъ, что встрѣтилъ купца съ работникомъ на дорогѣ, согласился съ ними ѣхать въ Дубовку торговать рыбой, а потому помѣстилъ ихъ въ квартирѣ у своего родственника, эсаула волжскаго войска Щербакова. Купецъ, однако, возбудилъ подозрѣніе, сперва въ капитанѣ Московскаго легіона, ротмистрѣ Дьяченковѣ, которому онъ продавалъ нѣкоторыя вещи; а потомъ подозрительно взглянули на его торговлю и мѣстныя власти волжскаго войска: войсковой атаманъ Василій Персидскій, имя котораго такъ извѣстно и громко въ исторіи южнаго поволжья, войсковые старшины Ѳедоръ Персидскій и Дмитрій Савельевъ и войсковой дьякъ Кріулинъ. Мы не знаемъ, какими побужденіями руководствовались власти, только подозрительный купецъ и его работникъ были арестованы и продержаны подъ карауломъ болѣе мѣсяца. Товаръ ихъ также былъ задержанъ <sup>1)</sup>. Въ

---

<sup>1)</sup> Въ имѣющихся у насъ бумагахъ находится подробная опись имущества, взятаго разбойниками у Исѣва и Зайцева. При чтеніи этой описи, будто живые встаютъ передъ нами покойники, жильцы «златаго на сѣверѣ вѣка», въ шелковыхъ красныхъ, алыхъ, бѣлыхъ съ разводами и



войсковой канцеляріи Бѣлевцовъ говорилъ, что пріѣхалъ торговать, и что у него есть законный билетъ: что онъ житель Московской губерніи, Переяславскаго уѣзда, пригородка Михайлова купецъ Лукьянъ *Малаховъ*; что товаръ купленъ имъ на Хопрѣ, въ селѣ Макаровѣ, у крестьянъ, которые признавались откровенно, что «имѣющаяся оная у нихъ пажить набрана ими во время бывшего возмущенія», то есть въ смутную пору неурядицъ, произведенныхъ въ Россіи Пугачовымъ. Онъ представилъ при этомъ и билетъ свой, выданный изъ Михайловской ратуши. Для властей сомнительнаго не видѣлось, кажется, ничего, тѣмъ болѣе, что и купеческій работникъ имѣлъ законный видъ, выданный ему изъ села Баклушъ, Верхоломовскаго уѣзда, отъ сельскаго старосты, лучшихъ стариковъ и всего міра. Относительно формы, законность была на сторонѣ арестованныхъ. Нашлись, кажется, и другія обстоятельства, которыми власти были расположены въ ихъ пользу, поэтому нашлись въ законахъ подходящія къ дѣлу благопріятныя статейки. Статьи эти живо характеризуютъ эпоху, въ которую онѣ писались; это были приложенія къ манифесту, изданному по заключеніи вѣчнаго мира съ Оттоманскою Портою и по усмирении пугачовскаго бунта. Въ нихъ говорится:

---

съ прозуменами» и даже въ ситцевыхъ камзолахъ, въ робронахъ цвѣтной тафты, въ лазоревыхъ, синихъ и набойчатыхъ шугаяхъ; тутъ есть и дѣтскія атласныя одѣяльца съ кружевами, и мантильи, и скатерти бранныя, и шляпы съ «прозуменами», и весь тогдашній дамскій костюмъ и пр.



«Всѣмъ тѣмъ городамъ, селамъ, селеніямъ, жилищамъ, мѣстамъ и людямъ въ оныхъ живущимъ и внѣ оныхъ находящимся, однимъ словомъ всѣмъ во внутреннемъ бунтѣ, возмущеніи и безпокойствѣ и неустройствѣ 1773 и 1774 годовъ участвовавшимъ, по большей части отъ ослѣпленія, глупости, невѣжества или суевѣрія, ея императорскаго величества всемилостивѣйшее общее и частное прощеніе, предавая все прошедшее вѣчному забвенію и глубокому молчанію, и запрещаетъ ея императорское величество впредь чинить о сихъ дѣлахъ притязаніе и изысканіе» (пунктъ 38).

«Вслѣдствіе сего всемилостивѣйшаго прощенія повелѣваетъ производство слѣдствій и взысканіе вытей по вышеписанному случаю о происшедшихъ разграбленіяхъ и о поличеніи не только въ Оренбургской, Казанской и Нижегородской, но и во всѣхъ прочихъ губерніяхъ, въ которыхъ съ разграбленными и переходившими изъ рукъ въ руки пожитками и вещьми люди оказываться могутъ, оныя слѣдствія и взысканія уничтожить и оставить, ибо дѣла такового рода выходятъ изъ того общественнаго порядка, для котораго законы и ихъ теченіе устроены, прекращеніе же таковыхъ дѣлъ для народнаго спокойствія подлежитъ единственно самодержавной ея императорскаго величества власти, которая повелѣваетъ нынѣ предать вышеупомянутыя дѣла на вѣчное время забвенію и глубокому молчанію» (пунктъ 39).

Основываясь на этихъ двухъ пунктахъ, дубовское начальство освободило арестантовъ и возвратило имъ имущество. Послѣ мы увидимъ, какую неблагопріятную



тѣмъ набросило это обстоятельство на имена Персидскихъ, Савельева и другихъ властей волжскаго войска, уже очернившаго свою репутацію предъ правительствомъ присягою на вѣрность Пугачову. (Что Волжское войско признало Пугачова государемъ, на это мы имѣемъ положительныя доказательства, которыя не были извѣстны ни Пушкину, ни другимъ историкамъ, касавшимся этой любопытной эпохи.)

Когда все это происходило въ Дубовкѣ, вѣсть объ убійствѣ Исѣева распространилась между тѣмъ въ окрестностяхъ и дошла до правительства. Слухи ходили, что шайки разбойниковъ наполняютъ Воронежскую и Астраханскую губерніи, безъ всякаго страха врываются въ деревни, обираютъ проѣзжихъ и держатъ страну въ постоянной опасности. Прошла вѣсть, что пойманы самые опасные разбойничьи атаманы Заметаевъ, Кулага; переловлены шайки атамановъ Сучкова, Тарелкина и другихъ; а между тѣмъ появились другія партіи и другіе атаманы, о которыхъ прежде не слышали. Тотчасъ донесли объ этихъ происшествіяхъ Григорію Александровичу Потемкину, въ то время еще графу вновь пожалованному, но который, однако, былъ уже сенаторомъ, вице-президентомъ военной коллегіи, командиромъ всѣхъ легкихъ и нерегулярныхъ войскъ и проч., и проч. Ни мало не медля, Потемкинъ поспѣшилъ командировать въ Верхнеломовскій и Нижнеломовскій уѣзды отрядъ драгунъ, подъ командою секундъ-маіора Смоленскаго драгунскаго полка Циммермана. Этому отряду поручено было дѣйствовать противъ разбойниковъ и, въ особенности, противъ извѣстной въ



окрестностяхъ шайки Брагина и Зубакина. Думали, что главные разбойники гдѣ-нибудь близко; начальственные лица слышали, кажется, объ одномъ Зубакинѣ, а фамиліи самаго атамана не знали и потому распорядились поисками Зубакина съ шайкою. Но шайку его настигнуть было не легко, а еще труднѣе было поймать самаго Зубакина, не только Брагина, который точно пропалъ безъ вѣсти, хотя, быть можетъ, покойно жилъ у вдовы Агишевой, какъ самъ говорилъ когда-то своимъ товарищамъ. Вообще дѣло Циммермана было не легкое. Въ то время въ разбойники поступалъ всякій, кому тяжело было жить; а кому тогда не тяжело было? Въ разбой шелъ горемыка, не имѣвшій ни кола, ни двора, ни сохи, ни лошади; шелъ тотъ, кого томилъ голодъ и тяготило большое, не обутое и не одѣтое семейство, кому не подъ силу была барщина, оброкъ и судейское вымоганье посулъ и поклоновъ: шелъ и тотъ, въ комъ играла молодая кровь, кого мучило зелено вино. Ловить разбойниковъ было по тому не легко, что каждый, уходя въ разбой, бралъ свой паспортъ и добывалъ себѣ въ кабакѣ другой, а иногда запасался и тремя паспортами, чтобы, въ случаѣ поимки, предъявить тотъ, который сподручнѣе; въ одной воеводской канцеляріи онъ является Иваномъ, въ другой Петромъ, а въ третьей Карпомъ, а домой приходитъ съ собственнымъ именемъ и съ рублевиками въ кожаной мошнѣ. Зато уже и слѣдственные коммисіи вознаграждали себя за трудъ, съ какимъ сопряжена была поимка разбойниковъ: сыщики хватали праваго и виноватаго, забирали всякаго, кто давалъ разбойнику воды



напиться, не зная, что поить разбойника, или по тогдашнему выраженію, «незавѣдомо», водили къ пыткѣ бабъ, ни душой ни тѣломъ невиноватыхъ въ преступленіяхъ мужей и дѣтей. Циммерманъ успѣлъ, однако, захватить многихъ изъ шайки Брагина и Зубакина; но ни Зубакинъ, ни Брагинъ не давались ему въ руки; другіе коноводы шайки были также въ разбродѣ.

Во время такихъ трудныхъ и бесполезныхъ поисковъ одинъ крестьянинъ изъ села Зубриловки (на Хопрѣ), Илья Андреевъ, между прочимъ разсказалъ Циммерману, что въ сентябрѣ этого года онъ видѣлъ въ Дубовкѣ у эсаула Щербакова, трехъ колодниковъ, и что одинъ изъ этихъ колодниковъ разсказывалъ ему о своей родинѣ, о знакомыхъ: почему-то показалось Циммерману, что арестантъ, о которомъ ему говорилъ Илья Андреевъ, былъ тотъ Зубакинъ, котораго онъ тщетно искалъ; по крайней мѣрѣ, наружность этого арестанта, какъ описывалъ ее Андреевъ, соотвѣствовала примѣтамъ Зубакина. Циммерманъ тотчасъ же командировалъ въ Дубовку квартирмейстра Кулаковского, нѣсколько драгунъ, и съ ними крестьянина Андреева и еще другаго мужика, который лично зналъ Зубакина; поручилъ имъ «опознать» арестанта и вытребовать его и его товарищей у дубовскаго начальства, въ случаѣ если это былъ въ самомъ дѣлѣ Зубакинъ.

Дѣйствительно, Андреевъ видѣлъ у эсаула Щербакова именно тѣхъ людей, которые нужны были Циммерману. Но, какъ мы сказали выше, люди эти были уже освобождены изъ-подъ ареста. Изъ войсковой кан-



целяріи выпустили ихъ еще въ началѣ октября, а Кулаковскій прибылъ въ Дубовку только 27-го ноября. Кулаковскій не нашелъ, кого искалъ. «Опознателью» Андрееву показаны были всѣ арестанты, находившіеся тогда въ Дубовкѣ, но онъ не нашелъ между ними того, съ которымъ встрѣтился у эсаула Щербакова. Тутъ только догадалось дубовское начальство (сомнительно, чтобъ оно не подозрѣвало чего-нибудь прежде), что выпущенные имъ арестанты подъ скромнымъ именемъ торгашей скрывали важныя преступленія, и что ихъ не слѣдовало освобождать даже и на основаніи манифеста. Тогда желая поправить дѣло, оно разослало въ тотъ же день войсковыя грамоты ко всѣмъ станичнымъ атаманамъ, старшинамъ и казакамъ волжскаго войска, а также послало увѣдомленія и въ верховыя станицы. Въ грамотахъ говорилось: «войсковая канцелярія, усумнясь, не изъ тѣхъ ли упущенныхъ людей будетъ тотъ злодѣй Зубакинъ, симъ вамъ, станичнымъ атаманамъ, повелѣваетъ предъоказанныхъ выпущенныхъ изъ-подъ караула купца Малахова и работника его Михайлова приказать казакамъ сыскивать и, есть ли объ нихъ, гдѣ они находятся, увѣдано будетъ, то старались бы, поймавъ, представить въ войсковую канцелярію неотмѣнно, и вамъ, станичнымъ атаманамъ, объ ономъ учинить по сей грамотѣ неотмѣнное исполненіе.» Тогда же разосланы были во всѣ мѣста нарочные съ публикаціями. Но не дальше какъ черезъ два дня въ Дубовкѣ узнали, что Малаховъ съ работникомъ пойманы въ Камышинѣ, гдѣ и содержатся подъ карауломъ. Они схвачены, какъ тогда выража-



лись, «съ продажными неприличными вещами». Въ Камышинѣ, кажется, не догадывались, кто такіе эти люди, хотя и подозрѣвали, что ихъ скромная профессія скрываетъ что-то недоброе. Тайну ихъ имени знали только два человѣка въ городѣ, которые и навѣщали ихъ въ тюрьмѣ, подъ видомъ простыхъ подавателей милостыни. Это были бобыль Пучокъ, участвовавшій въ послѣднемъ разбоѣ Брагина, и его пріятель.

Дубовское начальство отправило въ Камышинъ нарочнаго просить тамошнія власти, чтобъ арестанты отосланы были къ Циммерману. Но камышинскія власти не отдали арестантовъ нарочному, опасаясь, вѣроятно, чтобъ изъ Дубовки не выпустили ихъ опять подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ, а прислали имъ только описаніе примѣтъ этихъ колодниковъ.

Здѣсь начинается вторая половина походовъ Зубакина и Брагина, изъ которой едва ли можно вывести положительное заключеніе, кто былъ болѣе виновать, разбойничья ли шайка, или лица, которымъ поручено было охраненіе спокойствія страны. Картина «златаго вѣка» рисуется здѣсь безъ прикрасъ, и, глядя на нее, невольно радуешься, что вѣкъ этотъ уже не повторится.

Имя Потемкина произвело магическое дѣйствіе на дубовское начальство. Когда тамъ узнали, что этотъ вельможа лично интересуется ходомъ поисковъ за Зубакинымъ и его шайкой, купецъ Малаховъ и его работникъ, бывшіе въ ихъ рукахъ, но ускользнувшіе по ихъ же оплошности, высоко поднялись въ мнѣніи ду-



бовскихъ старшинъ. Теперь они писали въ Камышинъ, чтобъ этихъ арестантовъ берегли, держали подъ крѣпкимъ карауломъ и проч. Притомъ, чувствуя свою вину болѣе, чѣмъ, можетъ быть, кто-нибудь могъ догадываться, начальники волжскаго войска видимо стали заискивать у Циммермана. Извѣщая его о поимкѣ Малахова съ работникомъ въ Камышинѣ, они распространяются и о своемъ личномъ усердіи, и о заслугахъ всего волжскаго войска. Они говорятъ, что «таковыхъ злодѣевъ (какъ Зубакинъ) стараніемъ войсковой канцеляріи въ нынѣшнемъ году до нѣсколька человекъ, въ томъ числѣ и славный разбойникъ Кулагинъ съ товарищи, переловлены и отосланы въ подлежащее мѣсто <sup>1)</sup>». Они послали къ Циммерману описаніе примѣтъ Малахова съ работникомъ, отправили даже особаго нарочнаго, казачкаго старшину, для личныхъ объясненій. Вообще замѣтно, что въ Дубовкѣ очень суетились, да и было отчего.

Объяснившись съ нарочнымъ, Циммерманъ не остановился, однако, на этомъ объясненіи. Ему нужно было довести дѣло до конца. Онъ увѣдомлялъ дубовское начальство, что, считая за нужное довести до свѣдѣнія правительства «о усердіи, въ снисканіи тѣхъ злодѣевъ отъ оной станицы употребленномъ и употребляемомъ», желалъ бы знать подробнѣе о томъ третьемъ лицѣ, которое крестьянинъ Андреевъ видѣлъ у эсаула Щербакова, не самъ ли то Зубакинъ, слѣдовъ котораго все

---

<sup>1)</sup> Атамана Кулагу во всѣхъ тогдашнихъ офиціальныхъ бумагахъ называютъ *славнымъ разбойникомъ*, эпитетъ, котораго не удостоивался даже знаменитый Заметаевъ.



еще онъ нигдѣ не находилъ; онъ требовалъ поймать его какимъ бы то ни было способомъ, не смотря даже на то, если бы примѣты оказались несходными съ показаніемъ Андреева. Но изъ Дубовки извѣстили Циммермана, что, при арестованіи Малахова и его работника, не было третьяго лица, что, можетъ быть, Андреевъ видѣлъ тамъ казака Кощеева, который дѣйствительно вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ въ Дубовку, но «только оной Кощеевъ подлинно здѣсь природной казакъ и реченному Щербакову шуринъ», какъ будто шуринъ Щербакова не могъ быть разбойникомъ.

Наконецъ, къ Циммерману привезли Малахова съ работникомъ. Допросивъ ихъ, Циммерманъ убѣдился, что нашелъ именно того, кого искалъ: подъ невинною наружностію работника, стриженнаго, впрочемъ, въ кружало, скрывался самъ знаменитый воръ Зубакинъ, о поимкѣ котораго такъ заботился Потемкинъ. Настоящее имя купца намъ уже давно извѣстно: это былъ Лукьянъ Бѣлевцовъ, постоянно ѣздившій въ Камышинъ по дѣламъ торговли и бывшій потомъ въ партіи Брагина и Зубакина. Циммерманъ узналъ и еще много подробностей, раскрытія которыхъ всего болѣе страшились войсковые старшины и атаманъ; онъ узналъ, что войсковой атаманъ Василій Персидскій и братъ его Ѳедоръ Персидскій, а также войсковой старшина Савельевъ и войсковой дьякъ Кріулинъ взяли у Зубакина и Бѣлевцова при арестованіи всѣ деньги и имущество, пограбленное у маіора Зайцева и у повѣшеннаго Исѣева, и вынудили ихъ дать росписку такого содержанія, будто вещи эти проданы имъ по собствен-



ному желанію продавцовъ; что въ полученіи разбойниками денегъ и имущества расписался дубовскій соборный священникъ Николаевъ, тоже за извѣстную сумму вознагражденія. Циммерманъ узналъ имена всѣхъ, участвовавшихъ въ послѣдней разбойничьей экспедиціи на рѣку Ворону; отъ него не скрылось также и то, что когда онъ посылалъ изъ своего отряда поручика Куроша съ командой для поисковъ за Зубакинымъ, волжское войско не только не давало Курошу «ни за какіе прогоны» подводъ, но вообще не допускало его до розысковъ; и что Курошъ получилъ лошадей только тогда, когда сказалъ, что ѣдетъ назадъ къ Циммерману и т. д.

Обо всемъ этомъ Циммерманъ донесъ воронежскому губернатору Потапову. Замѣчательно, что по поводу этого обстоятельства онъ протестовалъ между прочимъ противъ откуповъ, которые, по его мнѣнію, болѣе чѣмъ что-либо способствовали усиленію разбоевъ. Начало каждаго злодѣйства, говоритъ онъ, скрывается въ кабакѣ; тамъ разбойники, въ пьянствѣ, «чинятъ свои договоры» и обдумываютъ воровскія экспедиціи; а огромные лѣса и степи Верхоломовскаго уѣзда помогали скрываться разбойникамъ. Какъ на одинъ изъ главныхъ притоновъ, Циммерманъ указываетъ на село Дмитріевское или Дуровщину, отдаленное отъ всѣхъ населенныхъ мѣстностей, и въ особенности на кабакъ, находившійся въ этомъ селѣ. Циммерманъ просилъ губернатора «куда бы то ни было свести питейный домъ». Съ своей стороны губернаторъ донесъ о продѣлкахъ волжскихъ властей военной коллегіи.



Но аккуратный Циммерманъ не остановился и на этомъ. Онъ написалъ обо всемъ Потемкину, не утаивъ ничего, что дѣлалось въ Дубовкѣ. Въ кратковременное свое пребываніе на мѣстѣ разбоевъ, Циммерманъ успѣлъ захватить 86 человѣкъ «разныхъ злодѣевъ, смертоубивцовъ, разбойниковъ, пристанодержателей и, по оговору злодѣевъ, знавшихъ о ихъ злодѣйствахъ». Замѣчательно, что между захваченными преступниками, духовенство составляло 8-й или 9-й процентъ <sup>1)</sup>: такъ незавидно было положеніе дѣлъ, повидимому, счастливаго государства! Но при всемъ томъ не поймано было еще много лицъ изъ шайки Брагина, а еще большее число разбойниковъ было вовсе неизвѣстно Циммерману и Потемкину даже по именамъ, хотя отряды Циммермана, его нарочные и курьеры, летали по всѣмъ направленіямъ. Отважныя шайки совершали экспедиціи на тысячу верстъ, и часто одно и то же страшное имя раздавалось или въ низовьяхъ Волги, или на Каспійскомъ морѣ у самыхъ персидскихъ границъ, или на берегахъ Оки и Урала. Вотъ какова въ сущности была жизнь въ государствѣ, наружнымъ блескомъ котораго очаровывался Дидро!

Пойманныхъ разбойниковъ повезли на судъ къ верхоломовскому воеводѣ, а надъ дѣйствіями начальниковъ волжскаго войска Потемкинъ, въ то время уже князь <sup>2)</sup>,

---

<sup>1)</sup> «Поповъ 3, церковниковъ 3, рекрутъ 4, однодворцевъ 10, крестьянъ 65, дьяконъ 1».

<sup>2)</sup> Вотъ въ какихъ выраженіяхъ относились тогда офиціально къ Потемкину такія лица, какъ губернаторы (воронежскій) и имъ равные: «Высокопревосходительному господину генераль-аншефу, командующему легкою конницей, всѣми нерегулярными войсками и санктпетербургскою ди-



велѣлъ нарядить слѣдственную комиссію. Онъ, между прочимъ, писалъ воронежскому губернатору: «каса-тельно же до вреднаго поступка Дубовской станицы начальниковъ, то предписалъ я волскаго войска атаману, чтобъ онъ ко изысканію истины, по требова-ніямъ вашимъ, прислалъ обстоятельной отвѣтъ, по ко-торому и благоволите меня увѣдомить, подлинно ли описываемой поступокъ въ Дубовской станицѣ и отъ кого именно учиненъ, дабы виновные въ страхъ дру-гимъ наказаны были.» Вмѣсто Циммермана и его дра-гунъ, для истребленія разбойниковъ назначены были казацкіе отряды, и начальникомъ надъ ними команди-рованъ полковникъ Платовъ, одинъ изъ любимѣйшихъ героевъ войска Донскаго, впослѣдствіи гроза фран-цузовъ.

На щекотливые запросы воронежскаго губернатора войсковою атаманъ Персидскій отвѣчалъ:

«Пажити и денегъ за выпускъ ихъ (т. е. Зубакина

---

визіей, сенатору, государственной военной коллегіи вице-президенту, Но-вороссійской, Азовской и Астраханской губерній государеву намѣстнику (или генераль-губернатору), войскъ тамъ поселенныхъ и Днѣпровской линіи главному командиру, ея императорскаго величества генераль-адъю-танту, дѣйствительному камергеру, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковнику, кавалергардскаго корпуса поручику, кирасирскаго Ново-троицкаго полка шефу, мастеровой и оружейной палаты верховному на-чальнику и разныхъ орденовъ кавалеру, свѣтлѣйшему князю Григорію Александровичу Потемкину — всепокорнѣйшій рапортъ». Замѣчательно, что все это безконечно-длинное перечисленіе отѣнковъ въ титулѣ со-блюдалось строжайшимъ образомъ, хотя часто случалось, что самый ра-портъ, то есть сущность дѣла выходила короче титула Потемкина. Но такъ было принято. Потемкинъ пожалованъ княземъ Римской Имперіи 27 февр. 1776.



и Бѣлевцова) изъ-за караула я во взятѣхъ никогда не бирывалъ.»

Атаманъ при этомъ оправдывался, что освободилъ ихъ изъ-подъ ареста «съ пажитью» и съ деньгами; что еще до ареста и послѣ освобожденія изъ-подъ караула разбойники продавали имѣвшіяся у нихъ вещи «несравненною цѣною», то есть дороже того (добавлялъ онъ), «какъ послѣ разбитія злодѣя Пугачова въ здѣшнихъ мѣстахъ многіе люди такія-жъ вещи продавали»; что освободилъ онъ ихъ на основаніи манифеста; что послѣ освобожденія дѣйствительно купилъ у Малахова лошадь, но заплатилъ за нее всѣ деньги сполна и т. д. «Показаніе-жъ ихъ ложное на меня не изъ чего другаго происходитъ, какъ изъ одной злости, потому что чрезъ стараніе войсковой канцеляріи они сысканы и въ комиссію взяты, и тѣмъ ихъ злодѣйство утаиться не могло.» Такъ заключалъ Персидскій свое оправданіе, забывая, что разбойники пойманы не ихъ стараніемъ.

То же самое отвѣчалъ братъ атамана, войсковой старшина Ѳедоръ Персидскій, говоря, что ни пажити, ни денегъ «во взятѣхъ я никогда не бирывалъ и не знаю и подъ видомъ покупки ничего я у себя не оставлялъ и не покупалъ» и т. д.

«А по освобожденіи ихъ (добавлялъ Персидскій) чрезъ нѣсколько время, по просьбѣ, у купца Малахова я размѣнялъ червонныхъ имперіаловъ сто рублей на мелкія деньги, вмѣсто которыхъ онъ получилъ отъ меня мѣдныя и серебряныя, а послѣднія получилъ у чумака (цѣловальника) моего въ кабацѣ при людяхъ.»



По примѣру брата, онъ утверждалъ, что разбойники ложно показали на него по злобѣ.

Въ такихъ точно выраженіяхъ оправдывались и войсковой старшина Савельевъ, и войсковой дьякъ Кріулинъ.

Священникъ Николаевъ, котораго разбойники уличали въ стачкѣ съ дубовскими властями и въ томъ, что онъ бралъ ихъ на поруки, — отвѣчалъ, что на поруки онъ ихъ никогда не бралъ, а въ день освобожденія ихъ изъ-подъ караула зашелъ въ канцелярію по собственному дѣлу, совершенно случайно, и только подписался за нихъ въ полученіи имущества. «А послѣ того (признавался священникъ) они ко мнѣ на квартиру выпросились и были нѣсколько время, продавали разнымъ людямъ пажить; а во время-то ихъ у меня бытности довольствовалъ я ихъ своимъ хлѣбомъ и разною харчью, почему по счетѣ и оказалось за то издержанныхъ денегъ десять рублей, въ уплату которыхъ мнѣ оной купецъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Дубовки, отдалъ деньгами-жъ пять рублей, а за остальные изъ рухледи ветхой. А во взятокъ денегъ десяти рублей и никакой пажити не бировалъ, что и показываютъ они на меня ложно.»

Наконецъ, Зубакинъ увѣрялъ Циммермана, что, при освобожденіи его изъ-подъ ареста въ Дубовкѣ, онъ долженъ былъ дать взятку даже канцелярскому сторожу.

Въ такомъ-то неблагопріятномъ свѣтѣ выказывались поступки всего офиціального міра въ волжскомъ войскѣ. Дѣйствія дубовскихъ властей въ самомъ дѣлѣ



казались очень подозрительными: показаніе Зубакина было слишкомъ правдоподобно. Въ Дубовкѣ понимали это и потому представили воронежскому губернатору пространнѣйшее объясненіе и просили его «отъ напраснаго нареканія милостиво защитить и представить его свѣтлости, чтобы понапрасну за невѣдѣніе не могли понести какова отвѣта.» Но дѣло постановлено было такъ, что его трудно уже было поворотить назадъ. Все опрокинулось на представителей волжскаго войска: и члены военной коллегіи, и князь Потемкинъ, и воронежскій губернаторъ Потаповъ, и астраханскій губернаторъ Якобій, всѣ требовали строжайшаго суда надъ обвиненными, — и полетѣли ордеры по инстанціямъ, отъ высшей къ низшей, отъ военной коллегіи къ Потемкину, отъ Потемкина къ Потапову и Якобію, отъ Якобія къ астраханскому оберъ-коменданту генералу Левину, отъ него къ царицынскому коменданту полковнику Цыплетеву и т. д. Поступокъ дубовскихъ властей называется уже «гнуснымъ и не соотвѣтствующимъ званію ихъ поступкомъ». Цыплетевъ не стѣсняется бросать имъ въ лицо оскорбительное названіе «продерзателей». По приказанію Потемкина, Якобія и Левина, Цыплетевъ назначаетъ слѣдствіе и посылаетъ въ Дубовку секундъ-маіора Венцеля; ему велѣно, «какъ наивозможно яснѣе и доказательнѣе изслѣдовать, буде окажутся притчинниками по тому гнусному поступку объявленные старшины, привести ихъ въ Астрахань».

9 августа (1776 г.) обвиняемые призваны были въ комиссію. Достоинно особаго замѣчанія, что ду-



бовскія власти, когда пріѣхалъ къ нимъ Венцель, тотчасъ отвели ему квартиру, прислали на производство дѣла бумаги, сургучу, нитокъ, свѣтъ, чернильницъ, перьевъ и даже коробку для песка, дали въ караулъ казаковъ, а формально отвѣчать на вопросы не хотѣли... Они ссылались на то, что послали отъ себя объясненіе къ воронежскому губернатору, который представилъ ихъ отвѣты Потемкину; они просили Венцеля отложить слѣдствіе до другаго дня, чтобъ успѣть донести обо всемъ Цыплетеву. Дѣйствительно, они отправили Цыплетеву копіи съ отвѣтовъ, которые были посланы воронежскому губернатору, и «нижайше» просили Цыплетева объяснить все это Якобію. Но Цыплетевъ не уважилъ ихъ просьбы и въ жесткихъ выраженіяхъ относился о нихъ въ своемъ рапортѣ къ астраханскому оберъ-коменданту, говоря, что «онѣ отвѣты писаны единственно отъ самихъ тѣхъ написанныхъ продерзателей въ ихъ пользу и оправданіе», и даетъ этимъ отвѣтамъ эпитетъ «самопроизвольныхъ».

Но какъ бы то ни было, а слѣдствіе пока пріостановилось на время, и Венцель долженъ былъ уѣхать изъ Дубовки; тѣмъ не менѣе обвиняемые черезъ это ничего не выиграли, а только раздражили Якобія. Прочитавъ ихъ оправданія, онъ не перемѣнилъ своего мнѣнія и между прочимъ писалъ Цыплетеву: «рекомендую, не смотря ни на какіе ихъ отвѣты, произвести... настоящее и какъ возможно непродолжительное слѣдствіе, ибо по силѣ повелѣнія его свѣтлости не только слѣдовать, но и судить ихъ довлѣетъ: но пока первое совершится, послѣднее до того времени



остається, — въ чемъ не оставьте дойти до самой дѣла того истины, я же буду ожидать поспѣшнѣйшаго въ томъ содѣйствія.» Тогда наряжена была новая коммиссія, презусомъ въ которую командировали секундъ-маіора Титова съ другими офицерами. Прибывъ на мѣсто слѣдствія, Титовъ тотчасъ отправился къ атаману Персидскому, а на слѣдующій день разослалъ нарочныхъ казаковъ съ требованіемъ, чтобы всѣ лица, подлежащія слѣдствію, явились въ коммиссію. Это было 22 октября. Но войсковой атаманъ «отозвался тогда слабымъ» и не явился въ коммиссію. Титовъ назначилъ сборъ на 24 число, на понедѣльникъ, къ девятому часу утра; обвиняемые отвѣчали, что они готовы и будутъ въ коммиссіи. Но въ понедѣльникъ, на разсвѣтъ, вѣстовой солдатъ доложилъ Титову, что войсковой атаманъ отправляется въ путь, а куда — неизвестно. Тогда Титовъ послалъ къ Персидскому находившагося при немъ офицера Кирсанова съ требованіемъ отложить этотъ «невременной» отъѣздъ и явиться въ коммиссію для отвѣтовъ. Кирсановъ засталъ атамана уже выѣхавшимъ со двора въ дорожной коляскѣ и подойдя объяснилъ, зачѣмъ посланъ отъ Титова.

— Я отвѣты учинилъ отъ себя и самъ своеручно подписалъ, — отвѣчалъ Персидскій: — почему уже и не принадлежу къ нынѣшнему слѣдствію... А каковъ отвѣтъ состоялся, будетъ прислано къ маіору за извѣстіе, теперь же ѣду и ничего не опасаюсь.

Кирсановъ говорилъ, что атаманъ рискуетъ навлечь на себя гнѣвъ правительства «за ослушаніе



высокой команды повелѣнія»; что его могутъ задержать...

— Ничего не трушу! сказалъ Персидскій и уѣхалъ.

Черезъ часъ къ Титову принесли письменное объясненіе Персидскаго, которое онъ оставилъ, уѣзжая изъ Дубовки. Въ немъ было то же, что и въ прежнихъ отвѣтахъ атамана; въ добавокъ только онъ обвиняетъ здѣсь Циммермана въ намѣренномъ умолчаніи о нѣкоторыхъ фактахъ, говорящихъ будто бы въ пользу волжскаго войска; онъ увѣряетъ, будто Циммерманъ вовсе не посылалъ къ нимъ поручика Куроша для отысканія разбойниковъ и проч. Относительно же самовольнаго отъѣзда изъ Дубовки онъ говоритъ, что получилъ на это приказаніе отъ Потемкина и Якобіа и отправляется въ Петербургъ «къ его свѣтлости для самонужнѣйшихъ надобностей и испрошенія не полученнаго на войско денежнаго жалованья, какъ оное войску нынѣ весьма нужно для исправленія къ веснѣ къ переселенію на Терекъ въ силу имяннаго ея императорскаго величества повелѣнія». <sup>1)</sup> Донося обо всемъ этомъ Цыплетеву, Титовъ добавлялъ, что силой удержать Персидскаго онъ не могъ «по неимѣнію команды», и началъ производить слѣдствіе надъ остальными обвиняемыми; вытребовалъ изъ Камышина Пучка съ товарищемъ; потребовалъ отъ станичнаго начальства казака Кощеева, Брагина (о которомъ только теперь

---

<sup>1)</sup> Извѣстно, что послѣ усмиренія народнаго волненія 1773—75 годовъ, волжское войско переселено было на Терекъ за признаніе Пугачова государемъ и за подачу ему помощи.



вспомнили) и другихъ. Пучка съ товарищемъ переслали, но о прочихъ полученъ отвѣтъ, что Кощеевъ находился въ Моздоцкомъ казачьемъ полку, только оттуда бѣжалъ, а гдѣ самъ Брагинъ и другіе—никому неизвѣстно.

Не будемъ вдаваться въ утомительныя подробности этого дѣла: скажемъ только, что чѣмъ дальше изслѣдовалось оно, тѣмъ болѣе падало подозрѣнія на войскового атамана и его сослуживцевъ. Пучокъ съ товарищемъ на допросахъ показали, что знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ о томъ, что происходило въ Дубовкѣ. Между тѣмъ, по пріѣздѣ войскового атамана изъ Петербурга, назначенъ былъ вмѣсто Титова новый слѣдователь, капитанъ Масленниковъ. Время шло, а дѣло все запутывалось и запутывалось. Даны были очныя ставки атаману съ другими обвиняемыми. Взять и Кощеевъ уже въ 1778 году; — появились новыя шайки разбойниковъ; въ народѣ началъ, наконецъ, ходить слухъ и говоръ о новомъ появленіи того страннаго призрака, возмущавшаго народное спокойствіе въ продолженіе десятковъ лѣтъ, того вѣчно выходившаго изъ гроба государя Петра Ѳедоровича, имя котораго принимали на себя столько смѣльчаковъ, однимъ словомъ, заговорили о новомъ самозванцѣ, Ханинѣ; переселили, наконецъ, все волжское войско на Терекъ, а дѣло о Зубакинѣ и подозрительныхъ поступкахъ дубовскихъ начальниковъ не кончалось. Въ комиссіи перебывало много лицъ, имена которыхъ замѣшаны были въ дѣло или со стороны разбойниковъ, или со стороны дубовскихъ властей; призывались въ



судъ и женщины, безъ которыхъ едва ли обходилось хоть одно дѣло въ ту смутную пору. Но какъ ни путали слѣдствіе, все-таки доходили до того заключенія, что волжское войско было виновато; что люди, подобные Зубакину, дѣйствовали бы осторожнѣе при лучшихъ органахъ администраціи; одинъ изъ слѣдователей прямо выразился о Персидскомъ, что манифестъ о преданіи забытію преступленій пугачовщины «у него (т. е. у Персидскаго), какъ видно, еще на цѣлой вѣкъ останется.»

1778 годомъ кончаются свѣдѣнія о Зубакинѣ и о Персидскомъ. А Брагинъ какъ въ воду кануль. Можетъ быть, судьба его тогда же рѣшилась въ Верховомовской воеводской карцеляріи, а можетъ быть, онъ сформировалъ новую шайку и еще долго навѣщалъ госпожу Агишеву: ничего объ этомъ неизвѣстно. По всей вѣроятности, участь Зубакина съ Брагинымъ окончательно рѣшилась точно такъ, какъ и всѣхъ подобныхъ людей: — сначала простой допросъ, потомъ «пристрастный» съ увѣщаніями духовника, или, по тогдашнему канцелярскому выраженію, «допросъ подъ пристрастіемъ плетей и батошьевъ», затѣмъ кнутъ, висѣлица или Сибирь — все какъ водится. Но интереснѣе всего здѣсь то, что послѣ разгрома шайки Брагина и Зубакина, въ томъ же году пришлось громить нѣсколько новыхъ скопищъ: вмѣсто Брагина на сцену являются новыя лица, новые атаманы и эсаулы и дѣлаютъ то же, что дѣлали ихъ предшественники.

К О Н Е Ц Ъ .



БИБЛИОТЕКА  
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ  
АКАДЕМИИ







## СОДЕРЖАНІЕ.

---

|                                                 | Стр. |
|-------------------------------------------------|------|
| Атаманъ Ивановъ и эсаулъ Юдинъ . . . . .        | 1    |
| Атаманъ Кулага . . . . .                        | 27   |
| Атаманъ Заметаевъ . . . . .                     | 48   |
| Атаманъ Филиповъ и разбойникъ Сучковъ . . . . . | 71   |
| Атаманъ Буковъ и Тимофѣевъ . . . . .            | 104  |
| Атаманъ Шагала и Рыжій . . . . .                | 125  |
| Атаманъ Дегтяренко . . . . .                    | 166  |
| Атаманъ Брагинъ и разбойникъ Зубакинъ . . . . . | 193  |





COLEMAN

1. The first part of the book is devoted to a general  
2. description of the country and its inhabitants.  
3. The second part contains a detailed account of the  
4. various tribes and their customs.  
5. The third part is a collection of notes and  
6. observations on the natural history and  
7. geology of the country.  
8. The fourth part is a list of the names of the  
9. various tribes and their chiefs.  
10. The fifth part is a list of the names of the  
11. various tribes and their chiefs.









to the Father of the













Mordovcev, Daniil Lukič,

Samozvancy i ponizovaja volnica istoričeskija monografii

Bd.: 2

S.-Peterburg, Moskva 1867

39.1710-2

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10701619-7